

Е. ДАНЬКО

208

К С
И Е
Т К
А Р
Й Е
С Т
К
Ш
И

КИТАЙСКИЙ СЕКРЕТ

Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва · 1957

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Видал он дальние страны,
По суше, по морю носился,
Во дни былые, дни войны
На западе, на юге бился.

А. Пушкин

ЗАГАДКА ЯО

Девять веков тому назад с запада Европы двинулись полчища воинов на восток, за Средиземное море. Князья, монахи, рыцари, простолюдины присоединялись к этому походу. Кто ехал верхом, кто в телеге, кто ковылял пешком, вскинув на плечо самодельное копье.

По ночам у костров люди пели псалмы или рассказывали чудеса про богатую страну, которая ждала их за морем.

Страна звалась Палестиной. Ее нужно было завоевать.

Королям и князьям давно хотелось завладеть торговыми путями, ведшими на богатый Восток. Они были не прочь прибрать к рукам золото, серебро и драгоценные камни арабских калифов. Но под каким предлогом напасть им на арабов, которые не трогают далеких северных жителей?

Римский папа придумал предлог. В Палестине, в Иерусалимском храме, стоит гроб господень. Его нужно освободить из рук язычников.

На коней, рыцари!

Собирайте войско, украшайте знамена и латы знаком креста. Кто пойдет в поход, тому отпустятся грехи. Было объявлено, что рабы-крестьяне станут вольными людьми, если примкнут к походу. Тысячи крестьян ушли от своих господ освобождать далекий гроб господень.

Крестоносцы вторглись в Палестину и захватили Иерусалим.

Награбленные сокровища они отправили на кораблях в Европу.

Арабы заключили мир с крестоносцами.

У гроба господня стало нечего делать. Крестоносцы присматривались к чужой стране. Каждый день открывал им что-нибудь невиданное.

Язычники были, к удивлению европейцев, образованными людьми.

Они знали математику, астрономию, географию, медицину куда лучше, чем европейцы. Они чудесно ковали оружие, ткали шелка, выделывали краски и выращивали неведомые Европе плоды: абрикос, сливу и лимон.

Арабы торговали со всем миром.

В приморских городах, где сходились караваны из Персии, Афганистана и даже Китая, пестрые базары привлекали к себе крестоносцев.

В лавках, увешанных бухарскими коврами, суровые северные воины дивились яркости и блеску восточных товаров.

Купец, краснобородый перс или армянин с длинными глазами, показывал им кинжалы из Дамаска, страусовые перья из Каира, голубые и желтые персидские блюда и чаши, узорчатые индийские кальяны с тонкой шейкой, из которых толстые турки потягивали душистое куренье, сонно покачиваясь на подушках.

Еще немало было товаров — резная слоновая кость, бронзовые кувшины, золотые запястья с бирюзой и жемчугом, — но больше всего дивились европейцы белой посуде, привезенной на верблюдах с другого края света — из далекого Китая, через пустыни, горы и огромные азиатские реки.

Эта посуда была белая, блестящая и звенела, как металл.

• Что это такое? — спрашивали европейцы, желая знать, из чего она сделана.

Яо,— отвечал купец,— тинг-яо.— И он ставил на ковер белую чашку, тонкую, как яичная скорлупа. На ней была нарисована красная хвостатая птица.

— Че-яо.— И на ковре появилась высокая ваза, расписанная цветами.

Потом торговец доставил откуда-то белые тарелки с голубыми драконами и пронзительно кричал:

— Кин-те юо. На таких тарелках ест сам китайский богдыхин.

Ди из чего они сделаны? — допытывались европейцы.

— Яо,— повторял торговец, полузакрыв темные веки, и чашка, задетая длинным ногтем, чисто звенела: «я-а-о».

На тяжелых кораблях по морю, в дорожных сумках за седлом по суровым дорогам Европы везли рыцари домой эти хрупкие белые и разрисованные вещицы. Не одна разбилась в пути.

В каменных замках, когда холодный ветер врывается в трубу и задувал пламя в очаге, вынимали рыцари белые, нежные черепки и, рассматривая их, вспоминали теплые восточные ночи, пряные запахи палестинских трав, пестрые лавки на базарах и непонятное слово «яо».

СЕЛАДОНЫ

Еще не раз вторгались европейцы в палестинские владения арабов. Вслед за рыцарями европейские купцы стали привозить в Европу китайскую посуду. Европа завязала торговлю с Азией. Моряки — португальцы и генуэзцы — ходили за восточными товарами на легких парусниках в Трапезунд и Александрию и привозили оттуда китайские чашки и тарелки, не только белые, но и светло-зеленые.

Пошел слух, что светло-зеленая китайская посуда сразу темнеет, если на нее попадает яд. Светло-зеленые сосуды в это время назывались в Европе «селадоны». Короли и князья наперебой старались заполучить себе селадоны. Каждый из них боялся отравы.

Европа тогда была разделена на множество мелких королевств и княжеств.

Вся земля принадлежала князьям и баронам, иначе говоря — феодалам. Рабы-крестьяне кормили, поили, одевали своих господ, их слуг и целые дружины воинов.

Феодалы собирали подати с крестьян хлебом, медом, шерстью. Они одевались в домотканое платье, пили сваренное

дома пиво и воевали друг с другом. Каждому хотелось захватить владения более слабого соседа. Каждый боялся, что сильный сосед отнимет у него землю. Время было тревожное: то восставали крестьяне, то возмущались города, отказываясь платить подати баронам.

Феодалы жили за крепкими стенами замков. Их охраняли верные дружинники. Но от яда, подсыпанного в пищу или питье, у них не было защиты.

Вот почему они так обрадовались китайской посуде, которая будто бы спасала от яда.

Один князь пригласил к себе другого на пир. Он завидовал богатству гостя и хотел его отравить. Кравчий должен был на пиру подсыпать яду в кубок приезжего князя.

Пир был в высоком каменном зале. Гости сидели на лавках, устланных мехами. На столе дымился белый кабан. Когда стали разливать вино из кованых серебряных кувшинов в кубки, приезжий князь вынул из кармана светло-зеленую чашечку и, подставив ее под струю вина из наклоненного кравчим кувшина, сказал:

— Я пью только из этой чашечки,— она потемнеет сразу, если на нее попадет яд.

У хозяина волосы на голове зашевелились от страха. Драться с гостем, когда чашка потемнеет, у него не было охоты. Он подмигнул кравчему, чтобы тот отложил яд подальше.

Пир кончился благополучно. Когда гость уезжал, хозяин поклялся ему в вечной дружбе и выпросил у него зеленую чашечку «на память».

«Теперь и я тоже не буду бояться отравы»,— думал он.

Увы, чашечка не помогла. Его отравил тот же самый кравчий в отместку за жестокое обращение.

В те времена за столом никому не полагался отдельный прибор. Все ели из общей миски прямо пальцами, а кубок с вином нередко передавался по очереди от одних губ к другим. Бедняки ели из деревянных плошек, а те, кто побогаче, заводили себе оловянную или серебряную посуду.

Гончары умели делать глиняные миски и тарелки, покрывали их поливой и обжигали в печах, но эти миски из глины были грубые, тяжелые и шероховатые. Такой блестящей, звонкой и тонкой, как яичная скорлупа, посуды, какой была китайская, в Европе никто не умел делать.

Китайская посуда не спасала от яда — это были сказки, но от грязи и заразы она могла уберечь. Она была чище металлической и деревянной посуды. С ее гладкой, блестящей поверхности легко смывалась всякая грязь. Но этой посуды было так мало в Европе, что, кроме князей, боявшихся от-

рава, на ней никто не ел. Ее берегли в сокровищницах вместе с драгоценностями. Ее оправляли в золото.

У королевы Изабеллы Католички хранился белый китайский стаканчик в сокровищнице Альказара. Его золотая оправка стояла больше, чем несколько испанских деревень.

Знатные дамы носили черенки разбитой китайской посуды на золотых цепочках вокруг шеи.

Когда какой-нибудь восточный владыка хотел сделать хороший подарок европейскому князю, его послы отвозили в Европу красивую китайскую посуду. Так, султан Абульсет Гамель послал двадцать китайских сосудов венецианскому дожу Милиньеро, а флорентийский правитель Лоренцо, прозванный Великолепным, получил от египетского султана такой же подарок. Китайская посуда так понравилась Лоренцо, что он призвал к себе итальянских гончаров и просил их сделать такую же. Но сколько ни старались гончары, у них ничего не вышло.

ЯИЧНАЯ СКОРЛУПА И РАКУШКИ

Когда торговцев — индусов и персов — спрашивали, из чего сделана китайская посуда, они начинали молоть всякую срунду. Одни говорили, что она из той самой глины, из которой будто бы сделаны солнце и луна. Другие, подняв руки к небу и закатив глаза, шептали, что эта посуда не только темнеет, но разлетается вдребезги, если на нее попадет яд. Кроме того, она приносит счастье и отгоняет злых духов. Еще немало чего болтали торговцы, набивая цену на свой товар, а он и так ценился на вес золота.

В XIII веке венецианец Марко Поло поехал в Китай и прожил там двадцать шесть лет. Он привез с собой на родину много китайской посуды. Китайцы ему рассказывали, что они делают эту посуду из глины, которую находят в глубине земли. Эта глина лет сорок должна лежать на солнце и дожде, сначала мокнуть, потом сохнуть, потом ее опять закапывают в землю, а потом уже делают из нее посуду.

Марко Поло тоже называл китайскую посуду «яо», но, кроме того, он называл «яо» маленькие белые ракушки, которые привез из Китая. Эти ракушки ходили в Китае наравне с разменной монетой. Они были белые и блестящие, как китайская посуда.

В Италии, на морском берегу, тоже были такие белые ракушки. Их называли «порчелла», что значит «свинушка», потому что своей формой и цветом они напоминали поросят.

Тут уже все перепуталось в головах у европейцев. Кто-то решил, что китайская посуда делается из ракушек. Ее стали

называть «порчеллан», «порцеллан» или «порселен». Так называют ее в Европе и сейчас, а мы называем ее «фарфор». Это слово пришло к нам с Востока, от торговцев — турок и персов. Они его употребляли, когда говорили о китайских товарах, и называли так китайскую посуду.

В Европе долго думали, что порселен делается из ракушек или из яичной скорлупы.

Триста лет прошло с тех пор, как Марко Поло ездил в Китай, а во Франции писатель Пансироль все еще писал так: «Этот порселен — не что иное, как масса, сделанная из яичной скорлупы и толченых ракушек. Китайцы составляют эту массу, размешивают ее, и потом глава семьи или старший в роде зарывает ее глубоко в землю, в потайное место. Смесь лежит в земле девяносто лет без воздуха и света, после чего наследники и правнуки закопавшего опять выкапывают ее и делают из нее драгоценные вазы, белые и такие прекрасные с виду, что ни один архитектор не найдет в них ошибки. Достоинства их тем более велики, что, если положить в них яд, они разбиваются вдребезги».

ИСКУССТВЕННЫЙ ПОРСЕЛЕН

Китайская посуда ценилась так дорого, что если бы какой-нибудь гончар в Европе научился ее делать, он сразу разбогател бы.

Гончары в Италии и Франции лезли из кожи, стараясь сделать что-нибудь похожее на порселен. Они научились делать красивую глиняную посуду, покрывали ее белой поливой и поверх поливы расписывали красками. Но если она разбивалась, черепок в изломе был темноватый, а не белый, как у китайской посуды. Ведь белая полива накладывалась на глину только сверху, а внутри глина оставалась темноватой, серой или коричневой; черепок же порселена был белый насквозь. Глиняная посуда была тонкая и красивая; но далеко ей было до порселена. Она не просвечивала на свет ничуть, и краски на ней были не такие яркие. Называли ее фаянсовой.

Наконец в XVII веке французу Луи Потера удалось, смешав песок, мел, селитру, соду, поваренную соль и квасцы, сделать массу, которая, после того как ее накалили в печи, стала похожа на порселен. Посуда из этой массы была белая и блестящая, как китайская.

Французы были очень довольны, важничали и хвалились этой посудой. Увы, она оказалась похожей на китайскую только по виду. Есть и пить из нее было очень неудобно. Поцарапаешь ее ножом — остается борозда; станешь пить из

чашки — кусочки от края прямо в рот обламываются. Ее ставили под стекло и любовались на нее издали. Эту посуду называли «искусственный» или «мягкий порселен».

А китайцы сидели в своем Китае и посылали в Европу чудесные блюда и вазы, одна другой лучше.

Наступили новые времена. Генузлец Колумб привел испанские корабли к новому матерiku — Америке. Мореход Васко да Гама проехал в Индию новым путем по морям и океанам мимо мыса Доброй Надежды.

В Европе разрастались торговли. Ширлились и богатели города. Корабли с новыми товарами входили в шумные порты. Товары текли по новым дорогам с одного края страны до другого.

ПОЛК СОЛДАТ ЗА КИТАЙСКИЕ ВАЗЫ

Старый феодальный строй мешал росту торговли. Бывало, идет купец товары в далекий порт. Подъезжает он ко владениям какого-нибудь барона. «Стой! Плати пошлину, а то не пропущу», — говорит барон.

Купец платит пошлину, едет дальше, а другой барон уже кричит ему из-за своей околицы: «Эй, поворачивай обратно! Я на свою землю купцов не пускаю».

Повернет купец обратно, объедет кругом владения сердитого барона, едет дальше... А дальше два барона воюют, и каждый рад под шумок захватить себе купеческие товары.

«Тьфу! — думает купец. — Когда их угомон возьмет? Развелось столько баронов — хоть плачь. У каждого барона своя фантазия. Был бы один король — с одним-то мы ладили бы».

Торговые люди помогали деньгами королю, который воевал с феодалами, обещал сделать дороги свободными и защищать торговлю.

А деньги стали главной силой в стране. Пища, платье, домашняя утварь, лошади — все покупалось за деньги. У кого были деньги, тот был богат и силен. У него были и войска, и ружья, и пушки, и лучшие полководцы.

У феодалов денег не было. Ведь подати собирали они не деньгами, а хлебом, льном, шерстью. Торговать они не умели. Их дружинники ушли к тем, кто платил деньги. Стены замков рушились под обстрелом королевских пушек. Феодалы сдавались королю один за другим. Их время прошло.

Наступила пора королей — абсолютных монархов, пора дворян, которых король награждал остатками феодальных земель, пора денежных людей, державших в своих руках торговлю всего мира.

Португальцы и голландцы снаряжали корабли за восточными товарами в Китай. Они привозили оттуда порселен, или фарфор,— китайскую посуду, белую и светло-зеленую, блестящую и красную, матовую, украшенную выпуклыми узорами. А фарфор полюбился европейцам теперь еще пуще, чем прежде.

Короли окружали себя блеском и роскошью. Они строили себе великолепные дворцы. В парках, среди золоченых статуй, били причудливые фонтаны. Фабрики делали роскошную мебель, узорчатые паркеты, парчу и шелка для королевских дворцов.

Дамы стали носить широченные юбки-роброны, на которые шли десятки аршин золототканых материй. Мужчины наряжались в расшитые шелками кафтаны, в бархат и кружева. Скоро завели моду носить высокие парики на головах, а на ногах — туфли с высоченными каблуками. Каждый старался одеться как можно пышнее, ярче и неудобнее, чтобы казаться важным и красивым.

Но под роскошным платьем не всегда было чистое белье; кружевные воротники нередко прикрывали невытую шею, потому что тогда мытье было не очень-то в ходу.

Маленький Людовик, будущий французский король — «Король-Солнце», как он потом себя называл,— спал в королевском дворце на дырявых простынях, под разлезшимся от ветхости одеялом. В великолепных дворцах дуло изо всех щелей. Слуги ходили оборванные, как нищие. Случалось, что на несколько человек была всего одна пара сапог. Кто выходил к господам, тот надевал сапоги.

Зато снаружи для показу все должно было блестеть, шуршать шелками, искриться золотом. Пестрая, блестящая фарфоровая посуда как нельзя лучше подходила для украшения дворцов. А тут еще дворяне завели у себя восточный обычай пить чай и кофе. Сколько чашек, блюдец, кофейников и чайников понадобилось им всем сразу!

Гончары выбивались из сил, чтобы разгадать китайский секрет. Их фаянсовая посуда становилась все красивее, фаянсовые тарелки Руана, Дельфта и других фабрик ценились очень дорого. Но еще дороже ценился китайский фарфор.

Саксонский король Август Сильный отдал в обмен за несколько китайских ваз полк здоровенных драгун, все молодец к молодцу, прусскому королю Фридриху. «Полк драгун, но без мундиров, без лошадей и без оружия»,— так и написано в старинном документе об этой сделке.

Вот до чего доходили короли в своей жадности к фарфору.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ХИТРЫЙ МОНАХ

Кружится птица в вышине
И видит город — весь в огне.
Там день и ночь пылают печи,
Их трубы теплятся, как свечи,
И освещают черный дым
Кровавым блеском огненным.

Г. Лонгфелло

ОТЕЦ Д'АНТРЕКОЛЛЬ

В те времена у монахов была большая власть в руках. Каждый монах принадлежал к какому-нибудь ордену. В ордене были свои начальники — вроде генералов, и другие — вроде полковников. Простые монахи слушались их беспрекословно. Начальники умели натравить одного короля на другого и затеять войну, если это было им выгодно. Им всегда удавалось оттягать у крестьян лучшую землю для монахов своего ордена. Монастырские кладовые были наполнены золотом.

Орден иезуитов был самым богатым и могущественным из орденов. Орден иезуитов посылал своих монахов во все страны света. Лукавые монахи не только обращали язычников в свою веру, они проникали повсюду, выспрашивали, вынюхивали и доносили своим начальникам обо всем, что видели. Монахи давно пробрались в Китай.

Другие европейцы, приезжавшие на высоких кораблях,— грубоватые моряки и жадные купцы — отпугивали от себя китайцев. Они носили громадные пистолеты у пояса, громыхали высокими сапогами и неистово ругались на своем языке, закупа я у китайцев шелка и фарфоровую посуду.

Тихие речи ласковых монахов нравились вежливым китайцам куда больше. Бритые головы, широкие рукава ряс, сандалии на ногах и обычай перебирать четки делали их похожими на самих китайцев. Они не только превосходно говорили на китайском языке, но читали даже китайские книги.

«Сыны неба» — богдыханы — вели с ними ученые беседы и советовались в разных делах, но зорко следили, чтобы ученые «отцы» не шатались по Китаю без дела и не совали носа, куда не просят. Поэтому иезуитам не удавалось ничего узнать о секрете фарфора, а им очень этого хотелось. Наконец один из них — отец д'Антреколль — добился позволения поехать в город Кин-те-чен, где были самые большие фарфоровые фабрики. Распростершись ниц перед богдыханом, он сделал «коуту», то есть стукнулся лбом об пол, и благодарил богдыхана за милостивое позволение. Ему вручили большие пропускные грамоты с красными печатями на шелковых шнурках. Потом он сел на раскрашенный корабль с драконом на носу, шедший в Кин-те-чен за фарфором, и отправился вверх по широкой реке Янцзы, мимо рисовых полей, где сгибались китайцы в больших соломенных шляпах.

Это было в начале XVIII века, двести с лишком лет тому назад.

ГОРОД КИН-ТЕ-ЧЕН

Когда судно под вечер, после многодневного пути, обогнуло последний речной мыс и в полукруге высоких гор глазам открылся город, отцу д'Антреколлю показалось, что он видит большой пожар или гигантскую печь с бесчисленными отдушинами, из которых вырывались огонь и дым.

Это пылали печи, где обжигался фарфор. Их было три тысячи. Город казался объатым пламенем.

«Вот почему,— писал потом иезуит в Париж,— китайцы везде ставят часовни в честь бога огня, но это не спасает город от частых пожаров».

Резка была запружена судами, стоявшими в несколько рядов. Корабль, на котором ехал д'Антреколль, с трудом пробился к пристани.

На берегу толпились люди. Китайцы-носильщики бегали по скользким, нагружая фарфор на большие суда и принимая какой-то груз с маленьких парусных джонок.

Д'Антреколль сошел на берег и нанял проводника, чтобы тот провел его к дому мандарина.

Над городом стоял дым от печей. Узкие улицы, прямые, как линейки, выходили в гивань. Каждая улица была длиной в тринадцать ли¹, поэтому Кин-те-чен назывался также Шикан-ли, что значит «Город тринадцати ли».

По улицам сновали люди.

Торговцы с грохотом катили свои тележки.

Продавцы апельсинов старались перекричать пекарей, жаривших рисовые лепешки тут же на улице на маленьких жаровнях.

Толстые купцы покрикивали на носильщиков с тюками товаров.

Китайские дамы под зонтиками мелко семенили крохотными ножками в башмачках на толстых белых подошвах. Их высокие прически, украшенные цветами и бабочками, задевали за бумажные вывески, висевшие поперек улицы.

Ребятишки запускали бумажного змея в виде дракона. У них были бритые головы, только над ушами и на макушке пушистились хохолки волос, как черные мышки.

Стоял такой шум и гам, что д'Антреколлю показалось, будто он попал на ярмарку.

Вдруг толпа расступилась, и стало тише. Прохожие отошли в стороны. Появился рабочий с двумя длинными досками на плечах. На узких досках лежали в ряд белые матовые чашки доньшками кверху. Это токарь нес свой хрупкий товар в обжигательную печь. Все давали ему дорогу, зная, что если хоть одна чашка разобьется, ему придется платить за нее хозяину. Он шел, легко ступая ногами в соломенных сандалиях и чуть-чуть покачиваясь на ходу.

Д'Антреколль загляделся на него и думал: «Рабочий следит за каждым своим движением и каждым шагом, чтобы не уронить посуду. Пожалуй, и мне придется быть таким же осторожным, выведывая секрет фарфора. Один неверный шаг может меня погубить».

— Пойдемте,— сказал ему проводник-китаец,— пойдемте, уже темнеет! Нам надо поспеть к дому мандарина, пока улицы еще не закрыты.

¹ Китайская ли равняется 400 метрам.

В сумерках уже зажигались фонари из бумаги и шелка над лавками торговцев. Их стенки светились красными и зелеными надписями.

Веда д'Антреколля по темнеющим улицам, проводник рассказал ему, что в Кин-те-чен не пускают никого из чужестранцев. Д'Антреколль первый получил пропуск. Когда стемнеет, все улицы запираются загородками-заставами. Караульные пропускают лишь тех прохожих, кто знает условный знак или тайное слово.

Всю ночь по городу ходят отряды полицейских. Они следят за тем, хорошо ли работают печи и не подглядывает ли какой-нибудь чужеземец, как делается фарфор.

Так разговаривая, они взошли на холм, где стоял дом мандарина. Над резной дверью важно покачивался большой бумажный фонарь, белый с синими звездами.

МАНДАРИН

Раскосые глаза мандарина хитро посматривали на гостя, пока сам мандарин низко кланялся, подгибая колени. На нем была круглая шапочка с золотым шариком на макушке. Кисть красного шелка свисала ему на ухо. Синий халат, расшитый золотыми драконами, был перехвачен на животе серебряным поясом. На поясе болтались веер, фарфоровая табакерочка и маленький кинжал в ножнах.

Едва д'Антреколль пытался сказать хоть словечко, мандарин опять начинал кланяться. Наконец д'Антреколль вынул свои грамоты и протянул их кланявшемуся мандарину.

Что тут сделалось с мандарином! Он бросился на пол ничком и стал стучать лбом о соломенные циновки. Красная кисточка упала ему на глаза, а коса извивалась на спине, как змея.

Наконец он встал и сказал:

— Тебя прислал великий дракон, сын неба, наш мудрый богдыхан. Да будет счастлив твой приход!

И он наговорил монаху сотню китайских любезностей и пожелал ему пять земных блаженств.

А эти пять блаженств были: тугой кошелек, крепкий сон, толстый живот, долгая жизнь и легкая смерть.

В углах комнаты в красивых фарфоровых вазах миндаль и яблони поднимали свои легкие ветки, усыпанные бело-розовыми цветами. На медном треножнике в очаге кипел чайник.

Мандарин налил чаю в голубые чашки без ручек и угощал гостя орехами с медом из зеленой вазы. Эти орехи были выкрашены красной краской — киноварью. У д'Антреколля губы

и зубы стали красными, как кирпич. Китайцы считали это красным.

Нежно и осторожно мандарин расспрашивал, что привело «полаица дракона» в их город.

Погги на левой руке у мандарина были отращены на два вершка. Он прятал их в золоченые бамбуковые наперстки.

Пока д'Антреколле говорил, мандарин то снимал наперстки и поглаживал свои желеноватые погги, то опять надевал их, и сам пылко вглядывался в собеседника.

А монах раздвинулся солоном. Он приехал сюда посмотреть город, он ищет большую книгу о Китае, чтобы его братья европейцы узнали, какая это чудесная страна и какие в ней мудрые мандарины. Какой удивительный порядок в городе Кин-те-чене, как умно управляет им мандарин! Про фарфор хитрец не вымолвил ни слова.

От улыбок лицо мандарина расплылось в лепешку. Хитрые глазки превратились в щелочки. Ему захотелось, чтобы д'Антреколле написал про него что-нибудь хорошее в своей книжке. Начертив тушью на бумаге какие-то знаки, он велел слугам взять фонари и проводить гостя в дом, где он мог перепочевать.

Опять начались поклоны, приседания, любезности. Д'Антреколле и слуги уже поворачивали в темный переулок, а мандарин все еще стоял под фонарем на пороге и кланялся. Потом он вошел в дом, надел плащ и, прицепив сбоку большой меч, пошел в ночной обход по городу с десятью полицейскими.

Д'Антреколле шел по пустым улицам. Огни печей пылали теперь еще ярче, потому что наступила ночь. В городе было таинственно и тихо, только у печей двигались темные фигуры мастеров.

ФАРФОРОВЫЕ ЧУДЕСА

Д'Антреколле поселился в доме старого китайца, хозяина нескольких парусных джонок. Монах бродил по городу и каждый день узнавал что-нибудь новое про фарфоровые фабрики.

В убогих хижинах рабочие жили впроголодь. Рис, заменяющий китайцам хлеб, стоил в Кин-те-чене дорого: его привозили издалека.

Когда д'Антреколле рассказал рабочим, как высоко ценится в Европе их фарфор, они ему не поверили.

Всю прибыль брали себе купцы, а рабочие получали жалкие гроши. Великолепные вазы, которыми восхищалась Европа, были сделаны бедняками, полуголодными рабочими. Их прилежные пальцы делали чудеса из фарфора.

Двор богдыхана требовал каждый год:

31 тысячу блюд,
16 тысяч тарелок с синими драконами,
18 тысяч чашек с цветами и драконами,
11 200 блюд с написанными словами: «фу» — счастье и
«чеу» — долгая жизнь.

В приказах богдыхана по фабрикам говорилось, что посуда для двора должна быть голубая, как небо после дождя в промежутках между облаками, блестящая, как зеркало, тонкая, как бумага, звонкая, как гонг, гладкая и сияющая, как озеро в солнечный день.

Все это исполняли фабрики Кин-те-чена.

Рабочие умели делать удивительные вещи: посуду белую, как цветы яблони, посуду, лиловатую, как аметист, и еще — красную неблестящую посуду, похожую на коралл, всю в резных узорах. Они делали фонари, расписанные пурпурными пионами, которые чудесно светились, если внутри зажечь огонь. Другие фонари — в виде рыб и драконов с горящими глазами.

Д'Антреколль видел там один фонарь — большую фарфоровую кошку с горящими глазами. Он рассказывал в письмах, что крысы боялись ее больше, чем живых кошек.

Еще там были коробочки с кружевными фарфоровыми стенками, в которые сажали пойманных бабочек. Были чашки, у которых сквозь дырочки в первой — кружевной — стенке виднелась вторая — сплошная. На ней были нарисованы горы, дома и китайки с корзинами цветов.

Из таких чашек можно было пить какой угодно горячий чай, не обжигая пальцев, потому что от кипятка нагревалась только внутренняя сплошная стенка, а кружевная оставалась прохладной.

Некоторые чашки были с таким фокусом, что когда вы начинали пить, вода вдруг бурлила и брызгала вам в нос.

А однажды мандарин показал д'Антреколлю чудесную белую чашу. Когда в нее наливали воду, на ее стенках вдруг появлялись, словно выплывали, голубые рыбы. Выливали воду — чаша опять становилась белой.

Но больше всего славилась в Китае фарфоровая нанкинская башня. Ее девять этажей поднимались вверх на восемьдесят метров. Стены были выложены белыми фарфоровыми плитками. Плитки у окон и дверей были желтые и зеленые. На них извивались выпуклые драконы. На острых выступях башни висели фарфоровые колокольчики. Их было восемьдесят штук. Они нежно звенели от дуновения ветра ¹.

---

¹ Этой башни теперь уже нет. Около семидесяти лет тому назад она была разрушена войсками, усмирившими восстание в Восточном Китае.

ТРУДНЫЕ ЗАКАЗЫ

Но были вещи, которые даже китайские искусные мастера не могли исполнить. Из фарфора можно было делать большие чашки и блюда, но плоские пластины гнулись и кривились в процессе, если они были больше одного квадратного фута.

Богдыханы, как обычно, заказывали такие пластины. То им нужна была фарфоровая плита для облицовки дворцов длиной в три, а шириной в два с половиной фута, то фарфоровые плитки, имеющие четыре фута в длину и два в высоту.

Одному богдыхану даже пришло в голову заказать фарфоровый орган с четырнадцатью трубками, издававшими разные тона.

Рабочие делали фарфоровые флейты и флажолеты¹, но орган им не удалось исполнить.

Вместо органа они сделали богдыхану другой инструмент из фарфоровых пластинок, висевших рядами. Ударяя по ним палочкой, можно было разыгрывать целые пьесы, потому что каждая пластинка издавала свою ноту, как струна в рояле.

Это тоже трудно было сделать. Для того чтобы пластинки звучали разными тонами, их надо было делать разной толщины и обжигать при разной температуре: одни при очень высокой, другие при более низкой.

Богдыхан не принял этого инструмента,—подавай ему орган, да и только!

У «великого дракона» и сердце было драконье. Над неисполнимыми заказами рабочие мучились по три, по четыре года. Они тратили свои деньги на дрова и глину и впадали в еще большую нищету. С отчаяния они просили мандаринов отменить заказы. Но мандарины старались выслужиться — получить павлинье перышко на шапочку в знак милости императора. Они били рабочих палками по пяткам и заставляли их приниматься опять за ту же работу.

Если «великий дракон» умирал, все китайцы в знак печали не стриглись и не брились в течение ста дней, их головы и подбородки зарастали черной щетиной. А рабочие втихомолку радовались: ведь наследник богдыхана — новый «дракон» — всегда отменял прежние заказы.

Одному богдыхану приспичило заказать вазу, такую большую и такую нескладную по форме, что она трескалась каждый раз, как рабочие ставили ее в печь. Тогда приходилось начинать работу сызнова. У рабочих болели пятки от побоев.

В последний раз поставили они в печь проклятую вазу. Пламя из топки освещало их усталые, измученные лица. Они

¹ Флажолет — небольшой духовой инструмент вроде дудочки.

были уверены, что ваза опять лопнет, и тогда им не миновать казни. С горя один из них бросился в печь и сгорел. Ваза вышла прекрасно.

Восхищенный богдыхан позвал рабочих, чтобы их наградить. Они пришли, но одного среди них не хватало. В печи лежала горсточка пепла.

Китайцы были уверены, что ваза не треснула потому, что рабочий принес ей свою жизнь в жертву. Его прославляли, в его честь воздвигли часовни. С тех пор он сделался у китайцев героем, покровителем всех фарфоровых мастеров.

Этого беднягу звали Пу-тсаи.

«Но жалкие почести, оказанные ему после смерти, не соблазнили никого больше последовать его примеру», — написал д'Антреколле в своем письме в Париж, рассказав историю бедного рабочего.

КАОЛИН И ПЕ-ТУН-ТСЕ

Однажды старый Сунг, хозяин д'Антреколлея, вернулся домой в дурном настроении. Его морщинистое лицо стало совсем серым, он бормотал что-то себе под нос, потом стал громко стонать и плакать. Охая, он взял круглое зеркальце и прибил его снаружи над входом в дом.

— Что случилось? — спросил д'Антреколле.

— Злые духи хотят меня погубить, — заплакал старик. — Они преследуют меня на пристани. Они придут в дом по моим следам, увидят свое отражение в зеркале, испугаются, — потому что они очень страшные, — и убегут.

— А что тебе сделали духи?

— Они опрокинули мои джонки на реке. Они подняли ветер, и мои джонки потонули вместе с прекрасным грузом! — Старик сел на порог и стал горестно причитать, покачиваясь вперед и назад: — Мои дорогие сыновья сами грузили каолин на крепкие днища, мои прилежные сыновья сами делали пе-тун-тсе! Они послали джонки с каолином и пе-тун-тсе вниз по реке из Фулианга, чтобы старый Сунг мог продать этот груз на фарфоровые фабрики! Чтоб их бедный отец мог успокоить свою старость и купить себе бронзового бога! А злые духи опрокинули мои джонки! О мой каолин! О пе-тун-тсе! Ловкий мастер не сделает из вас прекрасной посуды! Вы лежите на дне, над вами плавают рыбы, но рыбы не умеют делать фарфор! Старый Сунг не купит себе бронзового бога!

Тут старик вдруг замолчал и подозрительно взглянул на д'Антреколлея.

Монах уже привык, что китайцы всякую неудачу приписывали злым духам; рассказ старика его не удивил. Но когда

Сунг говорил о фарфоре, у монаха замерло сердце. Так вот почему делают фарфор! Каолин и пе-тун-тсе! Каолин — это значит высокий хребет, а пе-тун-тсе — маленькие белые кирпичики. Что же это такое?

Старик угрюмо ушел в угол и стал зажигать благовонные палочки перед носом глиняного идола с десятью руками. От него ничего больше нельзя было добиться.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

А д'Антреколль уже попал на след. Он болтался целыми днями у пристани. Зорко наблюдая за джонками, прислушиваясь к отрывочным словам матросов и купцов, он узнал, что каолин — мягкая белая глина, ее добывают в горах, носящих имя «Высокий хребет»; пе-тун-тсе — маленькие белые кирпичики, их тоже привозят джонки. Д'Антреколль узнал, что рабочие раскалывают в горах твердый горный камень и делают из него кирпичики. Но как же из кирпичиков делают фарфор?

Однажды д'Антреколль увидел на площади смешную будку, увешанную пестрыми флагами с бахромой.

Перед будкой стояла толпа народа, ребятишки пролезали вперед к сидевшему возле будки музыканту, который играл на длинной флейте, а ногой с зажатой между пальцами палочкой ударял по маленькому барабану, стоявшему рядом с ним. Вдруг занавеска спереди будки раздвинулась, и в отверстии появилась куколка, которая смешно передвигала ногами, подымала руки и вертела головой, как живая.

Налетевший ветерок распахнул занавеску шире, и д'Антреколль увидел над куколкой руки хозяина, который ловкими пальцами дергал и перебирал нитки, протянутые к кукле, заставляя ее двигаться. Самого кукольника не было видно за занавеской.

Д'Антреколль остановился и стал смотреть.

Куколка, двигавшаяся между занавесками, изображала молодую китаянку; она пела песенку (то есть вместо нее чей-то голос пел за занавеской) и танцевала.

Потом на сцену вышла другая кукла — отец китаяночки. У него были длинные черные усы и борода и высокая шапка на голове. Тут пришла еще третья куколка — молодой бедно одетый китаец. Д'Антреколль понял, что молодой китаец сватает китаянку, а отец соглашается ее отдать только за очень большой выкуп.

Потом старый китаец и китаяночка ушли, а молодой остался и стал жаловаться, что он беден и не может дать

шкатулка. Ничего у него нет, кроме синей фарфоровой вазы, которую ему оставила на память его умершая мать.

Он ушел за занавеску и принес эту вазу. Вдруг появилась кукла, изображавшая европейца-купца. Он был рыжебородый, в треугольной шляпе, качался, как пьяный, и громко ругался. В толпе засмеялись и зашептались довольные китайцы. Видно, кукла была похожа на европейца. Европейец стал приставать к молодому китайцу, чтоб он продал ему вазу, а тому не хотелось продавать подарок покойной матери, хотя деньги были нужны. Европейец предлагал ему денег все больше и больше. Потом они оба ушли, и на сцене никого не было, потому что кукольник приготавливал других кукол.

Музыкант опять начал игру.

В это время один из китайцев, стоявший впереди д'Антреколля в толпе, обернулся к другому и сказал:

— А ты слышал, как один рыжебородый, — рыжебородыми в Китае звали европейцев, — хотел устроить фарфоровую фабрику у себя на родине? Он купил у нас много-много пе-тун-тсе и увез с собой. Но у него ничего не вышло, потому что он не взял с собой каолина.

— Конечно, — ответил другой китаец, по виду купец, — фарфор нельзя делать без каолина. Фарфор без каолина — все равно что тело без костей.

Тут они оба рассмеялись и стали смотреть на сцену, где опять затанцевали куколки.

Д'Антреколлю было не до кукол. Его не интересовало, продал или нет молодой китаец свою вазу и женился ли он на китаяночке. Д'Антрекоλλη вернулся в свою комнату и там записал в свой тайный дневник все, что слышал про каолин и пе-тун-тсе. Он задумался.

«Должно быть, каолин придает крепость фарфору так же, как кости придают крепость телу, — размышлял он. — Но как это может быть? Ведь каолин — мягкая глина, а пе-тун-тсе — твердый камень!»

Он думал всю ночь и не додумался.

А дело было вот в чем: пе-тун-тсе, твердый горный камень, становился прозрачным, как стекло, если его накаляли в огне.

Он плавился и растекался в обжигательной печи. Каолин — белая глина — становился твердым и очень белым, если его обжигали. Китайцы смешивали пополам каолин и пе-тун-тсе, делали из этой массы посуду и обжигали в печи при температуре около 1300°. Тогда получался фарфор.

Но д'Антреколлю это было невдомек. Он решил проникнуть на фабрики, чтобы узнать, что там делается.

В МАСТЕРСКИХ

Проходили годы. Мандарин уже не раз менял свою шапку с золотым шариком на другую — с меховой опушкой, давая знак горожанам, что наступила зима. В Кин-те-чене никто не смел переменить летнее платье на зимнее, пока этого не сделает сам мандарин.

Черный рясник отца д'Антреколля мелькала по всему городу. Он входил в богатые дома и в хижины бедняков. Он старался быть добрым с рабочими и давал деньги самым бедным из них. К нему приважили, ему доверяли. Он даже пробрался в некоторые мастерские. Как удалось ему это?

Однажды он пришел к мандарину и прямо сказал ему, что хочет посмотреть, как делают посуду на фабрике. Мандарин оробел.

Но ведь вы знаете, что мы никого не пускаем в мастерские?

О дорогой друг, — сказал хитрый монах, — ведь мне и так все уже известно. Я знаю, из чего делается фарфор: из каолина и пе-тун-тсе; знаю, откуда привозят и то и другое...

Он сделал ученое лицо и прибавил:

Фарфор без каолина все равно что тело без костей.

Мандарин удивился еще больше.

— Откуда вы это знаете?

Сам «великий дракон» в Пекине позволял мне читать китайские старинные книги, в которых это написано, — важно соврал д'Антреколль.

Тут мандарин еще раз проникся уважением к его учености, не зная, что д'Антреколль ничего не читал, а только повторяет ему слова, подслушанные на пристани и на площади перед кукольным театром. Мандарин позволил д'Антреколлю пойти в мастерские, но сам пошел вместе с ним.

Это были большие бараки, обнесенные забором, на окраине города. Там кипела работа. На одном дворе в больших чанах промывали каолин и толкли пе-тун-тсе в порошок. Потом смешивали то и другое в больших ямах, выложенных камнем. Размешанное тесто раскатывали в пласты и уносили в подземные погреба. Там масса вылеживалась годами, становясь нежнее и мягче.

На другом дворе из массы делали посуду. Гончары сидели на скамейках и ногами крутили гончарные круги. Их ловкие руки лепили сосуды, вазы и чашки. Капли пота блестели на их смуглых спинах. Косы были завязаны в узлы на макушках. Ни один волосок, ни одна пылинка не должны были попасть в массу. Они могли испортить все дело.

Один рабочий придавал форму сосуда комку белой глины, другой подрезал ее ножом, третий обтачивал сосуд внутри, четвертый — снаружи, пятый полировал, шестой глазурировал и так дальше.

Каждый сосуд проходил через руки семидесяти рабочих.

«Это удивительно,— писал в своем дневнике д'Антреколль,— как быстро и ловко передают они сосуды из рук в руки. Никто не делает лишних движений».

Глазурь, от которой фарфоровая посуда становилась гладкой и блестящей, была налита в большие чаны. Ее делали, растирая в порошок зеленоватый горный камень и размешивая порошок в воде. Маленькие сосуды окунались в чаны с глазурью, а большие вазы обдувались глазурной пылью. Глазуровщики дули в маленькие трубочки с чашечками на концах. В эти чашечки был положен глазурный порошок с водой. От дуновения он распылялся по стенкам вазы.

Д'Антреколлю казалось, что нет народа более прилежного и ловкого, чем китайцы.

ЧЕТЫРЕ СОКРОВИЩА МУДРЫХ

— Я хочу сделать вам подарок, мой ученый друг,— сказал однажды мандарин.— Вот четыре сокровища мудрых.

И он подал д'Антреколлю бумагу, кисточки, тушь и дощечку для растирания туши.

Бумага была тонкая, шелковистая. Кисточки были сделаны из волос хвоста самой пушистой лисицы. Тушь лежала в зеленой нефритовой коробочке, обернутая в кусочек шелка. В ее черную матовую поверхность была вделана маленькая жемчужина в знак того, что это самая лучшая, самая черная, драгоценная китайская тушь.

Дощечка была простая белая, зато фарфоровый стаканчик, в котором стояли кисточки, сиял синим рисунком. На нем были нарисованы старые китаец и китайка. Они сидели и улыбались. У их ног, еще один старый китаец, одетый в детское платье, из-под которого торчали его длинные ноги, играл детской погремушкой. В корзине расцветали лилии.

— Мы любим, когда дети почитают родителей,— сказал мандарин.— Здесь нарисован китайский мудрец Лао-лай-тцзе. Когда ему было семьдесят лет, а отец и мать его были уже совсем старые, он одевался в детское платье и играл перед ними на полу, чтобы их позабавить. Тогда старикам казалось, что они еще молоды, что их сын все еще малютка, и они были счастливы.

— Неужели это сделано человеческой рукой? — воскликнул

д'Антреколле, восхищаясь ярко-синим цветом рисунка и его блестящими переливами под блестящей глазурю.

Мандарин засмеялся.

Хотите посмотреть, как это делается? Пойдемте сейчас к нашим живописцам!

Г'Антреколле, конечно, согласился.

ЖИВОПИСЦЫ.....

Живописцы сидели рядами на скамейках. Их косы висели очень сини. Около них стояли чашки с красками и кисточками. Первый брал вазу, рисовал узор вокруг горлышка и передавал другому, тот рисовал горы, третий — людей, четвертый — цветы, пятый расцветчивал рисунок золотом.

Когда ваза доходила до конца ряда, она была уже вся расписана, а мастера уже передавали другую из рук в руки.

В углу на отдельной табуретке стояла большая ваза. Живописец обдувал ее серой краской из трубочки, как это делали глазуровщики. Потом ножичком он проскребал на сером белые узоры. Пылинки краски падали на лист бумаги, подложенный под вазу. Живописец бережно собирал их и опять пускал в дело.

— Эта серая краска после обжига станет ярко-синей, — сказал мандарин, — мы делаем ее из серого камня — кобальта. Эта краска очень дорогая, в два раза дороже золота. Она у нас самая лучшая, поэтому мы бережем каждую пылинку.

— Давно ли китайцы научились делать фарфор? — спросил д'Антреколле, когда они вышли за ворота.

— Старые люди говорят, — улыбнулся мандарин, — что фарфор изобрел мудрец Хуанг-ти пять тысяч лет тому назад. Хуанг-ти придумал компас, научил людей арифметике и мореплаванию, а его жена Луи-тсе показала китайцам, как надо разводить шелковичных червей, но...

Тут слова мандарина были прерваны грохотом разбитой посуды. Живописец, несший большую вазу, расписанную серой краской, споткнулся и упал. Ваза осколками усыпала землю.

Мандарин пришел в бешенство. Он выхватил свой маленький кинжал и бросился к бледному, дрожащему рабочему.

— Я убью тебя, мошенник, негодяй, разиня! — кричал он. — Я продам твоих детей в рабство! Ты мне заплатишь за эту вазу!

Вежливый мандарин стал похож на разъяренного быка. Живописец валялся в пыли, обнимая его ноги. Из ворот вы-

глядывали рабочие с перекошенными от ужаса лицами. Они ждали, что мандарин заколет несчастного или прикажет забить его палками до смерти,— ваза была дорогая.

Д'Антреколль быстро сообразил, что ему нужно делать.

— Не горячитесь, уважаемый друг,— он положил руку на плечо мандарина,— и простите беднягу. За вазу плачу я.

Он вынул кошелек и передал его старшему мастеру.

Мандарин оторопел от неожиданности. Рабочие кланялись д'Антреколлю до земли; бедняк, разбивший вазу, целовал край его рясы. Д'Антреколль увел мандарина под руку.

Так он завоевал себе друзей в живописной мастерской.

ГЛИНЯНЫЕ КОРОБКИ

Д'Антреколль писал длинное письмо своему начальнику, отцу Орри, в Париж. Там было описано все, что он видел на фарфоровых фабриках, одного только не хватало: как устроены печи и как обжигается в них посуда. Должно быть, обжиг был самым главным секретом, потому что мандарин не позволял д'Антреколлю входить во дворы, где были печи.

После случая в живописной мастерской д'Антреколль однажды под вечер вошел в хижину того бедняка, который разбил вазу. Бедняк опять кланялся д'Антреколлю до земли и приказывал жене и детям целовать следы его ног. Он считал монаха своим спасителем.

— Слушай,— сказал д'Антреколль,— я хочу посмотреть, как обжигают фарфор на фабриках.

Бедняк побледнел от испуга.

— Хорошо,— сказал он наконец,— будьте готовы, когда луна взойдет.

Вечером д'Антреколль сидел на балконе своего домика. Над апельсиновыми деревьями всходила луна. Вдруг маленькая тень неслышно появилась на дорожке. Это был мальчишка в рваной рубашке.

— Идемте, господин,— зашептал он,— отец ждет вас у печи.

Они пошли не по улицам, уже запертым заставами, а через дворы и чужие огороды. Монаху приходилось подбирать рясу и перелезать через изгороди.

Все было тихо. Опять пылали огни печей.

У какой-то высокой стены мальчишка остановился и бросил в нее камешек. Тотчас же в самом низу стены зашуршали камни и открылась дыра. Мальчишка полез в нее на четвереньках, шепнув д'Антреколлю:

— Следуйте за мной, господин!

Принимать почтенному монаху стать на колени и по-сосвети встать в дыру. Крррр-ах! — рукав рясы оставил лоскут на обрешетке вахши.

Но дворе его подхватили под руки и поставили на ноги. Он увидел своего знакомого, разбиившего вазу.

В углу двора пылали печи. Высокая труба сыпала искры в темноту. Перед огненной топкой молчаливо двигались темные фигуры. Это истопники делали свое таинственное дело.

Во дворе было еще две печи. Они не топились. Из одной вынимали уже готовую посуду, а в другую ставили еще не обожженный фарфор.

Рабочие подняли д'Антреколля к этой печи.

Под паносом перед печью лежали круглые глиняные коробки из красной шершавой глины. Не обожженная, не блестящая, покрытая сероватыми красками посуда заключалась в эти коробки и в них ставилась в печь. Коробки не давали ей сжечься в огне, и благодаря им она нагревалась не сразу, а постепенно.

Маленькие чашки ставились по несколько штук в каждую коробку. Для больших ваз были приготовлены целые столбики из коробок, поставленных одна на другую. Только нижняя коробка была с донышком, а остальные были просто глиняные круглые стенки, стоявшие одна на другой и слепленные вместе серой глиной.

Коробки с фарфором ставили в печь, заполняя ее до самого верха. Потом отверстие печи закладывали кирпичами и замуровывали глиной, оставив только внизу место для топки. Туда бросали большие охапки дров.

Д'Антреколля подошел к печи, которая горела уже восьмой день. Семь дней печь топили не очень жарко, а на восьмой подбрасывали дрова так, чтобы огонь становился очень сильным.

Дрова громко трещали, огонь был в двадцатифутовой трубе, искры снопами сыпались в темноту. В печи хрупкая белая масса превращалась в твердый, блестящий фарфор силой огня и искусством прилежных мастеров.

В верху печи были проделаны маленькие окошечки, прикрытые черепками. Истопник влезал на печь, заглядывал в эти окошечки и железной палкой отодвигал крышку с верхней глиняной коробки. Отсветы огня прыгали по его лицу. Сквозь нестерпимый блеск он старался разглядеть фарфор.

Вначале фарфор накалялся докрасна, потом сиял желтым светом и наконец пылал ослепительным белым огнем. Тогда кончали топить.

Печь остывала двое суток, потом ее размуровывали и вынимали фарфор.

У третьей печи уже стояли твердые, сиявшие краской вазы и красные матовые чашки, похожие на коралл. При свете фонаря, висевшего на столбе, рабочие открывали одну коробку за другой и вынимали из них еще теплую посуду.

Д'Антреколль хотел видеть все. Он тоже влез на печь, которая топилась, и заглянул в окошечко. Ослепительный блеск ударил ему в глаза. Обтерев рукой выступившие слезы, он опять приложил один глаз к окошечку.

Вдруг мальчишка кубарем скатился со стены, где он в это время сидел, и что-то забормотал рабочим.

— Мандарин, мандарин идет с обходом!.. — зашептали испуганные рабочие, а по переулку уже слышались шаг и звон оружия, и кто-то стучал в ворота.

Опрометью бросился д'Антреколль к забору, но рабочие подхватили его под руки; подтащив к печи, посадили на землю и покрыли его сверху столбиком из коробок, приготовленных для большой вазы.

— Они уже в переулке, они вас увидят! — шептали рабочие и прикрыли столбик глиняной крышкой.

Во двор уже входил мандарин с десятью полицейскими. Мандарин подошел взглянуть, как топится печь. Потом он осмотрел готовую посуду, разбил рабочих за то, что две чашки лопнули, и, подойдя к третьей печи, сел на груды черепков и стал смотреть, как рабочие ставят коробки с посудой в печь.

Он был в двух шагах от д'Антреколля. У того замирало сердце и холодный пот выступал от страха, что мандарин его найдет. Какой стыд, какой позор! Ученый друг мандарина, как мальчишка, пролез под забором и сидит на корточках, с оторванным рукавом, в глиняной коробке! Ему захотелось плакать. Рабочим тоже было не до шуток. Кто знает, как бы разъярился мандарин, если бы нашел д'Антреколля! Может быть, он посадил бы рабочих в тюрьму, надев им на шею деревянные колодки, или поджарил бы их на медленном огне! Ведь они пустили чужеземца к обжигательной печи!

С такими мыслями рабочие ставили коробки в печь, незаметно замедляя работу. Наконец все коробки были поставлены, остался только один столбик — высокий, казалось, закрывавший вазу.

Там сидел д'Антреколль.

Рабочие дрожавшими руками уже взялись за глиняные стенки, чтобы нести в печь эту удивительную вазу.

Вдруг у другой печи с грохотом посыпались черепки, раздались дикие крики, и двое рабочих, сцепившись, покатались на землю. Они бешено дрались.

Мандарин вскочил, полицейские бросились к дерущимся. Слышались потух фонарь, звенела какая-то посуда, от других слышались божалы рабочие. Драчуны подкатились под ноги полицейским и повалили их на себя. Мандарин кричал:

Сумасшедшие, смотрите за огнем в печи!

В этой суматохе д'Антреколля вытащили из-под коробок и опрокинули в дыру забора. Мальчишка уже ждал его в стороне.

Во дворе зажгли фонарь, и тогда стало видно, что полицейские тушат друг друга, а драчуны уже смиренно стоят у печи.

Мандарин приказал бить их палками по пяткам за драку во время работы. Он не знал, что суматоха была нарочно затеяна рабочими, чтобы спровадить д'Антреколля и спасти товарищей от еще большего наказания.

Д'Антреколля слышал глухие палочные удары и стоны рабочих за стеной. Мальчишка опять повел его по чужим задворкам.

В темноте безмолвно пылали печи.

Вернувшись домой, д'Антреколля наскоро нарисовал чертеж печи и закончил свое письмо к отцу Орри. Он написал ему все, что узнал про обжиг, но о своих приключениях хитрый монах умолчал.

Зачем ему было рассказывать всему свету, как он сидел в глиняной коробке и пролезал в дыру под забором?

Он отправил свое письмо в Европу на португальском корабле. Это было в 1712 году.

Заплывшие жиром глазки отца Орри закатились от восторга, когда он прочитал письмо. Наконец-то секрет фарфора попал в руки иезуитов!

Он созвал ученых монахов в свою прохладную келью и торжественно прочел им письмо. Но ученые отцы только поскребли в затылках.

— Легко сказать — каолин и пе-тун-тсе, а как это зовется по-христиански?

Отец Орри рассердился.

— Говорят вам, каолин — это белая глина, а пе-тун-тсе — твердый горный камень!

— Белых глин много на свете, а горных камней — и того больше! — ответили монахи, поклонились отцу Орри и стали перебирать четки.

Тогда он передал письмо королевским химикам и физикам. Они долго ломали себе головы.

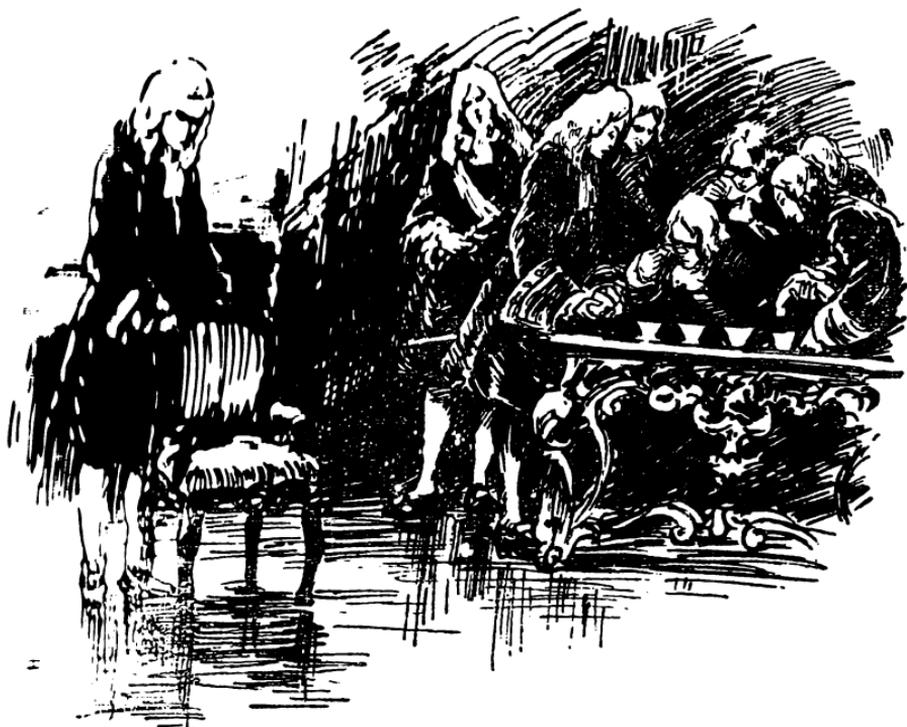
— А может быть, у нас таких глин и камней вовсе не водится, — сказали наконец королевские ученые. — В Китае одна земля, а у нас совсем другая.

«Тьфу!» — подумал отец Орри и написал д'Антреколль чтобы он прислал ему куски каолина и пе-тун-тсе на образ

Прошло восемь лет, пока д'Антреколль прислал второе письмо с образцами. Но образцы тоже не помогли французам

Долго еще французские ученые сидели над письмами манаха и старались сообразить, как делается фарфор. Эти письма д'Антреколля сохранились до сих пор, но не им удалось было открыть европейцам китайский секрет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОРОЛЕВСКИЙ АЛХИМИК

БЕРЛИН В ВОЛНЕНИИ

Пока д'Антреколле бродил по Кин-те-чену, смотрел на пылавшие печи и распивал чай у мандарина, в Европе тоже не дремали.

Не успело еще первое письмо д'Антреколле попасть в холеные руки отца Орри, еще португальский корабль, везший это письмо, огибал мыс Доброй Надежды, а уже в Германии произошло событие, на шумевшее на всю Европу.

Дрезденская посудная фабрика вдруг выпустила чашки из настоящего белого фарфора.

Кому и как удалось раскрыть старинную тайну? Сначала этого никто не знал. А мы, если хотим узнать, как это случилось, должны вернуться назад — к 1701 году.

В один серый октябрьский день Берлин был в большом волнении. Толстые бюргеры оживленно беседовали на улицах!

— Слыхали, сосед? Тысяча талеров тому, кто приведет м бургомистру этого шалопая! Тысяча талеров за мокроносого мальчишку, хе-хе!

— Ого! — отвечал сосед, куривший у окна трубку, — мальчишка-то не простой, он делает золото!

— Кто делает золото? Никто не может сделать золота! — пищал глуховатый старичок, набивая нос табаком.

— Аптекарь Цорн говорит, что мальчишка наколдовал ему золота на полдуката!

— Не может быть! — поднимала брови нарядная горожанка. — Я сколько раз видала его в аптеке. Лентяй и ротозей, каких немало, да вдобавок заспанный всегда, как тюлень!

— Потому он и был заспанный, что ночи напролет варил свое золото, — объяснял сосед, важно подняв палец к носу.

Аптекарские ученики в плащах и круглых шапочках спорили за кружками пива громче обыкновенного.

— Он кипятил ртуть в колбе и вдруг видит — на дне золото! — говорил один, тараща глаза от волнения.

— Ерунда! — кричал другой. — Это нищий грек, старый Ласкарис, подарил ему пузырек с волшебной тинктурой; она любой металл превращает в золото.

В аллее Под Липами останавливались кареты с гербами на дверцах. Расфранченные господа выходили навстречу друг другу и шептались. Высокие парики кивали, трости с серебряными набалдашниками постукивали о землю в такт шепоту.

— Слыхали, барон? Наше новоиспеченное величество сильно нуждается в червонцах. Король не упустит молодца, который делает золото!

— Как же, как же!.. Уже послана за ним погоня, двенадцать человек с лейтенантом во главе!..

— Можно ожидать войны, барон. Можно ожидать войны с Саксонией из-за мальчишки.

«Слыхали? Слыхали?» — шуршали сухие листья, кружась по аллее.

Винovníк всех этих слухов, девятнадцатилетний юноша, оцененный в тысячу талеров, тем временем трясся на плохой лошаденке по дороге в саксонский город Виттенберг.

Для него ему попадались по пути прусские солдаты в голубых мундирах, он гнал лошадь без памяти, словно убежал от смерти. Но, пересехав саксонскую границу, он успокоился и, выйдя из дорожного мешка какое-то письмо, ласково его погладил. На конверте было написано: «Господину Кирхмайеру, ректору Виттенбергского университета».

Входящее солнце ударило лучами в верхушку сельской колокольни. Круглое окошко под крышей вспыхнуло золотом, как червонец.

Золото! — прошептал юноша, вздрогнув, как будто вспомнил что-то страшное. Потом он тряхнул головой, усмехнулся и подхлестнул лошадь.

Удалеке уже виднелись красноватые башни Виттенберга, города ученых профессоров и веселых студентов.

АЛХИМИКИ

— Глупости! — сказал бравый майор Тиман своей плачущей жене. — Никогда я не поверю, чтобы Ганс варил золото. Он способен скорее сорить золотом, чем сварить хоть одну золотую крупинку! — И майор сердито топорщил свои седые усы, стараясь скрыть волнение.

Его пасынок, Иоганн Бётгер, с четырнадцати лет учился в Берлине у аптекаря Цорна. Мальчик был способный, но на беду занялся алхимией.

Химия тогда была в загоне; зато алхимия, «высшая химия», как ее называли, считалась великой наукой. Алхимия учила, как делать золото.

Не только горячие головы студентов, но и пожелтевшие лбы старых ученых склонялись над очагами, где в колбах вываривалась ртуть. Дрожащие пальцы подсыпали в нее серу, глаза жадно впивались в колбу, надеясь на ее дне увидеть красноватую жидкость — волшебную тинктуру, или порошок, философский камень, дающий людям вечную молодость и все металлы превращающий в золото.

Смешивая ртуть с серой, алхимики получали киноварь, красноватую сернистую ртуть. Киноварь ничего не превращала в золото. Тогда алхимики говорили, что работа была начата в несчастливый день, и начинали ее сызнова. Они верили в колдовство, а физику и химию знали плохо. Они окружали себя тайной и назывались «адептами».

Некоторые адепты думали, что солнце и звезды — это расплавленные глыбы золота. Стоит начертить волшебные знаки и прочитать заклинания — золото начнет капать с неба прямо в колбы алхимиков.

Настоящие ученые смеялись над ними. Химик Лемери говорил про них так: «Начало алхимии — хвастовство, продолжение ее — пачкотня с золой, а конец — нищета и чахотка».

Молодой Бетгер начал с хвастовства. Он был очень способный и легко запоминал всякую премудрость, даже если она была чепухой на самом деле. Алхимики скоро сделали его адептом.

Как же не похвалиться перед товарищами, что он адепт, как же не похвастаться, что он умеет варить золото? Он показывал всем кусочек золота, будто бы сваренный им самими.

Ему поверили все, даже его учитель, аптекарь Цорн.

ОПАСНОЕ ЗАНЯТИЕ

Слух о молодом алхимике дошел до ушей прусского короля Фридриха. С этой персоной шутить было опасно.

В те времена короли сильно нуждались в червонцах. На постройку великолепных дворцов, на кафтаны, усыпанные бриллиантами, не хватало денег, собранных налогами. Королевские подати разоряли вконец крестьян и ремесленников.

Каждому королю хотелось заполучить философский камень и у себя дома легко и просто делать червонцы, превращая в золото железо или свинец. Они тоже не знали физики и химии.

Короли приглашали алхимиков в свои дворцы, давали им деньги на опыты и ждали золота.

Алхимики исправно ели и пили за королевским столом, гадали по звездам и варили румяна для придворных дам, но золото не появлялось.

Чтобы пустить пыль в глаза своему покровителю, алхимик приглашал его на свои опыты. Придворная знать наполняла мрачную лабораторию алхимика. На полках тускло мерцали пыльные колбы, скелет скалил из угла свои желтоватые зубы, чучело совы простирало крылья над очагом.

Алхимик в мантии, расшитой странными знаками, опускал в сосуд ртуть, серу и свинец, который должен был превратиться в золото. Он кипятил все это на огне, помешивая смесь медной палочкой. Палочка была пустая внутри, в ней было спрятано золото. Оно незаметно проскальзывало в сосуд.

Когда опыт кончался, алхимик показывал всем кусочек золота на дне сосуда. Все ахали, покровитель давал алхимику денег, чтобы он сварил золота побольше. А чтобы алхимик не убежал со своим секретом, его нередко сажали в тюрьму и выпытывали у него тайну философского камня.

За сто лет до Фридриха I саксонский курфюрст замучил пытками в тюрьме алхимика шотландца Ситона за то, что

Фридрих не мог открыть ему секрет, которого и сам не знал. Фридрих I уже отправил на виселицу нескольких алхимиков, но они не могли сообщить ему несуществующую тайну.

Узнав о молодом алхимике Бетгере, Фридрих потребовал его к себе. Но Бетгеру не хотелось попасть на виселицу. Подсказки короля не нашли Иоганна ни в аптеке, ни в его мастерской на чердаке.

Тогда Фридрих отправил за ним погоню и пообещал тысячу талеров тому, кто приведет беглеца.

Но мудрено, что мать Бетгера плакала, а майор кусал усы, беспокоясь за участь юноши.

Однажды вечером в их домик постучали. Кто-то подал кусочек бумаги и ушел. На лоскутке было нацарапано: «Не беспокойтесь обо мне, дорогая матушка! Я жив и здоров и учусь в университете. Будьте и вы здоровы». Подписи не было, но мать узнала каракули сына и успокоилась, а майор сказал:

Он всегда был дельный парень, твой Ганс!

Они никому не рассказали про письмо.

ГОНЦЫ ПОСКАКАЛИ

Германия состояла тогда из отдельных маленьких государств. У каждого из них был свой король, своя столица и свои послы при дворах соседних государей. Бетгер бежал из прусского королевства в саксонское. Саксонским королем в то время был Август Сильный, а город Дрезден был его столицей.

Август Сильный был не прочь стать королем и в соседней с ним Польше и поэтому часто уезжал в Варшаву, польскую столицу. Тогда вместо него Саксонией управлял министр Фюрстенберг.

В тот день, когда мать Бетгера и майор Тиман получили письмо от Иоганна, князь Фюрстенберг сидел в Дрездене и читал секретное письмо, присланное ему из Берлина.

Саксонский посол писал ему о Бетгере: «Мы можем себя поздравить, что молодой алхимик находится у нас в Саксонии. Он, наверное, сделает нам много золота и пополнит пустую королевскую казну. Следует за ним присматривать!..»

Через час срочный гонец с письмом от Фюрстенберга скакал в Варшаву, где Август Сильный добивался польской короны.

Августу нужны были червонцы не меньше, чем Фридриху. Алхимик пришелся кстати. «Задержать его, следить за ним и узнать у него секрет золота», — поспешил ответить король своему министру Фюрстенбергу.

А Фридрих посылал своих гонцов в Дрезден, требуя выдачи ему молодого алхимика, как преступника, бежавшего от суда.

Короли были готовы драться из-за алхимика, как собаки из-за кости.

Из Дрездена Фридриху не отвечали.

ПОХИЩЕННЫЙ СТУДЕНТ

Старый Кирхмайер, ректор Виттенбергского университета сразу принял в число студентов веселого, быстроглазого юношу, привезшего ему письма от берлинских ученых.

Каждый день Бетгер, насвистывая веселую песенку, проходил по сводчатому коридору университета.

В анатомической палате он резал мертвые руки и ноги и смотрел, как переплетаются между собою мышцы.

Он забыл чудеса алхимиков и хотел стать врачом.

В лаборатории он возился с весами и ретортами, легко решая задачи, над которыми другие студенты потели подолгу — Способный студент. Ясная голова и золотые руки, — говорили про него старые профессора.

Вдруг он исчез так же неожиданно, как появился.

Товарищи его узнали от соседей, что ночью приезжали закутаные в черное люди, посадили студента в карету и увезли неведомо куда.

Реторты, оставленные Иоганном в лаборатории, покрылись пылью. Его шаги не звенели больше по каменным плитам коридора.

Он никогда не вернулся в университет.

ДОМ С ГЕРБОМ

Карета, подпрыгивая, везла Иоганна куда-то в темноту. Его спутник в маске держал наготове большой пистолет и молчал как убитый. По сторонам скакали верховые. Бетгер не знал, куда его везут.

Под вечер другого дня карета остановилась в большом городе, перед домом с каменным гербом на воротах. Бетгер провели в кабинет князя Фюрстенберга, обтянутый желтым шелком.

Ласковый и вкрадчивый Фюрстенберг, сверкая бриллиантами на пальцах, сказал Бетгеру, что король Август хочет узнать у него секрет золота. Бетгер будет жить во дворце

вернуть золотого для короля. Если он вздумает бежать, его поймают и повешут.

Бетгер, бледный, с дрожащими губами, отказывался вернуть золотого.

Бетгер хотел вернуться в университет и учиться. Он бегал по кабинету, ломая руки, и требовал, чтобы его отпустили на свободу.

Фюрстенберг только улыбался в ответ.

Если вы не откроете нам секрет золота, вас постигнет участь других обманщиков. Вы знаете какая?

Бетгер знал: виселица.

Ему показалось, что петля уже затягивает его горло.

Рыдая, он бросился в кресло и закрыл лицо.

Фюрстенберг осторожно взял его за плечо и, распахнув дверь, показал приготовленные для него комнаты.

Золоченые ножки бархатных кресел отражались в зеркале паркета.

— Не забудьте, что вас зовут теперь барон Шрадер, — сказал Фюрстенберг, — никакого Бетгера больше нет. Так надо, чтобы вас не нашли гонцы прусского короля. Спокойной ночи, барон Шрадер!

МАТЕМАТИК ЧИРНХАУЗ

Вальтера фон Чирнхауза знали все в Дрездене. Заметив на улице его высокую фигуру с тростью в руке, каждый дрездонец спешил приветливо поклониться и пожелать ему доброго утра, чтобы получить в ответ ласковую улыбку.

Математика Чирнхауза знали по всей Европе. Он был ученый и мудрый изобретатель. Великий физик Лейбниц был его другом.

В доме Чирнхауза стояли сделанные им зажигательные зеркала, имевшие полтора метра в поперечнике. Их медная полированная поверхность отражала солнечные лучи так, что они давали температуру более высокую, чем дровяные печи.

Возьмите увеличительное стекло и поймайте им солнечный луч. На бумагу под стеклом упадет яркое светлое пятнышко. Вы увидите, что бумага скоро задымится, а подставленный под стекло палец почувствует, что светлое пятнышко жжется. Это происходит оттого, что лучи солнца, проходя через стекло, преломляются и все собираются в одно пятнышко.

Так же были устроены зеркала Чирнхауза, но они были гораздо сильнее. На их огне можно было расплавить горсть монет в несколько минут.

В дедовском имении Чирнхауз устроил стеклянный завод и делал на нем стекла для микроскопов и телескопов.

Когда Вальтер фон Чирнхауз получил записку от Фюрстенберга с приглашением прийти на ужин и познакомиться с молодым алхимиком, он недовольно поморщился. Ему не хотелось идти. Он не верил в чудеса алхимии. Но потом он подумал: «Еще один злополучный алхимик попал в беду. Может быть, я смогу помочь ему чем-нибудь».

Он надел свою треугольную шляпу, взял трость и пошел во дворец.

БАРОН ШРАДЕР

— Позвольте представить вам моего молодого друга, барона Шрадера,— сказал Фюрстенберг своим гостям, когда в залу вошел стройный юноша в розовом кафтане.

Накрытый стол сверкал серебром и хрустальными бокалами. Канделябры поднимали над ним желтые свечи в своих бронзовых руках.

Барон Шрадер был бледен, брови сдвинуты, у рта лежала горькая складка.

— Мы рады вас видеть в Дрездене, дорогой барон,— говорил ему толстый Пабст, начальник саксонских рудников.— Мы слышали, что вы владеете великим сокровищем — секретом философского камня.

— Сокровищем? — усмехнулся барон.— Единственное сокровище на свете — это свобода. А у меня ее нет,— я пленник.

— Шш!..— вмешался Фюрстенберг,— вы не пленник, вы наш гость, милый барон.— И он то и дело подливал вина в бокал барона.

Понемногу вино зашумело в голове юноши. Щеки его зарумянились. Он стал горячо и запальчиво говорить, что алхимики не делают настоящих опытов, не знают свойств металлов. Они невежды.

— Нам нужна наука, а не колдовство! — воскликнул он.

Чирнхауз одобрительно кивал головой. Пабст предложил барону для опытов руду и горные камни из своих рудников.

— Если вам нужна высокая температура для ваших опытов, я дам вам мои зажигательные зеркала, и давайте работать вместе,— сказал Чирнхауз.

Бетгер вспыхнул от удовольствия. Ученый Чирнхауз хочет работать с ним, молодым студентом. Ему стало весело.

Фюрстенберг и Пабст обращались с ним как с важной персоной. Вино приятно шумело в голове. Он выпивал стакан за стаканом, хохотал, хлопал Фюрстенберга по плечу, хвастался тем, что знает секрет философского камня, и обещал наварить золота для короля на сто тысяч талеров. Чирнхауз смотрел на него умными, печальными глазами.

Когда гости простились и барон нетвердой походкой ушел, Фюрстенберг задержал математика у двери.

Что вы скажете про алхимика? — спросил он.

Способный малый, но хвастун, — ответил Чирнхауз и кивнул.

Ему было жаль юношу, из которого мог бы выйти хороший ученый, если бы в его жизнь не замешался дурацкий философский камень.

В КАПКАНЕ

Иоганн Бетгер проснулся в большой кровати с тяжелыми шелковыми занавесками. Голова у него болела. Холодное утро мудро глядело сквозь решетку окна.

Он вспомнил вчерашний день и застонал. Своим глупым шантажом он еще крепче запер двери своей тюрьмы. Он пообещал князю золота — целые горы. Теперь его уже не выпустят. Когда откроется, что он не знает секрета золота, его повесят.

— Но я не могу! Я не хочу, я убегу от них! — крикнул он. Прыгнув с постели, он подбежал к окну и ухватился за чугунную решетку.

— Что угодно барону? — спросил дюжий лакей, выступая из-за портьера. Он подслушивал под дверь. Бетгер пришел в бешенство.

— Вон отсюда, мерзавец, шпион!

Бетгер запустил в лакея сапогом и швырнул на пол умывальный таз с кувшином. Вместо одного лакея стало два. Они крепко держали бывшего юношу.

— Ну, ну, — сказал Фюрстенберг, с улыбкой перешагнув через кувшин и лужу на полу, — зачем же так бушевать? — Он велел лакеям уйти.

— Отпустите меня на свободу! Зачем вы держите меня, и не преступник! — кричал ему Бетгер.

Фюрстенберг стал серьезным.

— Свобода в ваших руках, дорогой! Откройте мне секрет золота, и вы будете свободны в тот же час. Не упрямитесь, барон! Лаборатория ждет вас.

ВОЛШЕБНАЯ ТИНКТУРА

Три дня работал Бетгер в лаборатории. На четвертый день он позвал Фюрстенберга. Положив в сосуд ртуть, он стал ее выпаривать, подбавляя к ней какую-то красноватую жидкость.

О чудо! Через два часа варки на дне сосуда оказался не правильный кусочек золота!

Фюрстенберг от души обнял алхимика.

— Дайте мне тинктуру, барон, я отвезу ее королю Августу в Варшаву! Я сам сделаю при нем опыт. Даю слово, что и Варшавы я привезу вам свободу. А пока не выходите никуда из дворца и ждите моего приезда!

Фюрстенберг уехал в Варшаву. Если бы он знал, что золото в сосуде появилось не из волшебной тинктуры, а из единственного червонца, зашитого в подкладку старого плаща. Того самого плаща, в котором аптекарский ученик бежал из Берлина! Если бы он знал, что Бетгер подбросил червонец в сосуд, надеясь на время ослабить надзор и улизнуть подальше от искателей волшебной тинктуры!

НЕПОЧТИТЕЛЬНАЯ ЛЕВРЕТКА

Король Август сидел на голубом диване в своем варшавском кабинете. Он спустил на ковер свою любимую остромордую левретку, когда Фюрстенберг появился в дверях, отвешивая глубокие придворные поклоны.

Фюрстенберг поставил серебряную коробочку на тонконогий столик, стоявший перед королем, и сказал:

— Вот философский камень, над которым сотни лет трудились алхимики. Это сокровище принадлежит теперь вашему величеству!

Бледные глаза Августа сверкнули, нос хищно заострился на толстом лице. Август схватил коробочку.

— Вы достали это у алхимика? — хрипло спросил он.

— Да, и я перед вами повторю его опыт. Ваше величество увидит, как простая ртуть превратится в золото.

— Посмотрим, — сказал Август, положив коробочку обратно на столик, — а теперь займемся делами.

Они перешли к дубовому столу. Фюрстенберг подавал королю бумаги. Август обмакивал гусиное перо в серебряную чернильницу и размашисто подписывался.

Остромордая собачонка на ковре искала блох, потом она стала ловить свой хвост.

Вдруг стук и визг заставили короля обернуться. Собачонка кружилась по ковра, поджимая ушибленную лапку. Тонконогий столик лежал набок. Серебряная коробочка раскрылась, из разбитого пузырька красноватая жидкость вытекала на ковер темной лужицей.

— Наша тинктура! — горестно воскликнул Фюрстенберг.

ОТСРОЧКА

Бетгеру не удалось бежать. За ним следили всё так же строго. С ужасом он ждал возвращения князя.

— Моя тинктура, конечно, не сделала золота в Варшаве. Золото не раскрыт, меня ждет виселица!» — с отчаянием думал Бетгер. Это не радовали ни бархатные камзолы, сшитые ему при дворе лучшим портным, ни роскошные обеды, приготовленные князьем своим поваром. От страха у него тряслись колени, когда Фюрстенберг вернулся и позвал его к себе.

— Бедняга, — подумал Фюрстенберг, глядя на дрожащего химика, — он побледнел и исхудал в неволе от тоски». И князю стало совестно, что он не уберег пузырька с тинктурой от противной собачонки.

Дорогой мой, — сказал он, — король просит вас еще раз сделать тинктуру. Пузырек, который вы мне дали... кха!.. гм!.. разбился.

— Разбился? — Бетгер чуть не подпрыгнул от радости.

— Вот письмо его величества! — сказал князь.

У Бетгера затанцевало сердце. Опасность пока миновала. Август писал ему, что алхимик может не торопиться с работой. Пусть барон Шрадер работает, как ему хочется. Все его желания будут исполняться. Но пока секрет золота еще не в руках короля, барон не получит свободы.

Бетгер был рад, что получил отсрочку.

ПРИЗРАК ВИСЕЛИЦЫ

Бетгер стал прилежно изучать руду и горные камни, которые давал ему Пабст. Чирнхауз часто приходил к нему, и они работали вместе.

Дрезденские ученые собирались по вечерам во дворце. Барон Шрадер показывал им свои опыты и делился новыми знаниями. Скоро все увидели, что барон Шрадер, умный и способный химик, на пути к большим научным открытиям. Увлеченный наукой, Бетгер опять забыл про алхимию. А когда он вспоминал, что король скоро снова потребует золота, ему становилось страшно, и опять казалось, что петля стягивает горло. Тогда, чтобы забыться, он устраивал праздник. Толпа молодежи наполняла залы дворца. Нарядные пары танцевали на лощеном паркете. Веселей всех бывал молодой хозяин, нарядный барон Шрадер. Он выдумывал все новые развлечения: маскарады, игры, веселые пиры.

Молодому дворянину фон Шенку Фюрстенберг поручил устраивать праздники для барона Шрадера. Фон Шенк ме-

тался как угорелый, исполняя прихоти «барона». «Барону» ни в чем не отказывали, кроме свободы.

Иногда среди веселой пирушки Бетгер бледнел, смотрел куда-то стеклянными глазами и вдруг приказывал слугам тушить свечи, а гостям убраться прочь.

Он запирался в своей комнате. Если к нему входили, он впадал в бешенство. Самые неподходящие вещи делели в голы вчерашних собутыльников.

Его мучил призрак виселицы.

АВГУСТ ТРЕБУЕТ ЗОЛОТА

Прошел год. Август напомнил алхимику, что он обещал сделать золото.

В одну туманную ночь алхимик исчез из дворца. Погоню послали за ним во все концы. В глухом городишке Энсе беглеца схватили и привезли обратно под конвоем. Август требовал золота.

Тогда алхимик отцепил шелковый шнур от портьеры, перекинул его через дубовую балку в потолке лаборатории и на конце сделал петлю. «Лучше умереть самому, чем каждый день ждать казни»,— решил он.

Его вынули из петли и привели в чувство.

Август требовал золота.

ЗАМОК АЛЬБРЕХТСБУРГ

Прошло еще два года. Уже не во дворце, а в старинном замке Альбрехтсбурге жил Бетгер. Крепкая дверь с засовом отделяла его от всего мира.

Веселая жизнь во дворце кончилась. На голых стенах его кельи проступала зеленая плесень. Тут же коптела чугунная печка для опытов.

В подземельях Альбрехтсбурга трое рабочих складывали большие печи.

В них должно было вариться золото для короля. Август требовал золота.

Страстная тоска по свободе, по вольному миру заставляла Бетгера цепляться за секрет золота, от которого зависела его свобода. Он лихорадочно работал, делая все новые составы и пробуя их. Порою он сам верил в успех и тогда обещал Августу, что скоро будет много золота.

Но золото не появлялось. От неудачи Бетгер приходил в отчаяние. Только мудрый Чирнхауз утешал и успокаивал его.

Чирнхауз уговаривал Августа, чтобы он не требовал золота от Бетгера и позволил ему заниматься настоящей наукой — химией, которая не имела ничего общего с философским камнем и прочей чертовщиной.

Август хлопал Чирнхауза по плечу.

— Эх вы, математики! Разве вы понимаете что-нибудь, кроме ваших плюсов и минусов? Не мешайтесь в чужие дела!

Август воображал, что он умнее всех математиков на свете.

Август требовал золота.

ГОСПОДИН С ТРЕМЯ ЛАКЕЯМИ

Шведский король Карл XII захотел отнять у Августа польскую корону. Он взял Варшаву и вторгся со своими войсками в Саксонию.

Шведы подступили к Дрездену. Отряд саксонских солдат поскакал однажды к неприступной крепости Кенигштейн, поднимавшей свои каменные башни над Эльбой. Они привезли с собой сокровищницу короля, спасая ее от шведов, и еще привезли они в карете какого-то господина с тремя лакеями.

Этого господина сразу посадили под замок. Два раза в неделю офицер выводил его на полчаса погулять по крепостному валу. С каждым разом лицо господина становилось бледнее, и все тяжелее шагал он, опираясь на палку. Должно быть, ему всегда было холодно, потому что три лакея сложили в его комнате огромную печь. Из ее трубы день и ночь валил дым. А может быть, ему совсем не было холодно, — может быть, он варил что-то в этой печи.

Шведам говорили в Дрездене, что алхимик короля бежал в Баварию и след его потерян.

Прошел год.

Шведы ушли из Дрездена. В Кенигштейн приехали важные господа в каретах за таинственным господином. Те, кто видел, как его сажали в карету, рассказывали потом, что он был бледен, рыдал и бился и не хотел ехать, хотя господа привезли ему великолепный вышитый золотом камзол в подарок от самого короля Августа.

НОТУС

В Дрездене на берегу Эльбы строился павильон с большими печами. Горожане гадали, что такое там будет.

В павильон привезли таинственного «господина с тремя лакеями». Его звали теперь Нотус.

Тогда пошел слух, что в печах павильона он будет варить золото.

Так оно и было. Август требовал золота. Бетгер (теперь его звали Нотус) работал изо всех сил, но у него ничего не выходило. Он накалял свои печи как только мог, думая, что золото появится при большой жаре. Тигли, в которых он плавил металлы, лопались или растоплялись от такой жары.

Надо было сделать тигли, которые выдержали бы самый большой огонь. Бетгеру по его требованию присылали разные глины, и он пробовал их обжигать. Оказалось, что красная нюрнбергская глина выдерживает самый сильный огонь. После обжига она становилась крепкой, звонкой и была красивого красного цвета.

Бетгер показал Чирнхаузу тигли из нюрнбергской глины.

— Да ведь из этой глины можно делать красную фарфоровую посуду! Вот настоящее дело для вас! — воскликнул Чирнхауз.

МУДРЫЙ СОВЕТЧИК

Чирнхауз пошел к королю и опять стал уговаривать его не требовать золота от Бетгера. Уже шесть лет стряпал алхимик в своей кухне, а золота все еще не было.

— Саксония разорена войной, — говорил Чирнхауз, — но в ее земле лежат огромные богатства: руда, уголь и разные глины. Будем добывать их, устроим фабрики и заводы. Саксонские леса дадут нам топливо, горные реки завертят колеса наших мельниц. У нас есть стеклянный завод, устроим еще и посудную фабрику. У нас есть прекрасный химик; он найдет нужные глины, составит глазури и краски. Он уже сейчас может делать красную фарфоровую посуду!

При слове «фарфор» Август наострил уши. Он тратил бешеные деньги, покупая китайский фарфор.

Это он отдал прусскому королю полк солдат за несколько китайских ваз.

Он купил новый дворец графа Флемминга и наполнил его драгоценным китайским фарфором. В башне этого дворца до сих пор стоят лучезарные синие вазы, за которые Август заплатил своими солдатами.

«Фарфор не хуже золота! — подумал Август. — Если у меня будет фарфоровая фабрика, все короли в Европе лопнут от зависти, а золото рекой потечет в мою казну без всякого философского камня».

Он приказал устроить фарфоровую фабрику.

ХИМИК ИОАНН БЕТГЕР

«Иррон Шрадер», «господин с тремя лакеями» и «Нотус» уштели в трубу вместе с философским камнем.

На их месте в павильоне над Эльбой работал веселый, пошоревший химик Иоганн Бетгер. Его звали теперь настоящим именем. Ему даже устроили садик около павильона. Ему даже позволили выходить на улицу.

В свободное время он сажал золотистые гаарлемские тюльпаны в черные грядки.

На дверях павильона Бетгер написал:

Благословляю этот дом:
Тут стал алхимик гончаром!

Он был рад, что развязался с проклятым философским камнем. Август требовал теперь не золота, а фарфора.

Бетгер и Чирнхауз плавил пробы глин. Зажигательные черкала сверкали на солнце с восхода до заката.

Работы было по горло. Надо было найти хорошую огнеупорную глину, из которой можно было бы делать круглые коробки — капсулы, как их называли, для посуды. Ее нашли.

Надо было придумать новые печи для обжига посуды. Их строили в Альбрехтсбурге.

Надо было научить рабочих точить посуду — за это взялся мастер Эггебрехт.

Ошалелый, растрепанный Бетгер не спал по трое суток. Его помощники засыпали, стоя у печей.

Он не мог оторваться от милой работы.

КРАСНАЯ ПОСУДА

Король Август и Фюрстенберг приехали в Альбрехтсбург.

В подземелье при свете факелов Бетгер и его рабочие вынимали глину и кирпичи, которыми было заложено отверстие большой печи. Это был первый обжиг красной посуды. Печь топили пять дней, потом она остывала трое суток.

Король хотел видеть, как посуда выйдет из печи. У Бетгера дрожали руки от нетерпения, он яростно отбрасывал кирпичи, заглядывая в темное отверстие печи.

«Что там в капсулах? Настоящая красная посуда, или, может быть, одни бесформенные черепки?»

У него пересохло во рту.

Вот последний кирпич отброшен. Бетгер вынимает шершавую капсулу и открывает ее.

На ее дне стоят хорошенькие красные чашки. Ни одна не

лопнула, ни одна не погнулась в печи, они твердые и звонкие. От них струится теплота, как от живого тела.

Август и Фюрстенберг рассматривают чашки; они довольны.

Бетгер велит принести ведро с холодной водой. Он вынимает чашку из середины печи, еще совсем горячую, и окунает ее в холодную воду. Если чашка лопнет... Но она не лопается; она такая же твердая и звонкая, только от воды заблестела и стала еще красивее.

— Настоящий фарфор! — говорит Фюрстенберг.

— Да! — отвечает ему чашка чистым звоном.

ПОБЕДА

Когда красная посуда выходила из обжига, она была не блестящая, а матовая. Зато ее можно было полировать и гранить, как драгоценный камень. Тогда она блестела. Ее можно было расписывать золотом и разными красками. Бетгер составил черную глазурь. Он делал красивые черные вазы и расписывал их серебром.

Фабрика выпускала не только чашки, тарелки, кувшины и вазы, но и маленькие лепные фигурки.

Прежде всего сделали статуэтку самого Августа. Эта фигурка сохранилась до сих пор. Август стоит одетый в латы, плащ его развевается, голова гордо откинута, брови нахмурены. Так и кажется, что он сейчас потребует, чтобы вы сварили ему золото, или отправит вас на виселицу.

Еще делали из глины смешных человечков — паяцев и карликов. Они кривлялись и строили рожи.

На пасхальной ярмарке в Дрездене богатые купцы и дамы в кружевах наперебой покупали посуду и фигурки из красного бетгеровского фарфора.

Слава о нем пошла по всей Германии.

ЗАВЕТ ЧИРНХАУЗА

Дело двигалось, фабрика работала. Чирнхауз и Бетгер придумывали вместе, как бы сделать белую фарфоровую посуду.

Нежданно Чирнхауз заболел и умер. Умирая, он шептал: «Победа, победа!» — потому что каждый день приносил маленькой фабрике какое-нибудь открытие.

Каждый день Бетгер с сияющими глазами показывал своему другу и учителю новую посуду, то черную глазурованную, то красную, отполированную новым способом. Они вместе об-

думали, как сделать, чтобы на глазури не было трещинок, и как составить настоящие китайские краски, которые обжигались бы в огне и не смывались водой.

Но Чирнхауз умер, и работа остановилась. Бетгер заперся в своей комнате и загрустил на долгие недели. Он совсем забросил фабрику. Мастера работали без него. Дни и недели не приносили с собой ничего нового.

«Надо продолжать работу»,— писал Фюрстенберг безутешному химику, а Бетгер писал в ответ: «Я не могу одолеть моего горя, лишившись высокого и любимого друга».

Иногда Бетгер подходил к полочке у стены и брал в руки маленький бокальчик. Этот бокальчик сделал Чирнхауз из какой-то беловатой глины и завещал его Бетгеру. Бокальчик был мутно-прозрачный, похожий на стекло, а стенки у него были кривые и помятые.

Вздыхнув, Бетгер ставил его на полку. Нет, это не похоже на китайскую белую посуду. Но если бы Чирнхауз был жив, если бы им работать, как прежде, вместе, они наверное разгадали бы китайский секрет!

Они нашли бы такую белую глину, которая выходила бы из огня белой и твердой, а не мутной и помятой, как этот бокальчик.

Бетгер бросался на кровать и закрывал глаза. Он тосковал.

ПУДРЕННЫЙ ПАРИК

Придворный лакей, с гербом Августа на ливрее, передал Бетгеру записку из дворца. Король желает поговорить с директором фабрики. Король ждет его в своем кабинете в полдень; он хочет знать, какую новую посуду сделал Бетгер за последний месяц.

Никакой новой посуды не было.

Бетгер сидел в кресле и равнодушно смотрел в окно. Там, над башнями Альбрехтсбурга, подымался дым из обжигательных печей.

Придворный парикмахер Френцль, подпрыгивая и напевая, пудрил Бетгеру высокий кудрявый парик, в котором химик должен был явиться на прием к королю.

Френцль смазал парик жиром, чтобы к нему приставала пудра. Потом, взяв большую миску с пудрой, он обмакивал в нее кусок пакли и паклей накладывал пудру на локоны.

— А в городе, ваша милость,— болтал парикмахер,— в городе говорят: хороша наша красная посуда, а далеко ей до китайской. Вот, говорят, понаедут на весеннюю ярмарку

голландские купцы, понавезут с собой китайские вазы и блюда и чашки, накупит опять король для графини Козель...

— Замолчишь ли ты, Френцль! В ушах трещит от твоей болтовни. Кончай скорее! — Досада перекосила бритое лицо химика.

— Сейчас, сейчас! — заторопился парикмахер. — Вот только виски подпудрю. — И он завертелся вокруг химика, ловко прилаживая к его вискам крутые локоны.

Бетгер рассеянно сгреб пальцами щепотку пудры, посыпавшей складки пудермантеля. Он устало глядел в окно, где все еще дымили трубы, и невольно мял пудру между большим и указательным пальцами. Пудра скатывалась в липкий комочек.

Вдруг химик вздрогнул, брови его сдвинулись, глаза остро вцепились в белый комочек.

Он вскочил так быстро, что Френцль не успел отдернуть руки, и большой парик сбился химику на левое ухо.

— Чем ты меня пудришь, бездельник? — захохотал он, схватив парикмахера за плечи. — Откуда ты взял эту пудру?

Парикмахер разинул рот и задрожал.

— Да отвечай же, чертов подмастерье! — кричал Бетгер и тряхнул беднягу так, что у него подогнулись коленки и он, охнув, сел на пол.

— Ну! — Бетгер стоял над ним красный и задыхающийся.

— Но я думал, — хныкал парикмахер, — вашей милости известно... французская пудра дорога, у нас все пудрятся этим... все пудрятся шнорровской землей.

— Шнорровская земля! — воскликнул Бетгер и схватил миску с пудрой. Он то подносил пудру к окну, то пересыпал ее между пальцами, то пробовал на язык, то растирал на ладони. Потом он круто повернулся и в развевающемся пудермантеле, с париком, сбитым на левое ухо, выбежал из комнаты. Тяжелая дверь лаборатории громко захлопнулась за ним.

Френцль все еще сидел на полу и тарачил глаза, когда слуга внес в комнату парадный камзол, треуголку и короткую придворную шпагу. Постучав в дверь лаборатории, он сказал:

— Ваша милость, в полдень прием у короля.

Ответа не было. Слуга пожал плечами и, хитро подмигнув Френцлю, постучал себе пальцем по лбу. «Наш химик помешался», — решили оба.

Что такое была эта шнорровская земля? Купец Шнорр ехал однажды верхом из Дрездена в местечко Ауэ. Подъезжая к мосту через речку, он заметил, что сам он, и лошадь его, и тюк с товарами покрыты белой пылью, словно выпачканы

мукой. Он оглянулся. Копыта его лошади оставляли белые следы на земле, а немножко поодаль было на дороге место, сплошь покрытое белой пылью, словно кто-то рассыпал там лепестки мешков с мукой. У края дороги виднелся холмик, — должно быть, размытый дождями, — целый холмик белой земли.

Шнорр повернул лошадь и подобрал горсть белой пыли. Она была мягкая, чуть-чуть липкая, — ни дать ни взять пудра.

На другой день Шнорр приехал с мешками, набрал в них белой земли и увез в город, а там истолок землю в ступке и пустил в продажу вместо пудры. Ее охотно покупали.

Тогда было время пудренных париков, и пудры выходило у всех больше, чем у нас зубного порошка.

Эта шнорровская земля была не что иное, как белая каолиновая глина, та самая, из которой в Кин-те-чене делали фарфор. Вертя комочек пудры в руках, Бетгер заметил, что она лепится, как глина, и тяжелее, чем обычная пудра.

«А вдруг это та самая белая глина, которую искал Чирнхауз?» — мелькнула у него мысль. Он бросился в лабораторию поскорее сделать пробу и забыл, что строгий Август сидит в своем кабинете и нетерпеливо стучит пальцами по золотой табакерке, поджидая невежливого химика.

В тот день Август его не дождался.

ПОДОБНЫЙ ЦВЕТКУ НАРЦИССА

Шесть чашек, шесть белых фарфоровых чашек стояли перед Бетгером, отражаясь в красной полированной доске стола как в зеркале.

Солнце золотом струилось сквозь желтые занавески в окнах малой залы королевского дворца.

Шесть ученых мужей в высоких париках, с орденскими лентами через плечо, шесть ученых советников Августа прикладывали лорнеты к глазам и рассматривали работу Бетгера.

Чашки протяжно звенели, если по ним щелкали пальцем. Их доньшки казались желтоватыми и чуть-чуть прозрачными, если их разглядывали на свет. На их блестящей белой поверхности не оставалось ни царапинки, ни трещинки, если по ней скребли ножом.

Это был настоящий фарфор, не хуже китайского.

Скрипя гусиным пером, ученый секретарь собрания записывал по-латыни на большом листе с королевским гербом:

«Сего числа господин Иоганн Бетгер показал нам сделанный им фарфор, полупрозрачный, молочно-белый, подобный цветку нарцисса».

Да, это был настоящий белый фарфор!

Бетгер сделал эти чашки из шнорровской земли, прибавив к ней алебастр. Шнорровская земля заменяла собой белую глину — каолин, а алебастр служил плавким прозрачным веществом вместо китайского пе-тун-тсе.

Старинный секрет был раскрыт.

Если бы Чирнхауз увидел эти чашки, как бы порадовался он новой победе! Какой ласковой улыбкой осветилось бы его строгое лицо!

О, Чирнхауз помог бы Иоганну составить краски, чтобы расписать эти белые фарфоровые чашки; он нашел бы причину, почему на некоторых из них выступили маленькие черные точки! Но Чирнхауз давно уже был в могиле.

Бетгер ходил по зале, пока придворные ученые шептались над его чашками и, скрывая свою зависть, поздравляли его, суля королевские милости и награды.

Король?

Король отнял у него свободу, король шесть лет держал его, как в тюрьме, за бессмысленной работой — варкой золота. Сколько раз король грозил ему виселицей! Чего еще ждать ему от короля?

Бетгер почувствовал, как он ужасно устал, устал до смерти. Теперь король всю жизнь не отпустит его от себя из боязни, что изобретатель фарфора продаст свой секрет другим королям, и те тоже откроют у себя фарфоровые фабрики.

Свободы не будет, из этого проклятого круга нет выхода. Тоска сдавила горло изобретателю.

Он повернулся и вышел из дворца, нахлобучив шляпу.

ИГРА

Не глядя ни на кого, Бетгер быстро шел по улицам на окраину города, туда, где в кривом переулке примостился подозрительный кабачок.

Хозяин, толстый пьяница с воровским лицом, встречал Бетгера как старого знакомого. Одноглазый банкомет в дырявом атласном кафтане, с грязными кружевами на манжетах, метал засаленные карты на стол, покрытый лужами пива и остатками еды.

Обтрепанные занавески на окнах не пропускали дневного света. Здесь изобретатель играл в карты с продувными парнями и пил пиво стакан за стаканом.

Нет нужды, что в карманы одноглазого банкомета переходили червонцы, данные химику на постройку новых печей на фабрике, на жалованье фабричным рабочим.

Иобретатель хотел забыться в пьяном веселье, в азартной игре. Не вспоминать больше, что молодость прошла в поисках проклятого философского камня, что он раб короля до самой смерти.

Забыться — это было самое главное! А король? Пусть же оплнит король за отнятую у него молодость, черт побери!

И Бетгер ставил на карту червонец за червонцем. Под вечер распахивалась дверь, открывая заревое небо.

Приземистый человек с хитрыми глазами входил и садился за столик позади Бетгера. Его пристальный взгляд заставлял химика обернуться.

Бетгер выпивал залпом стакан и стучал кулаком по столу.

— А, шпион? Шпион его величества? Пррр-о-клятая собака уже пронюхала, что я...— говорил он заплетающимся языком и ронял тяжелую голову на стол.

Шпионы короля следили за каждым его шагом.

ТЮРЬМА ИЛИ ФАБРИКА

Замок Альбрехтсбург был окружен глубоким рвом. Подъемный мост, скрипя железными цепями, опускался над ним только для тех, кто знал условный знак или тайное слово.

Никто чужой под страхом смерти не смел проникнуть в замок. Там шла тайная работа: выделка фарфора.

Когда новый мастер или рабочий поступал на фабрику, ему завязывали глаза и долго вели по каменным коридорам, пахнущим плесенью. Потом снимали повязку с его глаз.

Он видел себя в большой подземной зале с каменными сводами. Мшистые стены освещались красноватым светом факелов. В глазах царил темнота.

За длинным столом сидели неведомые люди в масках и черных мантиях.

Справа от стола стоял священник с бледным суровым лицом, поднимая в руке распятие.

Слева виднелась дыба, висели кандалы и палач затыкал за пояс блестящий топор.

Посредине на возвышении стоял черный гроб. Череп и скрещенные кости были нарисованы на нем белой краской.

— Клянешься ли ты, что не выдашь никому тайны фарфора? — спрашивал ужасным голосом черный человек, подымаясь из-за стола.

— Клянусь,— отвечал мастер, у которого начинали дрожать колени и холодела спина от всей этой чертовщины.

— Повторяй за мной,— говорил человек: —Клянусь, что я не выдам тайны фарфора ни отцу моему, ни сыну, ни брату,

ни жене, ни другу, ни врагу, ни за деньги, ни за ласку, ни ради спасения жизни. Я не открою этой тайны ни священнику на исповеди, ни врачу на моем смертном одре.

Мастер повторял все это слово за словом, хотя у него от страха заплетался язык.

— Клянись на распятии,— говорил священник и прижимал холодный металл креста к губам мастера.

Тогда черный человек обращался к другим, сидевшим неподвижно, как статуи.

— Вы слышали, братья, как поклялся этот человек? Что ждет его, если он нарушит клятву?

— Смерть! — восклицали «братья», и, вскочив на ноги, они все, как один, выхватывали блестящие кинжалы и, потрясая ими в воздухе, кричали:

— Смерть!

— Смерть! — гудел палач, размахивая топором.

Потом они бросались на полумертвого от страха мастера и, схватив его кто за ноги, кто за руки, укладывали в гроб.

Лежа в гробу, мастер трижды повторял слова клятвы и трижды «братья» махали кинжалами и вопили: «Смерть!»

Потом наступала темнота.

Кто-то натягивал повязку на глаза мастера, выволакивал его из гроба и опять вел по коридорам на свежий воздух.

Когда с него снимали повязку, его глаза резал дневной свет, в ушах еще звучали крики «смерть» и страшное лязганье кинжалов. Одурелый входил он в мастерскую и не сразу понимал, что ему говорил старший мастер.

А мастерские были устроены так, что рабочие одной мастерской не знали, что делается в соседних, и никогда не виделись с другими рабочими.

Тот, кто промывал глину, понятия не имел, что в эту глину подбавляют, чтобы сделать фарфор.

Токари, точившие посуду из массы, не знали, из чего составлена масса и как обжигается посуда в печи.

Только три человека — Бетгер и его помощники доктор Бартоломэи и Штейнбрюк — знали все, что творилось на фабрике.

Все это делалось для того, чтобы сохранить в тайне секрет фарфора, чтобы никто, кроме Августа, не мог устроить у себя фарфоровую фабрику.

ИСКУСИТЕЛИ

С тех пор как фабрика в Альбрехтсбурге стала выпускать белую посуду, такую же твердую и прекрасную, как китайская; с тех пор как Бетгер нашел синюю кобальтовую краску,

которой можно было писать узоры на белых чашках; с тех пор как он научил мастера делать блюда и чаши с кружевными стенками и лепные фигуры,— Август стал есть и пить на своем фарфоре и от гордости еще выше задрал свой острый нос на толстом лице, а все другие короли и князья только и видели во сне, как бы им узнать секрет фарфора и завести свою фабрику.

Их шпионы, переодетые то бродячими торговцами с тюками на спине, то нищими, то печниками, ищущими работы, так и шныряли вокруг Альбрехтсбурга и, облизываясь, как коты на масле, следили за клубами дыма, встававшего над старинными башнями.

Они подкарауливали рабочих, выходявших из замка по праздникам, угощали их добрым пивом в кабачках и старались выведать о том, что творилось на фабрике.

Особенно охотились они за «арканистами»,— так назывались рабочие той мастерской, где составлялась фарфоровая масса.

Одного арканиста итальянские шпионы напоили сонным зельем, уложили в карету и увезли. Он очнулся только за итальянской границей.

Ему дали денег и велели устроить фарфоровую фабрику в Милане.

Но из этого ничего не вышло. Арканист не знал секрета фарфора.

Иные рабочие, усталые от своей фабрики-тюрьмы, были не прочь бежать из Альбрехтсбурга. Они обещали шпионам открыть секрет фарфора, если им дадут денег и свободу.

Они убегали из замка, захватив с собой запас фарфоровой массы, сколько им удавалось утащить с фабрики мимо глаз ревностных сторожей.

Попав ко двору князя или епископа (как это было в Берлине, в Фульде и в Бранденбурге), рабочий делал несколько чашек и тарелок из украденной массы. Его покровитель уже трубил повсюду, уже хвастался своей «собственной» фарфоровой фабрикой, которая заткнет за пояс саксонскую фабрику короля Августа.

Слухи об этом доходили до Саксонии.

Разгневанный Август призывал к себе Бетгера и кричал, что теперь все потеряно, секрет утащили у него из-под носа! Никто больше не станет покупать саксонскую посуду. Где слава, где деньги, которые обещал Бетгер?

Бетгер устало хмурился.

— Они не знают нашего секрета, государь. У них ничего не выйдет,— отвечал он.

Так оно и случилось.

Бежавший рабочий изготовлял несколько чашек из украденной массы, а когда его запас кончался, он не знал, что делать дальше: составить массу сам он не умел. Скоро его прогоняли прочь.

Но Август приказывал еще строже следить за рабочими.

Ни одна пылинка массы не должна была выходить за ворота Альбрехтсбурга. Рабочих били плетью и сажали в подземелье, если находили кусочки массы в их карманах, если подозревали, что они хотят бежать.

Порядки на фабрике становились еще жестче.

Бетгер устало хмурился.

Он понимал, что рабочим хотелось на волю из фабрики тюрьмы. Он сам был рад удрать от Августа хоть на край света.

ЗЕРКАЛО

Бетгер был уже не похож на веселого студента в дырявом плаще, постучавшего когда-то в дверь старого Кирхмайера.

Лицо его обрюзгло. Серые мешки набухли под глазами. От бессонных ночей над очагом алхимика в едком дыму серые от бессонных ночей за попойками его веки стали красными и воспаленными. Глаза слезливо шурились от дневного света. Светлые кудри заменил высокий парик на лысой голове.

В редкие хорошие дни, когда он составлял новую массу или чертил планы новых печей, его взгляд становился острым, ловкие руки безошибочно отвешивали на весах нужные количества глины и алебаstra, шаги по-юношески легко звучали в подземельях Альбрехтсбурга.

Но это бывало редко. В остальное время он был вялым, тучным человеком, внезапно приходившим в дикую ярость, если его помощники ошибались в работе.

В остальное время его дрожащие пальцы просыпали на карточный стол червонцы Августа и расплескивали бокалы с вином.

Он устроил себе пышную квартиру, увесил ее стены французскими гобеленами, покрыл полы пушистыми коврами. Он заказывал себе золоченые кафтаны, и его манжеты были из лучшего бельгийского кружева. Бетгер торопился жить, наверстать ушедшую молодость.

Тратить деньги ему помогал молодой ювелир Конрад Гунгер. Он приносил Бетгеру золотые табакерки, кольца и другие побрякушки и соблазнял его покупать эти вещи.

Конрад Гунгер охотно садился за карточный стол, когда не хватало партнера.

Конрад Гунгер всегда был рад устроить попойку.

Конрад Гунгер умел провести за нос купцов, когда они приходили к Бетгеру требовать уплаты долгов. Он занимался делом Бетгера больше, чем своим ювелирным ремеслом.

Конрад Гунгер привел однажды в дом Бетгера приезжего итальянского графа, игрока в карты. Они начали крупную игру. Длинные пальцы графа в фальшивых бриллиантах не раз передвигали по зеленому столу столбики золотых монет. Золото из кармана Бетгера переходило в кошелек графа. Игра длилась всю ночь.

Бетгеру не везло. Он проиграл сначала свои деньги, потом деньги, которые надо было отдать рабочим на фабрике, он проиграл дорогой перстень — подарок Фюрстенберга. Он хотел бросить игру.

— Не волнуйтесь, господин Бетгер! — учтиво говорил итальянский граф. — Не стоит бросать игры из-за такого пустяка. Давайте играть на слово. Мы с вами сочтемся.

Бетгер хотел отыгаться, он стал играть на слово. Скоро он проиграл столько, что не мог бы выплатить долг и в три года.

Свечи, треща, догорали в канделябрах, над их дымящими фитилями горбатился неснятый нагар. Бетгер встал из-за стола и отошел к окну. За тяжелой портьерой розовело небо.

Проигрыш был огромный. Король не согласится его уплатить.

Итальянский граф опозорит Бетгера. Это был долг чести, игра на честное слово.

Тупая тоска опять мучила Иоганна.

Исхода не было.

— Не надо грустить, уважаемый хозяин, не надо грустить! — пропищал тонкий голос за его спиной. — Тому, у кого в руках великий секрет, грустить не приходится. Все пути к богатству и славе перед ним открыты.

Бетгер вздрогнул и обернулся. Маленький человек в рыжем парике, молчавший весь вечер и не игравший в карты, стоял перед ним и буравил его взглядом острых, настойчивых глаз.

«Кто это? — мелькнуло у Бетгера в голове. — Ах, да! Это секретарь графа».

А тот не сводил с него глаз и выводил высоким фальцетом:

— Что значит жалкий проигрыш для того, кто владеет великим секретом? Богатство и слава в его руках.

— Что вы хотите сказать? — рванулся к нему Бетгер.

Лицо рыжего человека сморщилось.

— Приходите завтра к обедне в церковь Екатерины на Старой площади, — быстро прошептал он и отошел.

Полусонный граф рассовывал по карманам червонцы. Гости расходились, только Гунгер спал в углу на диване, глупо раскрыв рот.

Свечи догорели, на столе валялись карты и стояли бокалы с остатками вина. Бетгер нагнулся, чтобы поднять упавшую на ковер карту. Это был червонный король, похожий на Августа. Бетгер бросил его под стол.

Утренний полусвет проходил в окна. Бетгер сделал несколько шагов в пустой комнате, и вдруг ему навстречу из прохода вышел тучный немолодой человек в парчовом кафтане. В сумерках утра его лицо казалось обрюзгшим и серым. Бетгер остановился, тот остановился тоже.

— Да ведь это мое отражение в зеркале, — сказал Бетгер вслух и хотел расхохотаться над своей ошибкой.

Но смех не прозвучал. Глаза у его двойника были грустные. От носа к углам рта шли глубокие складки. Он тоже вышел из комнаты, где на стенах висели гобелены и блестела золоченая мебель, за которую не было заплачено купцам. На нем был такой же дорогой кафтан.

— Так вот каким я стал! — сказал Бетгер и сел у зеркала в кресло. Вся прошлая жизнь стала проходить перед ним.

Где теперь его мать, майор Тиман и учитель Цорн? Иоганн не видал их ни разу с тех пор, как девятнадцатилетним мальчиком бежал из Берлина.

Разве Август отпустит его когда-нибудь на свободу, в родные места?

Иоганн вспомнил, как однажды, в воскресенье, мать надела на него новую курточку и майор Тиман повел его с собой на ярмарку. Иоганну было семь лет. В лотке у ярмарочного торговца майор купил ему розового пряничного коня, которого было жаль есть, такой он был хорошенький!..

Колокол ударил к ранней обедне. Бетгер вспомнил рыжего человека.

Что значили его слова? Все равно хуже, чем есть, быть не может. Он решил пойти к обедне и, взяв шляпу, вышел из дому.

ДОНОС

«В ночь со второго на третье декабря в доме у директора королевской фабрики Иоганна Бетгера была крупная игра.

Иоганн Бетгер проиграл большую сумму денег итальянцу, называющему себя графом Бураттини. Третьего декабря, в восьмом часу утра, Иоганн Бетгер вышел из дому. Я последовал за ним, как обычно. Придя на Старую площадь, он вошел в церковь Екатерины, где в левом приделе к нему подо-

итальянец Бураттини, называющий себя графом, и другой итальянец, называющий себя секретарем графа. Удалившись в затененный колоннами угол, они стали беседовать. По словам, долетевшим до меня, я понял, что итальянцы предлагали Иоганну Бетгеру бежать из Саксонии и продать секрет фарфора за 100 тысяч талеров, обещая ему уплату долгов в Дрездене и милость одной коронованной особы. Они передали Иоганну Бетгеру письмо, прочитав которое, он задумался и обещал дать ответ нынче ночью. Все трое условились встретиться ночью на Каменном мосту и разошлись. Иоганн Бетгер направился в Альбрехтсбург, а итальянцы в трактир, где они проживают.

Я последовал за Иоганном Бетгером и, показав караулу пропуск его величества, прошел на фабрику. Придя на фабрику, Иоганн Бетгер снял свой кафтан и, надев рабочее платье, пошел в мастерские. Это дало мне возможность вынуть из кармана его кафтана полученное им от итальянцев письмо и доставить его вашему величеству...»

Август скомкал донесение шпиона и схватил приложенное письмо, на котором стояли печать прусского короля и собственноручная подпись: «Фридрих».

— Схватить эту гадину, заковать, на виселицу его! Нет, сначала на дыбу! Вот где измена, вот — в самом сердце фабрики! Бетгер предатель, клятвопреступник! Вот его благодарность за всю нашу любовь к нему! — кричал Август прямо в лицо Фюрстенбергу, задыхаясь от гнева и бегая по кабинету. Он остановился и топнул ногой. — А вы, вы всегда защищали его! Я бы давно вздернул его на виселицу, этого шарлатана-алхимика, но вы говорили: «Нет, он себя еще оправдает». Вот он оправдал себя, ваш талантливый химик!

Август передохнул и разразился снова:

— Мало того, что мы дали ему свободу ходить по улицам; мало того, что я платил его долги; мало того, что он жил, как принц, что я ежедневно осыпал его благодеяниями, — ему этого было мало! Он предал меня тем же пруссакам, от которых я когда-то спас его жизнь. Я отогрел змею на своей груди!

Август растрогался своей добротой и был готов пустить слезу. Фюрстенберг смущенно молчал. Может быть, он вспоминал тот вечер, семнадцать лет тому назад, когда молодой студент, рыдая, просил отпустить его на свободу — учиться в университете — и клялся, что он не знает секрета золота. Может быть, Фюрстенберг не был уверен, что Август ежедневно осыпал химика благодеяниями.

— Но, ваше величество, — сказал он наконец, — ведь мы не знаем, что ответит Бетгер агентам прусского короля. Может быть, он еще откажется. Подождем до ночи!

— Как! — заорал Август.— Мы будем ждать, чтобы он сегодня передал им рецепт массы! Вы с ума сошли! Арестовать его немедленно, посадить в тюрьму! Слышите?

Фюрстенберг, опустив голову, вышел из комнаты.

СНОВА ТЮРЬМА

Когда Бетгера ввели в тюремную камеру и замок глухо защелкнулся за ним, он невесело усмехнулся: «Не привыкать стать!» Решетчатое окно и покрытые плесенью стены напомнили ему келью в Альбрехтсбурге, где он варил золото. Здесь не было только чугунной печки для опытов, да на его руках теперь гремели кандалы. Зато Август не требует больше ни золота, ни фарфора. Можно отдохнуть. Давнишняя знакомка виселица не отпустит его на этот раз. Она всю жизнь охотилась за ним. Бетгер устал бегать от нее.

Агенты прусского короля, выдававшие себя за итальянцев, были арестованы. Они показали, что Бетгер согласился передать им секрет фарфора. Теперь ему не удастся убежать от виселицы. Зато можно отдохнуть.

В ушах у него звенело, голова была как свинцовая. Сторож внес кружку с водой и кусок хлеба. Замок опять защелкнулся.

С трудом передвигая ноги, Бетгер отошел от окна и лег на деревянную койку. Стены камеры закружились перед ним, пришлось закрыть глаза.

Он постарался вспомнить, о чем он думал, когда удар колокола напомнил ему о рыжем человеке. Он думал тогда о чем-то хорошем. Ах, да! — о розовом пряничном коне.

Как было весело на ярмарке! Карусели вертелись под музыку. Иоганн сидел верхом на белом лебеде и, замирая от страха и восторга, мчался куда-то. Разноцветные флаги и золоченые тряпки вихрем неслись вместе с ним.

Карусель остановилась, а ему еще казалось, что все плывет кругом в сияющем вихре под волшебную музыку.

У лотка, пахнувшего корицей и еще чем-то сладким, майор Тиман купил Иоганну розового пряничного коня с черными изюминками вместо глаз. Потом они вошли в лавку и выбрали синюю шаль с пунцовыми розами — для мамы. Купец ловко складывал ее вчетверо, чтобы с поклоном отдать ее майору, как вдруг Бетгер вспомнил, что это был не купец, а аптекарь Цорн.

Бетгер ясно увидел перед собой аптекаря в черной шапочке на макушке. Он учил Иоганна скатывать пилюли из муки с водой.

— Бери осторожнее, мальчик, двумя пальцами,— услышал

Бетгер знакомый голос аптекаря,— бери и катай комочек. Вот так раз, два!

Из пальцев аптекаря выкатился круглый шарик. Иоганн тоже хотел катать пилюли, но вспомнил, что у него заняты руки, он все еще держал розового коня, и пилюли у него не находили. Впрочем, это были не пилюли, а шнорровская земля, которую он собрал из складок пудермантеля.

Вот кто был настоящим изобретателем фарфора — аптекарь Цорн! Ведь это он когда-то выучил Иоганна скатывать пилюли. Без него Иоганн не скатал бы шарика из шнорровской земли, не нашел бы белую глину. Смешно, что это не приходило ему в голову раньше!

Иоганн громко захохотал.

Потом ему показалось, что он лепит большую вазу с фигурными ручками. Ваза превратилась в голову Августа, и вышло так, что Иоганн держит короля за уши.

— Пора на виселицу,— сказал Август и превратился в червонного короля. Он созвал своих червонных вальтеров, и они, ницца, потащили Иоганна куда-то.

Вдруг раскрылась дверь, и вошел Чирнхауз. Карты с шипением рассыпались. Чирнхауз сел к Иоганну на койку и взял его за руку. Тогда стало хорошо и спокойно. Чирнхауз все знал и все простил Иоганну. Теперь было не страшно. Можно было спросить учителя и друга: отчего на фарфоре выступают иногда черные точки?

Утром сторож вошел в камеру. Хлеб и вода стояли нетронутые. Узник громко бредил, смеялся и плакал и метался по койке.

— У него горячка,— сказал присланный от Фюрстенберга старый врач.

Так прошло много дней и ночей. Бетгер умер, не дождав-шись суда. Он навсегда избавился от виселицы.

А фабрика продолжала работать и выпускать прекрасный фарфор на зависть всем королям в Европе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ФАРФОРОВЫЙ ЗАВОД ВЕСЕЛОЙ ЦАРИЦЫ

В земное недро ты, химия,
Проникни взора остротой
И, что содержит в нем Россия,
Драги сокровища открой.

М. Ломоносов

СЛУХИ О ПЕТРЕ

Когда Бетгер был еще молод и под именем барона Шрадера стряпал золото в дворцовой лаборатории, ему не раз приходилось слышать о русском царе, великане Петре.

Русский царь Петр помог Августу стать королем Польши. Не мудрено, что имя Петра было на губах у всех королевских придворных.

Про Петра было что рассказать. Его царство — огромное, полудикое русское царство — на востоке доходило до таинственного Китая, а запад его граничил с Польшей.

Ходили слухи, что в его столице Москве медведи и волки среди бела дня рыщут по улицам; зато в домах у бояр так много золота, серебра и драгоценных камней, что их складывали в бочки.

Но не этому дивились германцы, а тому, что Петр был самым странным государем на свете. Он откалывал такие шутки, на которые не решился бы ни один самый захудалый князек в Европе из боязни уронить свое княжеское достоинство. Петр одевался в грубое платье голландских ремесленников. Он пил пиво и играл в шашки с простыми шкиперами. Он женился на прачке, а своим первым министром сделал уличного торговца пирожками, Сашку Меншикова.

Царь Петр работал, как мастеровой. Он столярничал, чертил планы, строил корабли.

— Надо работать,— говорил он, и его дубинка учила лентяев и неженков, как надо работать.

Со смехом вспоминали придворные о том, как молодой Петр приезжал в Европу. Он не умел изящно кланяться и боялся поскользнуться на дворцовых паркетах.

— Русский дикарь,— говорили про него королевские придворные.

Этот русский дикарь всех засыпал вопросами. Этот невиданный царь хотел знать, что из чего и как сделано. Он оставив своей рукой крылья ветряной мельницы, чтобы разглядеть, как они вертятся.

Он учился рвать зубы, анатомировать трупы, гравировать резцом на медных досках. Он хвалился королям, что знает четырнадцать ремесл.

— А из чего у вас делают чернила? — спрашивал он у королей.— А чем у вас вырывают зубы? А из какого дерева вы строите мачты на кораблях? А чем вы лечите коров, если они не дают молока? Ну-ка, я взгляну, как у вас делаются кирпичи, да заодно покажите мне, из какой крупы варят кашу для солдат.

Разве короли могли ответить ему на эти вопросы? Они с усмешкой поглядывали на сильные, мозолистые руки Петра и чистили щеточкой бриллиантовые перстни на своих белых, изнеженных пальцах.

Петр хмурил брови над черными, быстрыми глазами и уходил из дворцов на корабельные верфи, на фабрики и в мастерские опять стучать молотком, лазать по лесам, выбирать мастеровых себе на службу.

Королевские придворные улыбались: его величество Петрус Примус не похож на монарха. Зато фабриканты и купцы хитро подмигивали друг другу. «Его величество хорошо знает, чего он хочет. Он хочет, чтобы в стране развилась торговля.

Уже собираются русские торговые люди в кумпанейства, складывают вместе свои капиталы, пускают их в обороты и заметно богатеют. Пойдут и наши товары в Россию — разбогатеет и мы. Что ни говори, а у его величества довольно верное соображение о пользе торговли!» Так хвалили Петра умные купцы и позволяли себе иногда похлопать его по плечу, и звали его между собой «купеческим государем».

А люди, побывавшие при русском дворе, рассказывали с ужасом, что его величество у себя дома на азиатского деспота похож, на повелителя диких орд. Скажет слово — и тысячи голов падают на плахи под топорами московских палачей.

Усмирив на Москве стрелецкий бунт, его величество велел повесить мятежных стрельцов на зубчатой Кремлевской стене. Трупы унизали всю стену, окружили зловонным кольцом белые царские палаты и златоглавые церкви Кремля. «Что ни зубец — то стрелец!» — говорили в народе, и воронье каркало над стеной.

Иностранные послы при русском дворе тайно писали своим королям, что в России нет людей. Есть только «его величества недостойные рабы», лишенные вольности и чести. Его величество колотит своей дубинкой и светлейшего князя Меншикова, и генералов, и сенаторов, и прочих вельмож. И все терпят. Он царь.

В гневе его величество страшен. Он выкатывает черные глаза и дергает плечом. Тогда видно, как бледнеет сквозь рюмяна от страха ее величество Екатерина, взятая из прачек в царяницы назло родовитым боярам.

Иностранцам небезопасно бывать на царских пирах. От царских попоек многие болеют, другие ослабевают в разуме, а у иных честь терпит урон. На новые царские затеи немало уходит денег — увеличены подати и налоги, не прекращаются наборы — то берут людей в солдаты, то гонят их тысячами со всей России в места новых государевых построек. Пустеют целые деревни.

Крестьяне плачутся: «Как его бог на царство послал, так мы и светлых дней не видели... Что ни день, то больший оброк платим».

Воят солдатские жены: «Он крестьян разорил с домами, наших мужей в солдаты побрал, а нас с детьми осиротил, чтобы плакали век! Мало он земель повоевал, еще гонит солдат под Азов и в свейские и в немецкие края, чтобы еще больше народу перемерло!»

Бормочут у костров солдаты: «Мироед, весь мир переел. А на него, кутилку, перевода нет. Только он переводит добрые головы...»

Страшно жить в России, и никому нет покоя.

А впрочем, его величество Петр — великий государь, подобный Цезарю и Александру. Под его скипетром Россия становится могущественной державой. Уже строятся там военные и торговые корабли, новые фабрики ткнут полотна, сукна и тонкие шелка. Заводы плавят руды и отливают пушки, мортиры, ядра. Богатеют русские купцы, и русские войска побеждают неприятеля. Союз с Россией будет полезен иным европейским коронам.

Так писали иностранные послы своим государям.

Когда Бетгера под именем «господина с тремя лакеями» привезли из Кенигштейна в освобожденный от шведов Дрезден, он узнал, что шведов прогнали из Саксонии русские войска царя Петра. Не мудрено, что Август приказал Бетгеру приготовить кофейный сервиз в подарок жене Петра Екатерине.

Бетгер наблюдал за исполнением этого заказа и вспоминал то, что слышал о Петре от мудрого Чирнхауза.

«Россия — полудикая, нищая страна, — говорил Чирнхауз. — Она отстала от Европы на пять столетий. Русские не умеют строить фабрики и заводы и вырабатывать изделия, нужные для торговли. У них нет даже дорог, гаваней и кораблей, чтобы перевозить товары. В стране нет торговли — значит, нет денег.

Царь Петр заводит торговлю в стране. Торговым людям от него почет, торговым людям в России теперь пути не заказаны. Они устраивают по-своему русскую жизнь. А длиннородные бояре из древних родов держатся за старину цепко, упрямо, ненавидят все новое. Их-то и прогоняет царь от своего двора и ищет себе помощников среди расторопных да смысленых людей простого звания. А если он кутит с простыми шкиперами, сам вбивает гвозди в корабельные доски, называет прачку царицей и совершает другие поступки, неприличные для монарха, то все это он делает, чтобы показать, что он плюет на старые русские обычаи и ненавидит старину.

Сколько фабрик ему нужно устроить, чтобы сравняться с Европой! Я не удивлюсь, если он заведет у себя посудную фабрику. В России должны быть хорошие глины».

ГОРОДОК САНКТ-ПИТЕРБУРХ

В болотистых лесах на берегу Невы строился новый город. Солдаты царя Петра отвоевали это место у шведов. «Работные людишки» царя Петра пядь за пядью отвоевывали это место у зыбких, болотистых топей, у непроходимых лесов.

Они рыли каналы, проводили дороги, наводили плавучие мосты над широкой Невой. Немало погибло здесь солдат от

иростной шведской картечи, а еще больше погибло работных людишек от голода, холода и цинги, от непосильной работы под безжалостными плетьюми царских десятников. Царь Петр не жалел людей. Он уже прикидывал в уме, сколько кораблей пойдет в плавание из новой гавани. Хлеб, лен, лес, пушнину, сало выменяют московские купцы на заморское золото.

Будет у царя золото — будет сила, будет крепкая власть. Стоит ли считать, сколько померло работных людишек!

На удивление Западу выростал на невском берегу невиданный новый город, прорезанный каналами,— Санкт-Петербурх.

Рядом с убогими землянками работных людишек строились каменные дворцы для царя и его вельмож.

Украсить эти дворцы фарфоровыми вазами, как у королей в Европе,— вот чего захотелось Петру. Он выписал из Голландии расписные цветочные горшки из голландского фаянса и голубые узорные изразцы для печей.

Но больше всего ему хотелось, как предсказывал Чирнхауз, устроить в Санкт-Петербурге свою русскую фарфоровую фабрику. Он стал приглашать мастеров из Германии.

Король Август, обязанный Петру многим, не посмел противоречить, когда его мастер Эггебрехт собрался в далекую Россию, чтобы устроить там фарфоровую фабрику.

Не понравилось ли мастеру Эггебрехту в городке Санкт-Петербурге, или не нашел он там подходящих фарфоровых глин, а может быть, Август тайком приказал ему не находить их, только он скоро вернулся домой, ничего не устроив царю Петру.

Тогда Петр послал своих глашатаев по московским площадям. Они созывали народ барабанным боем и выкликали охотника, который взялся бы устроить царю фабрику для выделки белой посуды по примеру «саксонского порцелина». Бородатый купчина Афанасий Гребенщиков вызвался устроить такую фабрику. В местности Гжель, под Москвой, было много разных глин.

Из этих глин хотел Гребенщиков делать «порцелиновую» посуду. Но у него выходила не фарфоровая, а фаянсовая посуда, непрозрачная, незвонкая и темноватая в черепке.

Когда Петр умер, царица Екатерина и царица Анна Иоанновна не стали заботиться о том, чтобы устроить фарфоровую фабрику. Для царских дворцов ведь можно было покупать какую угодно дорогую, самую великолепную фарфоровую посуду — китайскую или саксонскую. Стоило ли открывать свою фабрику?

Преемники Петра не любили работать. Старая петровская дубинка, отставленная в угол, не раз сучала по их спинам.

ТРИ СТУДЕНТА

Однажды, проезжая немецкий город Марбург, Петр говорил тамошнему физику, профессору Вольфу, о том, как нужны дельные молодые ученые для разработки природных богатств России. Петр умер. Прошло почти десять лет со дня его смерти, когда петербургская «Де сяньсь Академія»¹ решила послать к профессору Вольфу троих русских студентов, чтобы он сделал из них опытных физиков и химиков. Это были Михаил Ломоносов, Дмитрий Виноградов и Густав Райзер.

Студенты выехали из Петербурга на корабле в глухую осеннюю пору. Суровые ветры хозяйничали на студеном Балтийском море. Сизые, вздувшиеся валы ударяли в борт корабля и перекатывались через палубу. В бурю студенты сидели в маленькой темной каюте и прислушивались к скрипу мачт и глухим ударам валов. Где-то там, за водяными бурными пустынями, остался Кронштадтский порт, а еще дальше — родная Россия. Юноши вспоминали то детство в деревне, то школьные годы в Москве.

Когда погода утихала, они выползали на корму и, сидя на свернутых канатах, следили за пенистым следом корабля на воде или толковали о том, что ждет их в Германии.

— Только бы не держали нас опять взаперти, как в Москве, — говорил Виноградов, худенький вихрастый отрок лет пятнадцати. — Смерть как надоело под замком сидеть.

— Эх, обидно мне, что я немецкого языка не знаю, — вздыхал рослый, широкоплечий Ломоносов. — Сколько времени пройдет, пока я по-немецки выучусь и лекции смогу слушать!

— Да куда тебе спешить?

— А как же не спешить? Если бы ты, как я, взрослым парнем притащился в Москву, чтобы грамоте учиться, да на тебя малые ребята в школе пальцами показывали бы: «Смотри-де, болван лет в двадцать пришел латыни учиться», так и ты заспешил бы. Счастливые вы оба: Райзер по-немецки, как по-русски, говорит, а у тебя, Митя, времени впереди много, — говорил Ломоносов.

Ему было уже двадцать пять лет.

При слове «школа» лукавые огоньки сверкнули в глазах Виноградова.

— А помнишь, Миша, — сказал он, — как в школе бывало. Холод, пальцы мерзнут, герр лерер ходит по классу в шубейке и палкой дерется. Все ему кажется, что мы между собой разговариваем, а это у нас в животах с голоду бурчит. Помнишь,

---

¹ Так называлась Академия наук.

он только крикнул: «Силентиум!»¹ — а у тебя в животе — «ку-ка-реку». Ой, умора. Попало тебе тогда палкой по пальцам.

Виноградов звонко расхохотался. Ломоносов тоже не удержался от улыбки.

— Так! — воскликнул Райзер, хлопнув себя по колену грифельной доской, на которой он молча писал какие-то цифры. — Так, я сейчас высчитал, что из тех денег, что академия будет нам давать на квартиру, стол и ученье, у нас еще рублей сто в год останется. Можно будет и книжки покупать и одеться получше.

— Неужто сто рублей останется? — радостно удивились Виноградов и Ломоносов. От такой огромной суммы у них закружились головы.

— Эх, поживем, братцы! — воскликнул Ломоносов. — Не то что в академии на алтын в месяц.

— Завтра придем в гавань, — сказал им шкипер в вязаной фуфайке, проходя на корму, чтобы осмотреть якорь.

На рассвете корабль подошел к Травемюнде. Студенты, затаив дыхание, смотрели на встававшие из утреннего тумана зубчатые башни, острые колокольни и чешуйчатые купола церквей, так не похожих на русские.

Крутобокие корабли из Индии и Америки выгружали на пристань неведомые товары. На каменных плитах набережной сутились голландцы в полосатых чулках, рыжие англичане и даже желтые, раскосые китайцы. Крестьянки в полосатых юбках, с белыми чепцами на головах погоняли ослов, запряженных в тележки с овощами. Пастор в треугольной шляпе и белом воротнике большими шагами переходил площадь.

Виноградов так зазевался на дюжего матроса-негра на соседнем корабле, что упустил шапку из рук. Она нырнула в зеленоватую воду за бортом.

А матросы уже крепили причал, сбрасывали сходни на берег, и новая жизнь встречала студентов шумом, суетней и чужим, непонятным говором.

У ПРОФЕССОРА ВОЛЬФА

Профессор Вольф закрыл книгу и сдвинул очки на лоб, когда перед его домом застучали колеса почтовой тележки. Он вышел на крыльцо и сердечно обнял приехавших запыленных студентов.

---

¹ Тихо.

Надеюсь, что вам будет хорошо жить у меня и вы оправдаете надежды своей родины, станете хорошими учеными,— сказал он.

Пока Райзер бойко барабанил ему по-немецки приветствие от русской «Де сиянс Академии», два других студента молча глядели.

Ломоносов вдумчиво вглядывался в лицо старого профессора. Он рассматривал его розовые щеки, его светлые глаза, окруженные морщинками, и седые волосы, торчавшие из-под бархатной шапочки, и старался за добродушной внешностью угадать знаменитого ученого, прославленного большими знаниями и острым умом.

На мальчишеском лице Виноградова быстро сменялись любопытство, застенчивость и лукавая усмешка. Он успел разглядеть, что из кармана ученого физика торчит томик латинских стихов, что в дверь выглядывает какая-то старушка в крахмальном переднике, в маленькой гостиной на окошке вьется зелень, на ковре играет котенок, а в растворенную дверь видны книжные полки, физические приборы и рабочий стол профессора.

Старая Эмма провела студентов наверх, в светлую комнату, где их ждали миски и кувшины для умывания и три белые кровати.

На другой день началось ученье.

Профессор Вольф от души хотел сделать из этих студентов дельных и энергичных ученых, в которых так нуждалась Россия.

Студенты были на редкость способные. Освоившись с немецким языком, они с жадностью ловили каждое слово лекций. С горящими глазами, забыв обо всем на свете, они проделывали опыты под руководством профессора. Их любовь к науке обещала, что в будущем они сами станут двигать науку дальше. Сколько мыслей, проектов и мечтаний таили в себе их встрепанные мальчишеские головы!

Профессор Вольф сам молодец и увлекался, когда работал с ними. Но они доставляли ему так много хлопот! С тем же безудержным пылом, который вкладывали они в ученье, эти шалопаи могли ночь напролет бесноваться на улицах. Как нечер, так не сиделось им дома. Взволнованные новой жизнью, свободой, лишними деньгами, они хотели не только учиться, но и веселиться всласть.

Вечером, дочитав любимую главу из Виргилия, профессор Вольф долго ворочался в своей постели. До него доносились с улицы то шум драки, то взрыв смеха, то удаляя песня.

— Ах, сорванцы, ах, шалопаи, ах, ветрогоны! Ну что с ними делать? — вздыхал старый профессор.

ПРОКАЗНИКИ

Третий год учения подходил к концу.

— Нет, Митя, не пойду. Довольно, пошалопайничали, пора и честь знать,— говорил Ломоносов, садясь у окна и собираясь читать, несмотря на быстро наступавшие сумерки.— И так уж молва по городу: русские студенты — бродяги, шалуны, бездельники. Не хочу я старого Вольфа огорчать.

— Вот мы и вздуем долговязого Отто за то, что он русских студентов порочит и старику на нас наябедничал. Уж я расквашу ему нос за русских студентов,— горячился Митя Виноградов, грозя кулаком воображаемому врагу.— Вот и Райзер со мной пойдет.

— Что до меня,— отозвался белокурый Райзер, занятый чисткой своей куртки,— то я пойду из дому просто потому, что старая Эмма не даст нам больше свечи в комнату. Она боится, что мы сожжем дом. Не сидеть же, право, весь вечер в потемках.

— Ну, пойдем, Миша! — взмолился Виноградов. Он подошел к Ломоносову и потихоньку вынул у него книгу из рук.— Да что с тобой сталось? Давай гулять, пока можно. Вот вернемся в Петербург, небось оттуда никуда не удерешь. Посадят нас опять на хлеб и воду, а по субботам будут пороть для «успейния в науках». Постой... Слышишь?

За окном над островерхими крышами Марбурга вставал тонкий молодой месяц. Город затихал. Вдруг издали донеслось стройное пение. Это студенты гурьбой проходили по улицам.

Внизу у калитки кто-то свистнул. Митя Виноградов ответил радостным свистом, прыгнул на окно, свесил ноги и, уцепившись за водосточную трубу, скользнул вниз. За ним молчаливо последовал Райзер.

Широкоплечий Ломоносов, колеблясь, остановился перед окном, но когда песня опять грянула и он различил голоса своих товарищей, он махнул рукой и тоже прыгнул в окно.

В нижнем этаже у полуоткрытого ставня стоял старый профессор и перед сном курил трубку. Он видел, как три студента один за другим перебежали палисадник и скрылись за забором. Он не остановил их, но брови его озабоченно сдвинулись.

ОТЪЕЗД

На другой день профессор не вышел пить кофе. Он в своем кабинете разбирал иностранную почту. Студенты сидели за столом тихие, как мыши, виновато опустив головы. Густав Райзер сонно хлопал глазами. У Мити Виноградова на лбу

сидела огромная шишка. Михайла Ломоносов был совсем грустный и, кончив уроки, засел в угол со своей тетрадью. Он морщил лоб, кусал перо и зачеркивал что-то в тетрадке. Он писал стихи.

Весь день студенты особенно прилежно сидели над книгами, а на кухне старая Эмма отражала натиск горожан, пришедших к профессору с жалобами.

Старый сторож ратуши, стуча деревянной ногой, рассказывал ей, что ночью студенты зажгли фейерверк на голове у памятника курфюрсту, плясали кругом и орали песни. Он хотел итробить в рожок, чтобы созвать других ночных сторожей, но только дунул — из рожка вылетел едкий порошок и засыпал ему глаза. Пока он прокашлялся и прочихался, студентов и след простыл.

Экономка бургомистра жаловалась, что студенты напугали ее до полусмерти. Ночью в ее окошко заглянула страшная морда с огненными глазами.

— Добрый вечер,— сказала морда и влетела в комнату. Это была выдолбленная тыква с зажженной свечой внутри. Студенты насадили ее на палку и подняли в окошко набожной старухи.

Лавочник принес счет за разбитое стекло, парикмахер — за чертиков, нарисованных на вывеске, и, наконец, в кабинет профессора ворвался сам разъяренный юстицрат¹ и потребовал высылки из Марбурга студента Виноградова, разбившего нос его единственному сыну — долговязому Отто.

Вечером профессор позвал в свой кабинет Ломоносова. «Ну, верно, отчитывает Михайлу»,— решили Виноградов и Райзер. Ломоносов вернулся от профессора бледный и заплаканный. Вольф получил приказ от академии отправить студентов в Фрейберг к профессору Генкелю, который должен был обучить их горному делу и взять их в ежовые рукавицы.

«Студенты уехали отсюда двадцатого июля утром,— писал Вольф в Петербургскую академию.— Из-за Виноградова мне пришлось много хлопотать, чтобы предупредить его столкновения с разными студентами. Отъезд русских воспитанников освободил меня от многих хлопот... Когда они увидели, сколько долгов за них приходится платить, они стали раскаиваться и не только извиняться передо мной, но и уверять, что они впредь хотят вести себя совершенно иначе и что я нашел бы их совершенно другими людьми, если бы они только ныне явились в Марбург. При этом особенно Ломоносов от горя и слез не мог вымолвить ни слова».

---

¹ Юстицрат — судебный советник, юстиции советник.

ГЕНКЕЛЬ

Каменистая дорога круто поднималась вверх. Городок Фрейберг лежал среди голых гор. Студенты подъехали к нему на рассвете. У входов в рудники маячили тусклые фонарики рудокопов. Черный удушливый дым стоял над плавильнями. Копоть покрывала лица прохожих, придорожные камни, тощие кустарники.

Студентам вспомнились зеленые рощи Марбурга и светлая огибавшая их река.

— Неказистый городок...— вздохнул Райзер.

— Проживем! — ответил Виноградов.— В рудниках под землей побываем. Посмотрим, как в плавильнях железо огненной рекой течет. Ведь нас пошлют в плавильни, Михайла?

Ломоносов кивнул головой.

Горный советник Генкель принял их не сразу. Они ждали его перед потухшим очагом в пустой комнате. За стеной спорили два голоса.

— Не дам я тебе ни гроша, дармоед! — выкрикнул злой стариковский голос.

— Ну, так сам чини себе крышу, скряга! — ответил другой, молодой и звучный. Мимо студентов прошел парень в рабочей куртке и захлопнул за собой дверь. Тогда из внутренних комнат вышел Генкель.

— Добро пожаловать, мои милые, милые питомцы! — сказал он, любезно улыбаясь. Злой голос за стеной — это был его голос. Маленькие глаза быстро оглядывали студентов. Острый носик словно принюхивался к каждому. Виноградов съежился.

«На язычке мед, а под язычком лед», — мелькнуло у него в голове.

— Доверие, мои молодые друзья, прежде всего доверие к вашему наставнику, — скороговоркой сказал Генкель, будто угадав мысли Виноградова.— Я старше вас годами, я богаче вас опытом, я смею думать, учнее вас. Высокочтимая и достохвальная Академия наук поручила вас мне, я буду вашим наставником и другом.

Он вынул из кармана письмо Академии наук и прочел его вслух. Лица студентов вытянулись. Академия писала, что отныне они будут получать лишь половину прежнего жалованья. Деньгами будет распоряжаться Генкель. Без его позволения им нельзя ни купить тетрадку, ни сходить к цирюльнику, ни отправить письмо. Если они не станут слушаться Генкеля, с ними поступят, «как с негодьями и преступниками».

— Как с негодьями и преступниками! — выкрикнул довольный Генкель и стал поучать студентов. Они должны стать

прилежными, послушными, терпеливыми, скромными, богобоязненными молодыми людьми. А главное — они не должны ничего скрывать от своего наставника!

Генкель говорил долго. У Виноградова уже сосало под ложечкой от голода, когда горный советник, наконец, замолчал и повел студентов в их комнаты. Это были убогие, полутемные каморки. На столах лежали инструменты и потрепанные книги. Генкель вручил каждому студенту счет на купленные для него вещи.

Ломоносов задумчиво потрогал расхлябанный, ржавый циркуль, купленный Генкелем, и взглянул на Райзера. Райзер подмигнул левым глазом.

Циркуль был старый, негодный, а по счету Генкеля за него было заплачено два талера. Столько-то и новый циркуль не стоил!

МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Для студентов пришли трудные времена. Генкель выдавал им в день по четыре гроша на обед, по два гроша на ужин и ни пфеннига больше. Щеки студентов побледнели, кафтаны продались на локтях, башмаки прохудились.

По утрам, стянув потуже свои пояса, молодые люди отправлялись в минералогический кабинет Генкеля. Там в больших и малых ящиках были разложены образцы глин, камней и руд. На каждом образце был ярлычок с латинской надписью.

Пока Генкель ссорился с работниками или допекал воркотней своих домашних, студенты зубрили наизусть латинские названия минералов.

— Адама — глина, сульфур — сера... — твердил Виноградов, — плюмбариус... Михайла, что такое плюмбариус? Я забыл.

— Свинцовая руда! — сердито отвечал Ломоносов. — Только не стоит запоминать, Митя. Что толку, если мы эти латинские слова, как попугай, затвердим, а настоящих свойств минералов знать не будем? Генкель о них ничего не говорит. Таится он от нас, что ли, со своей наукой?

Так проходили утренние часы. Генкель прибегал в кабинет улыбающийся, суетливый. Он сразу принимался болтать о своей великой учености. Его-де все в Европе любят и уважают. Никто лучше его не знает свойств разных глин и камней. Недаром его почтили званием горного советника.

Однажды Ломоносов не выдержал и попросил его рассказать о свойствах глин. Генкель сделал таинственное и важное лицо. Наука о глинах — трудная, никому не ведомая наука, но он, Генкель, эту науку превзошел.

— Глины бывают животные, минеральные и растущие,— сказал он.

— Михайла,— шепнул Виноградов,— какие это животные глины?

Ломоносов толкнул его, чтобы он замолчал.

— По своим свойствам глины делятся на верхние и нижние, на жесткие и мягкие, на мокрые и сухие...— продолжал Генкель.

— Сударь,— сказал Ломоносов,— мне кажется, любую глину можно размочить в воде, тогда она станет мокрой, и если высушить ее в печке — она станет сухой. Разве сухими и мокрыми бывают только какие-то особые глины?

Генкель молча, поверх очков поглядел на студента. Потом он приосанился, поправил шейный платок, с презрением ответил:

— Вы, конечно, разумеете простые глины, из которых лепят горшки. Это доказывает, что вы невежда. Наука не занимается такими пустяками. Я же говорю вам о сухости и о влажности, об этих великих законах естества, описанных Аристотелем, и Гиппократом, и Галленом, и Томазиусом, и Вечелиусом, и Пуфендорфом...

Тут Генкель выговорил столько замысловатых имен, что у Виноградова голова пошла кругом. Ломоносов нахмурился и больше ни о чем не спрашивал.

Наболтавшись вдоволь, Генкель принимался за опыты.

Как назло, ни один опыт ему не удавался. То колба оказывалась с трещиной, то вода не закипала, то кислоты проливались не туда, куда нужно. Ломоносов сидел мрачный, Виноградов глядел в окно и считал ворон, Райзер усердно тарачил глаза, чтобы не задремать.

Однажды Генкель взял кусочки свинца и взвесил их на весах. Потом он прожег свинец на огне и снова взвесил его. Оказалось, свинец весил теперь больше, чем прежде. Тогда Генкель объявил, что свинец увеличился в весе потому, что во время прокаливания он соединился с теплотвором. Теплотвор — это огненная материя, разлитая во всем мире. От нее происходят тепло, жар, огонь.

Генкель приказал Ломоносову повторить это объяснение.

— Господин горный советник,— угрюмо сказал Ломоносов.— Мне кажется, что никакого теплотвора в природе нет. Если выстрелить из ружья, всегда выскакивает искра, даже на морозе. А ведь на морозе не бывает никакой огненной материи в воздухе.

— Ах вот как, вам кажется! — вскрикнул Генкель.— Вы очень самоуверенны, господин студент! Объясните нам, бедным невеждам, отчего же свинец стал тяжелее, чем был,

и откуда происходит вообще тепло? Мы охотно вас выслушаем.

Ломоносов покраснел. Он глубоко вздохнул и сказал с трудом:

— Свинец стал тяжелее потому, что при прокаливании в поры свинца проникло какое-то вещество и, соединившись со свинцом, увеличило его вес. Откуда происходит тепло — я наверное еще не знаю, но думаю, что оно происходит от вращения мельчайших частиц, из которых состоят все тела. Я наблюдал при опытах...

Тут Генкель откинулся на спинку стула и громко захохотал.

— Вы делали опыты! А кому нужны опыты такого пачкуна? Прославленные мужи в своих ученых трудах доказали, что теплотвор рождает тепло, — значит, так оно и есть. Вращение частиц! Слыхал ли кто-нибудь о чем-либо подобном? У вас вращение в мыслях, молодой человек! Но я прекращаю это вращение, так и знайте!

Генкель приказал студентам записать рассуждение о теплотворе в свои тетрадки и выучить его наизусть.

С этого дня Генкель возненавидел Ломоносова.

ПЕРВАЯ ОДА ЛОМОНОСОВА

— Вот уж тюрьма, так тюрьма. Прямо и не приснится никому такое житье! — сказал Виноградов, тыкая гусиным пером в замерзшие чернила. В его каморке было давно не топлено.

— Набедокурили в Марбурге, вот теперь и маемся! — грустно ответил Райзер и уткнулся в книгу.

Обычно Виноградов и Райзер по вечерам занимались вместе, а Ломоносов запирался у себя и что-то писал. Но в этот раз он неожиданно вошел в каморку Виноградова с листом бумаги в руках и плотно притворил за собой дверь.

— Слушайте, друзья! — сказал он. — Я написал оду в стихах и хочу послать ее в академию в Петербург.

Студенты закрыли свои учебники и приготовились слушать. Лучшим русским поэтом считался тогда Василий Тредиаковский. У Ломоносова была книжка с его стихами, и студенты знали их наизусть. Прославляя императрицу Анну, придворный стихотворец писал так:

Анну даровал нам бог ныне толь велику,
Нельзя без твоей воспеть гарфы то мне зыку:
Мудрых всех во свете глав есть ее мудрейша,
Разумом разумных всех та весьма острейша.

Прочсть такие стихи без запинки было очень трудно. А какими тусклыми, тяжеловесными и непонятными показались они студентам, когда Ломоносов прочел свою оду! Стихи Ломоносова были живые, звучные, размеренные. В ту осень русские войска взяли турецкую крепость Хотин. Ломоносов описал в стихах кровавую битву. Обращаясь к побежденному турку, он спрашивал его:

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? Где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тотчас чаял победить;
Янъчар твой свирепо злился,
Как тигр на российский полк скакал.
Но что? внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.

Виноградов и Райзер слушали, побледнев от волнения.

— Знаешь, Михайла, я думаю, что ты великий стихотворец, подобный древнему Горацию! — сказал, помолчав, Виноградов.

Ломоносов отослал свою оду в Петербург. Там она наделала шуму. Как, безвестный студент, шалопай, крестьянский сын написал такие прекрасные стихи, до каких не додумались академики в чинах! Ломоносов сразу прославился.

Но слава славой, а студенты голодали. Академия не прислала Генкелю его жалованья в срок, и он стал задерживать присланные для студентов деньги. Из-за каждого гроша он ворчал часами. Над Ломоносовым Генкель издевался и всячески преследовал его. Однажды он приказал студенту растереть выпаренную ртуть. От ртути поднимались едкие, ядовитые пары. У Ломоносова и так уже голова кружилась от голода, а тут ему стало совсем дурно. Бледный, он подошел к Генкелю и попросил избавить его от этой работы.

— Белоручка! — зашипел Генкель. — Строить из себя великого ученого вы умеете, а простой опыт вам не под силу! Ступайте и делайте, что вам велят, пока я не выгнал вас из лаборатории.

Тогда Ломоносов опрокинул склянку с ртутью в очаг и, хлопнув дверью, выбежал вон.

— Я уйду из Фрейберга! — сказал он товарищам. — Я не могу больше учиться у Генкеля! Того и гляди отколочу его, хоть он и горный советник!

— Ну потерпи, друг, — просил Виноградов. — Нам только бы выучиться поскорее, а там все трое от него уйдем! Академия небось даст нам денег, когда мы станем учеными!

— Куда ты пойдешь, где будешь жить, посуди сам! — уговаривал Ломоносова Райзер.

В Фрейберге нечего есть и нечему учиться! — упрямо твердил Ломоносов. — У любого рудокопа узнаешь о рудах больше, чем у Генкеля. Он только и умеет, что свои латинские прылочки писать, а ни в химии, ни в металлургии ничего толком не знает.

Товарищи все же уговорили его попросить прощения у Генкеля. Ломоносов стал по-прежнему ходить на занятия. Но не прошло и трех недель, как Генкель объявил студентам, что отныне он будет давать им еще меньше денег на еду, чем прежде, всего по три гроша в день. Студенты долго совещались в комнате Виноградова. Наконец они решили идти к Генкелю и объявить ему, что жить на эти деньги нельзя.

— Вы что же — думали, что я позволю вам пиры задавать? — закричал Генкель, услышав их просьбу. — Может быть, вы думали, что я из собственного кармана вас буду кормить? Напишите письмо в Россию, пускай ваша императрица подаст вам милостыню. У нее денег много.

Ломоносов шагнул вперед.

— Мы не за милостыней пришли! Мы требуем своих денег, — сказал он и облизал сухие губы.

— Своих денег? А какого цвета эти денежки? Я их что-то не видел! — смеялся Генкель.

— Неправда! — крикнул Ломоносов. — Вы покупаете на наши деньги инструменты у вашего шурина и платите за них втридорога! Вы берете с нас за комнаты столько, сколько ни одна комната в городе не стоит! Вы заставляете нас платить за ваши уроки, а сами только болтаете, вместо того чтобы нас учить!

Генкель вскочил с кресла

— Негодяй! Щенок! Вон отсюда! Вон, тотчас же! — крикнул он и бросился на студента с кулаками. Ломоносов тоже размахнулся, но товарищи схватили его за руки. Они поспешили увести его из лаборатории. Генкель бежал за ними и толкал Ломоносова в спину, осыпая его ругательствами.

В тот же вечер Ломоносов сложил свои вещи в котомку и ушел из Фрейберга. Товарищи, расставаясь с ним, поклялись ему в вечной дружбе.

— Где-то наш Михайла теперь? Бродит, верно, без крова, буйная голова! — часто вспоминал Виноградов.

Ломоносов действительно скитался по Германии без крова. Он сходил пешком в Голландию, вернулся в Марбург и после многих приключений уехал, наконец, в Россию.

Виноградов и Райзер прожили в Фрейберге еще четыре года. Генкель скоро перестал с ними заниматься и послал их работать на горные промыслы. То-то обрадовались молодые люди, вырвавшись на волю! Денег у них было по-прежнему

млю, но, работая с охотой, они забывали нужду. В горах студенты нашли себе учителей — горняков, рудокопов, плавильщиков, которые хотя и не говорили по-латыни, но зато различали на глаз все горные породы и знали их свойства не из книг, а из опыта. У них научились студенты прокладывать шахты, распознавать руды, строить машины для горных работ и печи для выплавки металла. Райзер собрал хорошую коллекцию горных камней и берег ее как зеницу ока. Виноградов любил работу возле плавильных печей — блеск огня, гуденье пламени, огненные струи расплавленного металла.

Студенты стали учеными химиками-металлургами. Даже сам Генкель не решался спорить с ними. Они знали теперь побольше, чем он.

КИПА КРУЖЕВ

На Невской перспективе, близ моста через речку Фонтанную, толпился разночинный люд. Там к высоким воротам, усыпанным светящимися площадками, подлетали раззолоченные придворные кареты.

— Посторонись, дай дорогу! — во всю глотку кричали скороходы в развевающихся лентах и перьях, огромными скачками бежавшие впереди карет.

Султаны из перьев колыхались над головами лоснящихся лошадей, золоченые колеса громыхали по дощатой мостовой, алые кафтаны гайдуков, стоявших, как статуи, на запятках, развевались по ветру.

— Царица, царица едет! — крикнул кто-то, и дюжие квартальные осадили толпу. На дороге появилась карета, сверкавшая, как солнце. В ее золоченые стенки были вделаны зеркала. Зеркала сверкали даже на спицах колес. За стеклом виднелась кипа кружев и лент, усыпанных бриллиантовыми блестками. Это была царица Елизавета, дочь Петра.

— На колени! — рявкнул квартальный и бухнулся на землю, а за ним и остальные — торговки, мастеровые, инвалиды, и толстый купчина, и захожий мужичонка с узелком на батожке — полегли брюхом в студеные грязные лужи, которых по осени было немало на Невской перспективе.

Карета с кипой кружев пролетела в ворота.

Во дворце хрустальные люстры сверкали огнями свечей. На мраморных хорах играл оркестр крепостных музыкантов графа Разумовского. Царица Елизавета праздновала окончание постройки этого великолепного дворца. В только что отделанных залах толпились придворные. То-то было блеска, сверканья и шелеста шелков!

Бархатный занавес, распахнувшись, открыл сцену. С потолка на веревке спустили краснощекого парнишку в рыжем парике, с лирой в руках. Он изображал Аполлона — греческого бога. Звонким голосом пропел он стихи, восхвалявшие Елизавету. Затем опять с потолка спустились на веревках девять девушек в разноцветных платьях — кто с дудочкой, кто с циркулем, кто с масками в руках. Это были девять муз. Они тоже пропели поздравление Елизавете и протанцевали какой-то танец, боязливо косясь за кулисы, откуда француз-танцмейстер грозил им здоровенной дубинкой.

Столы ломились от множества блюд. Чего тут только не было! Индейки, начиненные орехами, телячьи уши, разварные медвежьи лапы, лосиные губы, жареная рысь и селедочные щеки. У царицы и ее министров приборы были из чистого золота. Посреди стола красовалась золотая горка с бриллиантовой буквой «Е». Банкет длился три часа.

Наевшись и напившись, гости стали хвалить драгоценные вещи, которые были во дворце, — и шелковую французскую мебель, и мраморные статуи, и хрустальные люстры, а потом стали рассказывать, какие еще бывают диковинки на свете.

Кто-то сказал царице, что у одного купца в Амстердаме есть зеленая обезьянка, такая маленькая, что в орех входит.

Царица, причудница и капризница, обернулась к графу Воронцову:

— Вот бы нам достать эту мартышку для украшения дворца.

— Будет исполнено, матушка-царица, — склонил Воронцов свой пудренный парик.

— А что же вы, барон, ничего о нашем дворце не скажете? — спросила Елизавета молодого саксонского посла, который весь вечер молчал и ничего не хвалил. — Думаю, что у вас в Саксонии такого блеска и роскоши и во сне не увидишь.

Саксонец вспыхнул.

— Точно, государыня, золотом и драгоценными камнями русский двор богаче всех дворов в Европе. Точно, государыня, не на золотых блюдах кушает саксонский король, а на простых фарфоровых, которым, однако, по красоте и благородству нет равных ни у кого. Я же если и видел у вас фарфоровую посуду, так вся эта посуда саксонская, помечена саксонским гербом — двумя мечами, а русской такой не видал.

Черные брови Елизаветы сдвинулись. Ей стало обидно.

— Почему, граф, до сей поры в Петербурге порцелиновой фабрики не заведено? — гневно спросила она графа Разумовского.

---

¹ Порцелин — то же, что и порселен.

— Будет исполнено, матушка-царица,— ответил Разумовский, пряча улыбку румяных губ в кружевной воротник.— Будет исполнено. На своем порцелине кушать будешь и другим государям в подарок пошлешь, матушка.

Так прихотливая царица решила судьбы зеленой обезьянки амстердамского купца и русской фарфоровой фабрики.

Плошки, шипя, догорали над воротами. Гайдуки и кучера толпились у сней, поджидая господ. За воротами черной зияющей пустыней казалась Невская перспектива. Сквозь деревья редко-редко где сверкал огонек.

Там и по всей огромной России «работные людишки» кровавым потом зарабатывали гроши, голодая и холодая, чтобы отдать их жестоким сборщикам налогов, чтобы сверкающая царица выстроила себе еще один великолепный дворец, чтобы она заказала себе пятую тысячу платьев (у нее уже тогда было их четыре тысячи), чтобы граф Разумовский задавал роскошные пиры на золотой посуде.

На деньги, истраченные на один такой пир, можно было прокормить целую деревню в течение года.

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Теплым летним вечером по сходням голландского корабля сошли на петербургскую набережную два молодых человека с тощими дорожными мешками. Это были Виноградов и Райзер. Они привезли из Германии изрядный запас знаний, большую охоту работать для русской страны и голодные молодые желудки.

Жадными глазами смотрели они на Петербург. В закатных лучах берега Невы казались нарядными. Пылали окна меншиковского дворца на Васильевском острове, кроваво краснели кирпичные стены «Новой Голландии» на противоположном берегу. Вдали золотился адмиралтейский шпиль.

Товарищи пошли разыскивать своего друга Ломоносова.

Он вернулся на родину на два года раньше их и теперь уже работал в Академии наук.

В академическом доме сырая, темная лестница привела их к двум каморкам, где жил Ломоносов.

В облаках табачного дыма из-за стола, заваленного бумагами, встал им навстречу хозяин, радостно протягивая руки. За окном блестела Нева.

Когда гости уселись на колченогих табуретках, Райзер окинул взглядом убогую каморку и сказал:

— Что ж, Михайла, говорят, ты теперь на царской службе,

и славу входишь, а по жилью твоему сказать этого нельзя. Студенты в Германии и те почище живут.

Ломоносов усмехнулся.

— У академии денег нет. Знаешь, чем жалованье платят, — не мне одному, а и старым ученым? Книгами. Бери книжки из типографии и продавай на рынке. А книжки у нас — товар неходовкий. Грамотных людей мало. Кто до книжек охоч, — студенты да профессора, — у тех у самих денег нет, а купцы наши только божественные книжки читают, а не научные. Вот и сидим с книжками, да без денег.

— Миша, а помнишь, ты мечтал в Петербурге химическую лабораторию устроить. Вышло из этого что-нибудь? — волнуясь, спросил Виноградов и, не дожидаясь ответа, прибавил: — Возьми меня в лабораторию, больно хочется мне по химии работать. Я, знаешь, в Фрейберге опыты начал.

Ломоносов безнадежно махнул рукой.

— Подавал я заявления, просил академию позволить мне лабораторию устроить. Подумай, первая была бы лаборатория в России. Ведь нам, химикам, работать негде, ни весов, ни приборов, ничего нет...

— Ну и что же?

— Один ответ: денег нет. Нет денег у нас на науку, Митя. Ничего тут не поделаешь. Я, как рыба об лед, бьюсь, чтоб академиком расшевелить. Они как мухи сонные, только о наградах да чинах думают... Эх, говорить не стоит!

Молодые люди сидели как в воду опущенные.

— Зачем же нас учили, — тихо спросил Виноградов, — если работать нельзя?

Ломоносов засмеялся.

— Можно работать, Митя, только трудно очень. Еще мало у нас образованных людей; и вельможи наши, которые все дела вершат, сами едва грамотные. Ну, да ладно. Хотите, я лучше свои новые стихи прочту?

— Прочитай, прочитай, голубчик.

Ломоносов взял с полки толстую тетрадь серой бумаги и стал читать.

От чтения глаза его оживились. Размеренные, звучные строфы говорили о прекрасной земле, об ее глубоких морях, о бесчисленных звездах, о чудесных науках, которыми занимаются люди.

Он прочел:

О вы, счастливые науки!
Прилежны простирайте руки
И взор до самых дальних мест.
Пройдите землю и пучину,
И степи, и глубокий лес,
И нутр Рифейский, и вершину,

И саму высоту небес.
Везде исследуйте всечасно...
Что есть велико и прекрасно.

В земное недра ты, химья,
Проникни взора остротой
И, что содержит в нем Россия,
Драги сокровища открой.

У Виноградова замирало сердце. Жить было хорошо. В окно была широко видна заря, а шпиль Адмиралтейства золотился в наступающих белых сумерках.

ШУТ

«...Я от всех, доселе выписанных иностранных бергмейстеров ни одного не знаю, который бы Виноградова во всех частях горной науки чем перешел, но многие ему и в равенство не пришли»,— писал президент петербургской берг-коллегии, проэкзаменовав молодого Виноградова.

Берг-коллегия ведала горным делом, добычей руды из земли, выплавкой из нее металлов, поисками полезных минералов и глин.

Виноградов, поразивший петербургских ученых своими знаниями, получил звание бергмейстера¹. Но занятия ему пока не дали.

Пользуясь свободными летними днями, он бродил по Петербургу. Белые ночи не давали ему спать. Повсюду в городе он видел одно и то же.

Одинокими островками богатства и благополучия были многие дворцы и дома вельмож — островками в огромном море нищеты и дикости.

Чем дальше отходил он от Адмиралтейства, чем больше углублялся в болотистые, лесистые дороги за заставами, тем резче бросалась в глаза ужасная нищета петербургских «рабочих людишек».

Хмурые, кривые землянки ютились над болотами. На верфях работали грязные, полуголые плотники. С зари до зари стучали они топорами, чтобы вечером упасть там же, где работали, на старые рогожи и забыться тяжелым сном. Вдоль Невы бурлаки тянули баржи бечевой. Спутанные, свалывшиеся от грязи космы волос падали им на глаза. На шеях наливались от натуги жилы, готовые лопнуть. Они кашляли кровью.

Там на людях возили камень и песок для построек. Здесь

---

¹ Бергмейстер — горный инженер.

ищие, с голодными глазами, одетые в ужасные лохмотья, показывали свои язвы, вымаливая грош. За заставами торчали колья. На них щерили синие губы страшные головы казенных.

А во дворцах светились огни, звучала музыка, и золоченые кареты подлетали к подъездам, высаживая из своей мягкой глубины сверкающих бриллиантами придворных.

Виноградов бродил по городу и думал: «Говорят, у царицы Анны Иоанновны был шут. Он одевался так: одна нога в драном лапте и грязной онуче, другая — в шелковом чулке и атласной туфле с серебряной пряжкой. Одна половина платья из рогожи и дерюги, другая — из парчи и бархата. И на голове у него с одной стороны были шелковые завитые кудри над нарумяненной щекой, а с другой — щетинились грязные космы над измазанным сажей лицом. Не весь ли Петербург такой царский шут?»

Виноградов приходил к Ломоносову. Вместе с другими молодыми учеными они спорили, читали, делали опыты. Иногда Ломоносов читал свои новые стихи.

Тогда Виноградов забывал о страшном шуте.

БАРОН ЧЕРКАСОВ

Виноградов получил приказ ехать в Москву и явиться к барону Черкасову, управляющему кабинетом ее величества. В доме Черкасова на Тверской было темновато и душно. Сени были заставлены огромными сундуками.

По углам шептались какие-то старухи в старинных шушунах.

Барон Черкасов, чернобровый толстяк, вышел к Виноградову в засаленном шелковом халате, с лицом, еще опухшим от вчерашнего кутежа. Он хмуро взглянул на молодого ученого и приказал подать себе квасу. Он и не подумал пригласить Виноградова сесть.

— Ее императорскому величеству угодно порцелиновую фабрику в Петербурге учредить, — хмуро сказал Черкасов, отхлебнув квасу. — Для той фабрики\выписали мы из Стокгольма немецкого мастера, в порцелиновом деле зело искусного. Чтобы порцелиновой секрет в русских руках был и сей мастер не вздумал бы оного таить или с ним ехать, а нас на бобах оставить, порешили мы тебя к этому делу приспособить. Смотри, учись, примечай, как мастер посуду делает, и, — тут Черкасов стукнул кулаком по столу, — чтобы к пасхе ее величеству фарфоровый презент был готов! Ступай!

Виноградов молча повернулся к двери.

— Ист, постой! Возьми в канцелярии бумаги и там узнаешь, что тебе надлежит делать.— И барон Черкасов, довольный тем, что одно дело свалилось с плеч, отправился подсчитывать свои карточные долги и готовиться к званому обеду.

Виноградов пошел в его канцелярию, где запуганный писец с гусиным пером за ухом сказал ему, чтобы он ехал в Гжель.

ГЖЕЛЬ

Испокон веков гжельские гончары возили в Москву горшки, миски, кувшины своего изделия. Они наполняли московские базары веселыми шутками и звоном блестящей красно-коричневой посуды.

В гжельских оврагах под Москвой залегали разные годные для гончарного дела глины. Здесь брал глину для своей фаянсовой посуды и купец Афанасий Гребенщиков. Он встретил Виноградова, приехавшего на телеге из Москвы, у избы, отведенной для приезжих.

— Ну, здравствуйте,— сказал он.— За глиной приехали? Так, так, фарфоровую фабрику строить будете... Ну, ну, поглядим. Мы люди темные да неученые, а вы на немецкий манер выучены. Вам и книги в руки.

Гребенщиков поглаживал свою седую бороденку, и глаза его недоброжелательно и хитро поблескивали из-под косматых бровей.

Виноградов вспомнил, что Гребенщиков сам хотел делать фарфор, да у него не вышло. Теперь он был недоволен, что это поручено другим.

— А что, немецкий мастер приехал? — спросил Виноградов.

— Как же, как же. Сидит спесь, ножки свесь, тебя ждет,— уже совсем недружелюбно ответил Гребенщиков и пошел в избу. Виноградов последовал за ним.

— Ах, мейн герр! — бросился к нему навстречу худой человек с вязаным шарфом на шее.— Ах, мейн герр! Как я рад, что вы наконец приехали. Никто здесь по-немецки не понимает, какие-то дикари кругом; старик этот, между нами говоря, просто плутует со мной,— тараторил по-немецки незнакомец.— Мое имя Гунгер, Конрад Гунгер,— сказал он, пожимая протянутую руку Виноградова.— Я арканист, изобретатель саксонского фарфора. Будем друзьями.

— Как? — спросил Виноградов.— Ведь изобретателем фарфоровой массы, я слышал, называли Иоганна Бетгера?

— Мы с ним вместе, вместе работали,— заторопился Гунгер.— Ах, какой это был друг! Бывало, обнимет меня и ска-

жет: «Если бы не ты, Конрад, я бы никогда не сделал фарфора». Увы, его уже нет в живых! — Гунгер вытер глаза грязноватым платком.

— Что же, будете ямы смотреть? — грубовато спросил Гребенщиков. — Неровен час, снегопад начнется, тогда несподручно будет глину доставать.

Они втроем вышли из избы и отправились к ямам, откуда добывалась глина.

«МЫЛЯНКА» И «ПЕСЧАНКА»

В большом сарае они поставили кадки и чаны для промывания глины. Виноградов объездил и обошел все окрестные ямы, где только добывалась глина. Куски сухой глины были сложены под навесом.

Они искали такую глину, из которой можно было бы делать фарфор. Белая глина из деревни Жировки, которую звали «мылянка», показалась Гунгеру подходящей.

— Это для фарфора, — сказал Гунгер.

Виноградов удивился. При промывании от этой глины очень трудно было отделить песок; от другой глины, «песчанки», песок отделялся легко.

— Вы ничего не понимаете, молодой человек, — сухо сказал Гунгер. — Позвольте мне лучше знать, я устраивал фарфоровые фабрики и в Вене, и в Венеции, и в Стокгольме. Ваша «песчанка» годится только для кирпичей. — И он передал Гребенщикову через Виноградова, чтобы тот приготовил и отправил в Петербург две тысячи пудов «мылянки» и шесть тысяч пудов «песчанки».

Гребенщиков замахал руками.

— Да в уме ли он, твой немец? Да у нас такой уймы глины никогда не копали. Да где же ее копать-то зимой?

Гунгер требовал, Гребенщиков не соглашался. На помощь пришел Виноградов. У гончаров, гжельских крестьян, была с лета накопана глина. Сколько нашли, столько и купили и отправили в Петербург.

ДОРОГА

Гунгер и Виноградов, кончив промывание глин, тоже выехали в Петербург — в крепкие рождественские морозы по санному пути. Они ехали девять дней.

Гунгер зябко кутался в шубу и не уставал бранить Россию и русских. Ему казалось, что с ним все плохо обращаются.

— Не забудьте, что я арканист саксонского короля, — го-

ворил он, — я привык, чтобы меня уважали. Любой король в Европе будет благодарен, если я предложу ему свой секрет.

Потом Гунгер начинал клевать носом и, неожиданно проснувшись от толчка на ухабе, говорил:

— Я подал просьбу царице Елизавете, чтобы она пожаловала мне золотую медаль за изобретение. Как вы думаете, получу я эту милость?

— Но ведь мы еще не сделали фарфора из русских глин, — отвечал Виноградов.

Кругом простирались снежные равнины. В снегу серели редкие убогие деревушки. Днем путникам попадались по дороге крестьяне на худых лошаденках, уныло тащивших в город какую-то поклажу.

Конвойные солдаты вели каторжников. Цепи гремели на их посиневших от мороза руках. У иных из них лица были заклеены железом, а ноздри вырваны.

Встретив партию каторжников на одном почтовом дворе, Виноградов спросил старика-арестанта, за что его заклеили.

— Не только заклеили, батюшка, батогами со спины кожу трижды спустили. Я на барина руку поднял, — ответил каторжник.

— С чего же ты так?

— А он моего сынишку велел собаками затравить. Собаки презлющие, на медведя ходили. Сынишка в дворовых служил у барина, да не угодил чем-то, так за то.

По ночам над снежными равнинами вставали звезды. Вдалеке завывали волки. Сидя в санях рядом с дремавшим Гунгером, Виноградов думал об огромной, несчастной русской стране.

Иногда, глядя на небо, он вспоминал стихи Ломоносова и потихоньку твердил их про себя:

Лицо свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне — дна.

Тогда жить становилось легче.

НА КИРПИЧНЫХ ЗАВОДАХ

— Но это невозможно! Это ужасно! — ярился Гунгер, бегая по небольшой светлице в бревенчатой избе. — Я не затем

сюда приехал, чтобы меня отправляли куда-то на край света, в темную дыру, в болото! И это, вы говорите, место для фабрики? Фарфоровая фабрика должна быть при дворе! Там я мог бы блеснуть моим искусством! Я привык к хорошему обществу, я жывал во дворцах, а меня засадили в какую-то яму! Я не стерплю этого, я сейчас же напишу жалобу императрице!

И, схватив лист бумаги, Гунгер писал, ожесточенно разбрызгивая чернила гусиным пером.

Его и Виноградова отправили на кирпичные заводы, устроенные еще при царе Петре на левом берегу Невы, среди болотистого перелеска. Здесь они должны были строить фарфоровую фабрику.

Виноградову тоже было грустно. Десять верст дороги, совсем непроходимой в осенние дожди, отделяли его от города, от книг, от других молодых ученых и от друга — Ломоносова. Но главное — поскорее начать работу, поскорее сделать фарфор, тогда, может быть, фарфоровую фабрику переведут в город, если Елизавета будет милостива.

Они с Гунгером поселились в одной половине бревенчатой избы, а в другой Гунгер хотел устроить точильное отделение. По указанию Гунгера строился амбар для обжигательной печи. Гунгер распоряжался, Виноградов переводил его требования на русский язык и смотрел за исполнением работ.

Черкасов скупился на деньги для фабрики.

— Нечего деньги бросать,— говорил он, когда Гунгер просил сделать на амбаре для печи черепичную крышу.— Нечего деньги бросать,— повторял он и отказывал Гунгеру в просьбе устроить каменный пол в избе, где будут промывать глину. Он не понимал, что черепичная крыша не загорится от вылетающих из печной трубы искр, что каменный пол предохранит глину от пыли.

— Работайте поскорее,— говорил он и прислал Гунгеру масленку из саксонского фарфора для образца.

А на новой фабрике дело не двигалось. В избах протекали крыши, рабочие не получали жалованья. Что бы ни приказал Гунгер, все приходилось переделывать. Управляющий кирпичным заводом итальянец Трезин ссорился с Гунгером.

«Разговоры от Гунгера очень довольно приличны, а что будет впредь, какой от него плод, мы не знаем,— писал Трезин Черкасову.— Слыхали мы, что был он в Гишпании и в Венеции, в Вене и потом в Швеции, но нигде будто плода от него не принесено, а правда или нет, впредь подлинно окажется».

Так прошел год.

Виноградов тосковал. Гунгер, запершись в своей комнате, что-то проделывал с глинами. Он не пускал Виноградова взглянуть хоть одним глазком на составление массы. Он не позволял Виноградову самому брать глину и делать с ней опыты. Он не хотел делиться ни с кем секретом фарфора. Виноградову ничего не оставалось делать, как переводить на русский язык распоряжения Гунгера или писать под его диктовку длинные жалобы Черкасову. Для того ли учился он химии?

Гунгер приказал рабочим толочь алебастр для массы в чугунных ступках.

— Мейн герр,— сказал ему Виноградов,— не лучше ли толочь алебастр в каменных ступках? От чугуна могут отскочить частички, они попадут в массу вместе с алебастром и испортят посуду при обжиге. Ведь металл при нагревании расширяется иначе, чем глина.

— Нет! — закричал Гунгер.— Кто из нас директор фабрики, я или вы? Вы во все суете ваш нос. Я не позволю вам больше ходить в мастерские!

В длинные осенние вечера Виноградов читал при свече в своей избе и переводил на русский язык латинские стихи. Он сделал полочку для книг над своей кроватью и, когда у него бывали деньги, ездил в город и покупал книги и журналы.

Однажды, вернувшись домой, он заметил, что кто-то рылся без него в его тетрадках со стихами и читал книги.

Это Гунгер подсматривал, что пишет Виноградов, не открыл ли он секрет массы? Тогда Виноградову опостылело писание, и он стал уходить из дому.

В белые летние ночи невские берега были пустынно. Круглая луна вставала над лесистым мысом. По реке тихо скользили плоты. Костры на плотях бросали на воду красные отсветы. Из-за реки доносилось пение.

Виноградову вспоминались студенческие песни в Марбурге.

Он сажился в челнок и сильно греб, пересекая реку наискосок. За рекой, в поселке Веселом, молодежь водила хороводы, и бойкая финка торговала вином. Туда уезжал Виноградов от гложущей тоски на фабрике, где ему не давали работать.

Однажды, вернувшись вечером домой, Виноградов споткнулся в сенях о что-то мягкое и кубарем полетел на пол. Потирая ушибленное колено, он зажег свечу. На полу, поперек двери, храпел один из фабричных сторожей.

— Что ты тут делаешь? — спросил Виноградов, растолкав спящего. Сторож зевнул и, почесав в затылке, ответил:

— Да, вишь, Дмитрий Иванович, немец мне наказал...

— Что немец наказал? Под дверью валяться?

— Точно так, Дмитрий Иванович, тебя сторожить наказал. Как придет домой Виноградов, так, говорит, беги ко мне и скажи. Я, говорит, министру Черкасову отпишу, как он по ночам шляется.

Виноградов вспыхнул. Гунгер за ним шпионил!

— Прикажете к немцу пойти? — спросил сторож, подбирая одежку с пола.

— Нет, я сам пойду.

Виноградов распахнул дверь в комнату Гунгера. Гунгер высунул нос из-под одеяла и опять спрятался.

— Вы не смеете шпионить за мной! — крикнул Виноградов. — Вы не даете мне работать, не пускаете меня в мастерские, а теперь еще хотите доносить на меня!

— Не кричите на меня, молодой человек! — вдруг заорал Гунгер, и кисточка на его ночном колпаке подпрыгнула вверх. — Я ваше начальство!

— А! — Виноградов ударил деревянной табуреткой об пол и выбежал из комнаты.

На следующий день Черкасов получил жалобу, написанную рукой Гунгера.

Гунгер плакался, что «вчера в 11 часов ночи паче чаяния» к нему ворвался Виноградов с палкой и кортиком в руках и угрожал его жизни. «Таким образом я здесь в России отпочеван нахожусь! Я на фабрику до тех мест не пойду, пока сей безбожный человек при оной быть имеет».

«Безбожного» человека не отпустили с фабрики, но его все отстранили от дела. Гунгер боялся, что ученый химик скорее, чем он сам, сделает фарфор.

Так прошел еще год.

АРКАНИСТ-НЕУДАЧНИК

Виноградов был прав: от глины «мылянки» плохо отделялся песок, из нее нельзя было делать посуду. После неудачных опытов с «мылянкой» Гунгер принялся делать фарфор из «песчанки». Из первого обжига посуда вышла непрозрачная, без глянца и желтого цвета. Она была не похожа на фарфоровую.

— Это оттого, что печь топилась сосновыми дровами, — сказал Гунгер.

Ему привезли березовых дров. Из этого обжига посуда вышла еще хуже. Гунгер сказал, что плохо сложили печь. Печь переделали. Посуда вышла еще желтее. Печь опять переделали. Вместо посуды из обжига вышли какие-то желтые лепешки.

— Кто-то заколдовал печь! Это нечистая сила наворо-

жила! — говорил Гунгер, сам желтый от злости, как его посуда. Он опять заперся в своей комнате и что-то делал с глинами. Он клялся Черкасову, что он «все порцелинное искусство и науку совершенно знает» и, если его оставят в покое, он через год покажет «существительную порцелиновую пробу, которая саксонскому порцелину ни в чем не уступит».

Год не принес ничего нового. Гунгер не знал секрета фарфора. Тогда он предложил устроить царице уже не фарфоровую, а фаянсовую фабрику. Черкасов в ответ послал ему «апшит» — приказ о том, что он уволен, и паспорт для выезда из России. Так кончилась работа в Петербурге таинственного «арканиста», какие тогда странствовали по всей Европе, хвалясь знанием «китайского секрета» и соблазняя то одного, то другого тщеславного царька устройством фарфоровой фабрики. Пирушки с Бетгером не научили Гунгера химии.

Черкасов поручил Виноградову сделать фарфор.

ПОБЕДА ХИМИКА

«Дело порцелина химию за основание и за главнейшего своего предводителя имеет», — писал Виноградов в своем журнале, куда тщательно записывал все свои опыты с глинами.

Он работал дни и ночи, радуясь, что ему можно работать, как когда-то работал Бетгер в павильоне над Эльбой.

Из гжельских глин он выбрал глину «черноземку», сероватого цвета. Он стал подбавлять к ней кремень или кварц и алебастр.

Глину распускали в воде, много раз процеживали через сита, потом сушили в печах. Кремень или кварц прокаливали в горнах, потом толкли в ступках, теперь уже не в чугунных, а в каменных. Потом мололи на мельницах так, чтобы кремень и кварц превратились в мелкий порошок.

Потом Виноградов смешивал глину, кремень или кварц и алебастр и пробы обжигал в печи. Он без конца делал опыты, прибавляя то больше кремня, то больше алебастра, потому что от того, сколько войдет в массу того или другого, зависели белизна и крепость посуды.

Посуду обжигали сначала в небольших угольных горнах — «откаливали», потом расписывали ее синей краской — кобальтом — и покрывали глазурью. Глазурь состояла тоже из кремня и алебастра, к которым подбавляли мел.

Потом посуду ставили в дровяную печь. Посуда должна была выйти из огня белой, звонкой и блестящей.

Виноградов с записной тетрадью в руках не отходил от печи. Он прислушивался к треску дров, присматривался к цвету

пламени и, прильнув к слюдяному окошечку печи, ждал минуты, когда поставленная в огонь проба накалится так, что начнет светиться.

Он записывал в свою тетрадь:

«Закрытого огня было два часа, открытого — пять с половиной. Дрова были олонецкие, сухие, огонь — белой, чистой. Проба в огне явилась хороша, прозрачна...»

Потом кончали топить. Печь медленно выстывала. Кирпичи неохотно отдавали жар. Виноградову не терпелось взглянуть поскорее на готовую посуду. Наконец печь открывали. Виноградов, волнуясь, снимал крышки с капселей и вынимал еще теплые чашки, чайники, тарелки.

С потемневшим лицом он отставлял их в сторону. Они были кривые, покоробленные, а иные растрескались в огне.

Скрепя сердце химик продолжал начатую запись:

«...а в печи посуда испортилась. Не много здоровых вещей вышло. Кофейник новый хорош был, да погнулся...»

И он снова принимался за опыты, составлял новые массы, прибавлял в них то больше кварца, то больше алебаstra, но посуда из новых масс тоже коробилась в дровяной печи. Неужели ученому химику не будет удачи, как не было ее у шарлатана Гунгера?

Черкасов прослышал, что в Берлине напечатана книга «Открытая тайна китайского и саксонского порцелина, сочиненная от знающего сию тайну».

Нарочный курьер привез эту «Открытую тайну» Черкасову. Барон вызвал Виноградова и швырнул перед ним на стол тоненькую книжонку в четверку листа, напечатанную на грубой серой бумаге.

— Прочти, возьми в толк, уразумей, как порцелин делать надлежит! — сурово сказал Черкасов и, отвернувшись, прибавил: — Дождались мы того, что сей секрет всему свету известен стал, только мы с тобой как были, так дураками и остались!

Виноградов прилежно прочел книжонку и перевел ее Черкасову на русский язык. Увы! Автор, хвалившийся, что откроет тайну порцелина всему свету, сам ее не знал. В книге были вздорные слухи и рассказы о том, как делается фарфор, а ничего толкового в ней не было. Только одна страничка заинтересовала Виноградова — страничка о фарфоровых фабриках Кин-те-чена, которые описал отец д'Антреколль. Здесь приводились слова китайцев про англичан, вздумавших делать фарфор из пе-тун-тсе без каолина.

«Вот удивительные люди. Они хотят делать тело без костей, которое без оных ни ходить, ни стоять не может!»

«Однако сие надлежит понимать наизворот,— глубокомысленно прибавлял от себя автор «Открытой тайны»,— ибо глину не за кости, а за тело разуметь должно, а петунтзу, или шпат, за подкрепление того тела, или за кости».

Виноградов задумался. Он своими глазами не раз видел, что мягкая глина становится в огне твердой и жесткой, «как камень, из которого можно рубить огонь», а шпат и кварц плавятся и растекаются в большом жару. Значит, слова китайцев нужно понимать вовсе не наизворот, а прямо. Глина придает крепость фарфору, как кости придают крепость телу. А вот у него посуда кривится и коробится,— значит, нужно прибавить в массу какую-то другую глину, которая укрепила бы фарфор. Как найти эту глину?

Виноградов кликнул ямщика и велел отвезти себя на Васильевский остров. В полутемной книжной лавке «Де сиянсь Академіи» химик доставал с полок и перелистывал толстые тома в кожаных переплетах — французские книги и журналы. В лавке пахло плесенью и мышами. На страницах книг были ржавые пятна от сырости. К концу дня Виноградов нашел то, чего искал. Это были «Любопытные и поучительные письма отца д'Антреколля о Китае».

Крепко прижав к себе книгу, Виноградов вышел из лавки. Как хорошо, что когда-то в Марбурге он выучился французскому языку!

В ту ночь в его комнате долго горела свеча. Караульный солдат, бродя по двору, не раз заглядывал в его окошко и бормотал:

— Читает Дмитрий Иванович, все читает... Уж с лица осунулся, краше в гроб кладут, а все читает. Тешат его лукавые ночь напролет...

На рассвете солдат увидел, что Виноградов закрыл книгу, задул свечу и положил усталую голову на стол.

Из писем отца д'Антреколля он не узнал ничего нового о фарфоровых глинах.

Виноградов просил Черкасова, чтобы ему присылали образцы белых глин из разных мест — из-под Смоленска, из Старой Руссы и даже из Сибири. Он хотел их испробовать.

Черкасов сердился на Виноградова и писал ему язвительные письма:

«Господину бергмейстеру знать надлежит, что на ваши пробы уже довольно казны потрачено, а плода никакого до сих пор не видно. Надлежит тебе за работными людьми лучше смотрение иметь, да и самому к тому делу со всяким рачением руки приложить».

Черкасов послал на завод подполковника Хвостова и приказал ему следить, чтобы Виноградов «работал прилежнее».

Хвостов слонялся по мастерским, покрикивал на рабочих, надоедал Виноградову с утра до ночи.

— Будет ковыряться-то! — говорил он химику, заглядывая в дверь лаборатории. — Пожалуй в мастерские, ваше благородие! Сказано тебе: «Работай не покладая рук!»

Виноградов и так работал «не покладая рук». Хвостов ему опротивел. Однажды химик не вытерпел и вытолкал подполковника за дверь. Тогда Хвостов созвал караульных, отобрал у Виноградова шпагу и запер его в лаборатории на замок.

Арестованный химик принялся на досуге перечитывать свои записи об опытах и скоро забыл про Хвостова. Ему было ясно, что он еще не нашел нужного состава массы. В массу надо было еще прибавить какую-то составную часть, чтобы посуда в обжиге не кривилась. Он записал в дневнике:

«Порцелинная фабрика есть не что иное, как горная мануфактура и между всеми протчими великолепнейшая. Но кольми совершеннее она была бы, если бы все к тому делу употребляемые матерьялы ведать можно было!

В обширном Российском государстве разных минералов, камней и глин множество находится, но большая часть их еще в недрах земли сокрыта...»

Ему вспомнились стихи Ломоносова:

В земное недро ты, химія,
Проникни взора остротой
И, что содержит в нем Россия,
Драги сокровища открой.

Химия еще не проникла в российское земное недро. Нужно разыскивать фарфоровые глины, нужно исследовать и изучать их много лет. А Черкасов требует, чтобы фарфор был сделан завтра, нет — сегодня, сейчас, сию минуту. Ему не терпится поднести царице «фарфоровый презент».

Виноградов вспомнил, что собирался подбавить в новую массу еще два фунта кварца, и ринулся было в дверь. Нужно было сказать точильщикам, чтобы они пока из новой массы ничего не точили.

Дверь была заперта. Химик, верно, забыл, что он арестован! Он заходил большими шагами по лаборатории.

В уме у него все еще звучали стихи Ломоносова:

В земное недро ты, химія,
Проникни...

Проникнет она, матушка, проникнет, — держи карман, — когда химик под замком сидит...

Проникни взора остротой...

Тут и «острота взора» не поможет, если подполковник Хвостов над заводом команду взял... Мерзкая рожа!

Скамейка, задетая ногой Виноградова, грохнулась на пол.

И, что содержит в нем Россия,
Драги сокровища открой...

А для кого их открывать? Для царицы? Для Черкасова? Для Хвостова? Ладно, они и без этих сокровищ обойдутся.

Вся огромная работа последних лет показалась химику ненужной и бесцельной. Он захлопнул журнал и улегся спать на голой скамье, положив под голову кафтан.

Прошло несколько дней. Химик сидел под арестом. Забрызганный грязью курьер привез на завод запечатанный ящик от барона Черкасова. В ящике были образцы белых оренбургских глин, присланные по просьбе Виноградова с Урала. Черкасов приказывал «незамедлительно учинить тем глинам пробу».

Виноградов нехотя принялся за работу. Он сделал пробу из оренбургской глины и обжег ее в маленьком горне. Проба вышла белая, с глянцем, но очень хрупкая, она так и ломалась в руках. Делать посуду из одной этой глины было нельзя. Но когда Виноградов смешал эту глину с гжельской «черноземкой», проба вышла хороша. Виноградов сделал из новой составной массы кубок побольше и обжег его в дровяной печи.

Кубок обжегся прекрасно. Его прямые, гладкие стенки не погнулись, не покривились. Масса была крутая, плотная, полновесная — настоящая фарфоровая масса.

Виноградов взвешивал кубок рукой и, ощущая пальцами его гладкую глазурь, чувствовал, что держит в руке свою судьбу. Он написал Черкасову:

«Из той оренбургской глины самый настоящий чистый и белый порцелин делать возможно... Посуду поныне в обжиге вело и корбило, но оные недостатки той глиной отвращены быть могут и отвращены будут».

И Виноградов просил Черкасова вернуть ему шпагу. Пока заводский солдат снаряжался в город, чтобы отвезти Черкасову кубок и письмо, химик все еще сидел за столом и, сам того не замечая, чертил на обороте своего письма:

«Это должно

Это должно наконец

Это должно, наконец, случиться!»

Это, наконец, случилось. Он нашел состав фарфоровой массы.

«КИБИТОЧКИ ЛЮБОВНОЙ ПОЧТЫ»

Прошел месяц — и Черкасов, сияя от удовольствия, поднес царице Елизавете белую табакерку из настоящего фарфора. Это сделал Виноградов.

«Табакерки ныне выходят весьма белы и хороши, чище и белее оных поныне сделать было невозможно, разве что бог даст впредь»,— писал Виноградов Черкасову.

В те времена все вельможи, придворные дамы и сама царица нюхали табак. Фарфоровые табакерки понравились всем.

Их делали в форме почтового конверта, на лицевой стороне черной краской писали адрес, как указывал заказчик. «Мадемуазель брюнеточке с пезжным сердцем»,— велел написать один надушенный щеголь с мушкой на щеке, заказывая табакерку для своей невесты.

На балах во дворце обсыпанные пудрою пажы обменивались табакерками с нарумяненными фрейлинами царицы. Нередко в табакерке скрывалась розовая записочка с чувствительными стишками. Поэтому при дворе табакерки назывались «кибиточками любовной почты».

Случалось, что табакерку заказывал важный сановник, желавший, чтоб его повеличали и прославили на фарфоре. Длинные титулы и чины не умещались на маленькой крышке табакерки. Тогда Черкасов сердился и писал Виноградову:

«Да пошире и подлиннее велите сделать одну табакерку для его сиятельства графа Алексей Григорьевича, ибо его сиятельства титул велик, чтобы уместился надписью на крышке».

Больше всего табакерок нужно было царице Елизавете. Она дарила их своим придворным в знак милости и послала их даже в Англию в подарок лордам Гиндфорду и Нителтону.

В то же время Виноградов делал маленькие чашки, блюдечки, соусники, вазочки, масленки, солонки, баночки.

Он составлял краски, чтобы расписывать белую посуду.

Его посуда была не хуже саксонской, но Черкасов обижался, что все вещи маленькие. «Делай чем толще—тем лучше,— писал он Виноградову,— работай прилежнее, чтобы ее величеству можно было хорошее и крупное поднести, чтобы выйтить из нареkania того, будто мы ее величество обманываем».

Виноградов никого не обманывал. Он построил большую печь, которая топилась дровами. Ее топили, все усиливая огонь, двадцать четыре часа, пока он «так жесток станет, что все будет журчать и шуметь».

Через восемь часов такого «журчания» фарфор становился белым и твердым. Печь наглухо закрывали, и она остывала три-четыре дня.

Тогда фабрика стала делать большие вазы, блюда и тарелки. Царица могла гордиться. Русский фарфор был не хуже китайского и саксонского.

ФИГУРКА АТЛАСА

Виноградов держал в руке фарфоровую фигурку, только что вынутую из печи. Это был Атлас — силач, поднявший на плечи земной шар. Шар земной, тоже сделанный из фарфора, был слишком тяжел для плеч фарфорового силача. Когда в обжиге глина сплавлялась с кремнем и алебастром в жесточком огне, фарфоровый шар так надавил на плечи бедного маленького Атласа, что ноги у него подогнулись и вся фигурка накренилась вперед. Такой искривленной вышла она из обжига.

Это повторялось каждый раз, когда фигурку Атласа делали из фарфора и ставили в печь.

— Бедный Атлас! — сказал Виноградов. — Надо сделать шар полегче и поменьше, тогда ты не будешь выходить таким уродом.

И ему показалось, что он сам похож на этого Атласа, готового упасть под тяжестью непосильной ноши.

Завод выпускал прекрасный фарфор. Царица Елизавета наградила барона Черкасова орденами. О Виноградове вспоминали только тогда, когда нужно было исполнить какой-нибудь сложный заказ.

Ему забывали платить жалованье. Иногда целая треть его жалованья удерживалась кабинетом ее величества. Рабочим тоже не всегда платили.

Виноградов выбивался из сил, чтобы рабочим увеличили жалованье.

Его лучший помощник, не ученый, но способный мастер Никита Воинов, получал в месяц всего три рубля да два четверика муки, да один гарнец круп. А другие — и того меньше. В избах все так же текли крыши, и «от сырости был дух дурной нестерпим».

Рабочих секли за все провинности. Командовать фабрикой был поставлен подполковник Хвостов.

Хуже всего приходилось первому живописцу завода, Ивану Черному. Он был крепостной дворовый графа Черкасского, но он не хотел всю жизнь быть графским лакеем. Потихоньку он учился рисованию и золотых дел мастерству. Научил этому и своих сыновей. Он стал золотых дел мастером. За это его наказали плетью и отдали в услужение графу Шереметеву. Он послал челобитную царице, чтобы его сыновьями взяли на фарфоровый завод расписывать табакерки. Черкасов принял его на завод, а граф Шереметев требовал, чтобы его «служителя» вернули обратно.

Старик Черный и его сын Андрей ненавидели рабство и гнет. Они вечно бунтовали. Их умирал барон Черкасов.

Вот как написано в приказе Черкасова по заводу от 1753 года:

«Живописца Черного велеть держать на цепи, а жалование ему давать по вашему рассмотрению, и чтобы работал всегда. Буде же будет упрямиться, то его извольте высечь, да и жену его поближе держать, и ежели явится в продерзости, тоже высеките».

Закусив губу до боли, глядел Виноградов, как живописец Черный, скрючившись от цепи, натиравшей ему шею, тоненькой кисточкой рисовал на табакерках портреты румяной царицы Елизаветы, или розовых амуров, или голубых пастушков с овечками.

Вся Россия была под кнутом, на цепи, под вечной угрозой пытки.

Иногда Виноградову этот гнет тоже становился нестерпимым. В нем пробуждался вспыльчивый мальчик, который когда-то в Марбурге приводил в отчаяние старого Вольфа своими драками с немецкими студентами.

Тогда, в припадках бешенства, он ломал все вокруг себя. Он готов был покончить с собой, только бы не работать для прихоти тупых, разжиревших вельмож и бело-розовой царицы Елизаветы, по мановению пальчика которой людей посылали в тюрьмы, морили на каторге, клеймили железом и сажали на кол.

Об этих припадках директора фарфорового завода донесли барону Черкасову.

Черкасов приказал отобрать у Виноградова оружие и яды, запереть все рабочие помещения и кладовые, никуда его одного не пускать, «дабы с desperation¹ не сделал чему гибели разломанием или сожжением, или над собою какого зла».

Виноградову стало еще хуже. Тогда Черкасов приказал посадить его на цепь. Грубый подполковник Хвостов, гремя цепями, вошел в комнату, где работал Виноградов, и велел приковать его к стене, так, однако, чтобы он мог подходить к столу и писать. Черкасов требовал, чтобы Виноградов написал точно и подробно о том, как делается фарфор.

И Виноградов писал, сядя на цепи, «обстоятельное описание чистого порцелина, как оный в России при Санкт-Петербурге делается, купно с показанием всех к тому принадлежащих работ».

Хвостов приходил оскорблять его.

— Дождался, ученый, что на цепь посадили! — издевался он. — Смотри, смирно сиди, а не то и палки дождешься.

¹ С отчаяния.

Виноградов гордо молчал. А когда его оставляли одного, он опускал голову на стол, и ему вспоминалась фигурка Атласа, покачнувшаяся под непосильной тяжестью. За окнами плавно и спокойно текла Нева.

«Нет, нельзя так. Я, кажется, сойду с ума!» — думал Виноградов. Он решил написать Черкасову.

«За что я ни примусь, то почти все у меня из рук валится, и в мыслях моих все странное вселяется: то какого здравого рассуждения там ожидать, где только одно беспокойство жилище свое имеет. Команда у меня вся взята, я объявлен всем арестантом: я должен работать и показывать, а рабочие люди слушать и повиноваться должны другому. Меня грозят вязать и бить без всякой причины», — написал Виноградов Черкасову.

Тогда его освободили от цепи. Ему приказали скорее кончить свое «описание чистого порцелина» и научить всему производству своего помощника, Никиту Воинова. Черкасов писал ему: «Понеже вы как все люди подвержены болезням и смерти, то необходимо потребно, чтобы вы все нужное показали другому бесскрытно и без утайки».

Кабинет-курьер Жолобов следил за каждым шагом Виноградова, записывал каждое его слово.

Черкасов боялся, что изобретатель умрет и унесет с собой в могилу секрет фарфора.

Виноградов записывал в журнал свои последние заметки о деле порцелина. Между строк о фарфоровой массе и о дровяных печах он вписал по-латыни стих, пришедший ему на ум:

Ныне мой разум гнетет тяжесть трудов понесенных,
Краткая младость прошла, рано я стал стариком.

Ни Черкасов, ни Хвостов, ни Воинов латыни не знали, Виноградов написал эти строчки для себя и для нас с тобой, читатель. Через двести лет мы нашли рабочий журнал Виноградова и прочли этот печальный стих.

Вскоре после этой записи Виноградов заболел и через три дня умер. Ему еще не было сорока лет.

А фабрика продолжала работать, выпуская прекрасный фарфор, которым гордилась царица Елизавета перед другими государями.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗА НЕВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ СТАРЫЙ ФАРФОР

Прошли годы. Царь Петр III велел Михайле Ломоносову, великому поэту, физику и химику, взять в свои руки фарфоровый завод. Но не успел Ломоносов начать работу, как царь приказал ему оставить это дело.

Так и не пришлось заводу поработать с Ломоносовым.

Проходили годы. Сменялись цари, сменялись начальники завода, на завод привозили новые машины для выделки фарфора. С годами фарфоровые изделия изменяли свой вид.

Каждое время наложило свою печать на фарфоровую по-

суду. Всякую фарфоровую вещь можно прочесть, как книгу. Она расскажет о тех, кто ее сделал, и о тех, для кого она была сделана.

Вот кривая, помятая с боков чашка. Она покрыта пышками и пузырьками, словно сыпью. На ее доньшке подслеповатая буква w.

Почему эта некрасивая вещь хранится под стеклом в музее завода?

Это работа Виноградова. Может быть, это первая чашка из русской глины. Она сделана неумело. Печь, видно, дымила.

Виноградов составлял свои массы в сырой, полутемной избе на невском берегу.

Вот маленькая фарфоровая табакерка в Русском музее. На ней нарисован розовый ангел. Он укладывает розового ребенка в розовую колыбель, украшенную рогатым двуглавым орлом. Кто этот ребенок, почему он нарисован на табакерке?

Эту табакерку заказала Елизавета, когда родился ее внук. Она наполнила табакерку червонцами и подарила ее матери своего наследника в награду за то, что родился сын, а не дочь. Розовый ребенок — будущий император Павел I.

В то время на заводе еще не умели делать большие вещи. Живописец-ювелир Черный расписал эту драгоценную безделушку. Может быть, он стонал и скрипел зубами, рисуя розового ангелочка. Железо цепи натирало ему шею.

Рассмотрим крупные, белые, блестящие фарфоровые вещи. Фарфоровая фигурка изображает царицу Екатерину в виде богини. У ног ее — две прекрасные женщины: справедливость и человеколюбие. Побежденные страны привязывают себя к шпиту Екатерины цепями, сплетенными из цветов. Муза истории в лавровом венке записывает ее подвиги на фарфоровую дощечку. Амуры на чайных чашках венчают розами профиль царицы с торчащим вперед подбородком. На суповых мисках и соусниках сверкает ее вензель в сиянии лучей. Даже солонки и перечницы прославляют царицу, каждая на свой лад.

Фарфоровые крестьянки и крестьяне пляшут русскую или играют на дудках. Они румяные, красивые, нарядные. Можно подумать — сытно и весело живется им у барина-помещика.

Это — дворянский фарфор. Дворяне-помещики были тогда хозяевами в стране. Им принадлежала вся земля, в их руках были вся торговля и все золото. Как же было дворянам не прославлять крепостной строй, не восхвалять свою благодетельницу-царицу!

Поэты называли царицу «богоподобной» и «любимицей

богов». Художники изображали ее в виде богини. Фарфор тоже прославлял царицу. Лучшие художники работали тогда по дворянскому заказу. Этот фарфор красивый, торжественный, он расписан умелой рукой.

А что это за военная посуда?

На тарелках — скачут казаки, машут саблями гусары, пехотинцы заряжают ружья. С чайных чашек сердито косятся генералы. На больших вазах нарисованы гвардейские мундиры спереди, сзади и сбоку. Складки заутюжены, пуговицы блестят, петлички и выпушки прострочены.

Кажется, что это рисовал не художник, а военный портной.

Хозяин этой посуды — Николай I — изображен на фарфоровой пластине. Он скачет перед строем улан. Глаза у него выпучены, султан развеивается на треуголке. Уланы вытянулись в струнку.

Кажется, сейчас забьет барабан, и солдата прогонят сквозь строй, солдат упадет под ударами шпирцрутенев, зазвенят кандалы ссыльных по дороге в Сибирь.

Уже начиналось революционное движение, когда завод выпускал эту посуду. Старый крепостной строй трещал по всем швам. Николай I старался поддерживать крепостной строй силой пушек и штыков. Он только и думал о выправке своих солдат. Он пил из военных чашек, ел на военных тарелках. В Зимнем дворце по углам стояли военные вазы, словно несли караул.

На фарфоровом заводе за порядком следил особый полицеймейстер. Провинившимся мастеровым забривали лбы, сдавали мастеровых в солдаты.

Настоящие художники работали на императорском заводе неохотно.

В мастерских сидели чиновники, затянутые в мундиры. Их «художество» было скучное, казенное, рабское. Они умели рисовать только кивера и эполеты на кукольных офицерах да ранцы на кукольных солдатиках.

Погончики и начищенные мелом пуговицы, которые так любил царь, не спасли русскую армию от поражений. Отсталая страна проиграла Крымскую войну. Под Севастополем погибли тысячи русских солдат.

Царь умер, не пережив разгрома своих войск.

После этого чиновники на фарфоровом заводе стали стесняться изображать на вазах и тарелках воинственных солдатиков. Не хотелось напоминать новому царю про неутешительные военные дела.

Какими же рисунками пришлось им украсить фарфор?

В то время лучшие русские художники сочувствовали революции. Они писали картины, которые обвиняли старый

строй. Они изображали нищих крестьян, солдат, погибающих на войне, и борцов за новую жизнь, которых царь ссылал в Сибирь.

Когда директора завода, подыскивая рисунки для фарфора, приходили на выставку и видели эти «крамольные» картины, им делалось дурно. Возможно ли рисовать мужиков и бунтарей на царском фарфоре? Фарфоровая живопись не должна ничем напоминать царю про революцию. Фарфоровые вещи должны быть нарядны и красивы. Не следует пускать художников на завод.

Чиновники в мундирах, прежде рисовавшие кукольных солдатиков, теперь принялись усердно писать на фарфоре пастушек, красавиц и амуров. Они старались, чтобы их рисунки были веселые, пестрые, легкие, а рисунки выходили топорные, скучные, слащавые. Чиновники не умели рисовать.

В то время на заводе сделали огромную розовую вазу. Полуаршинные амурчики неуклюже танцуют по ее стенкам, растопырив розовые ручки, вскидывая толстые колени. Вырастают цветы, сверкает золото на зачем-то прилепленных к стенкам вазы бородатых головах.

Над этой вазой работали несколько лет. Кончили ее и восхитились своей работой. Кто получил орден, кто — медаль, кто — часы от царя.

А русское искусство шло другим путем.

В тот год, когда ваза была окончена, молодой художник Репин выставил свою картину «Бурлаки». Бурлаки тянут баржу. Они тяжело дышат. Из-под спутанных косм глядят страшные, измученные глаза.

Тысячи народа ходили на выставку смотреть эту картину. О ней писали, спорили, говорили. Она задела людей за живое. Художник показал людям, какова на самом деле жизнь.

Придворные неучи пожимали плечами и отворачивались от картины Репина.

— Разве это искусство? — говорили они. — Это так некрасиво!

Розовая ваза с амурами казалась им чудом искусства. Кто теперь помнит эту вазу? Забытая всеми, стоит она в заводском музее как образец плохой, безвкусной работы.

А картина Репина известна всему миру.

Прошло несколько десятилетий, и фарфоровая посуда стала грустной, унылой. Большие матовые статуи манерно повесили головы. Волосы у них распущены, глаза кокетливо полузакрыты. Названия у этих статуй невеселы — «Грусть», «Усталость», «Мученица», «Последний вздох корабля».

Рядом с ними — лампадки, кресты, яйца с изображением постных лиц святых,

Длинные чахоточные цветы тянут стебли по стенкам ваз. Плакучие ивы свесили грустные ветви на блюдах. Чашки покрыты серым, серо-зеленым, серо-голубым узором.

Посмотришь на такой фарфор — на сердце заскребут кошки, — такая тоска.

Это фарфор последних самодержцев.

Монархия разваливалась. Революция стояла на пороге. Цари трепетали за свою жизнь. Отрезанные от мира, жили они в своем дворце, зажигали лампадки, верили приметам, слушали рассказы колдунов. Они жили в мире призраков. Их окружали вещи, серые и унылые, как привидения.

На императорском заводе дни тянулись медленно и благополучно. Хлопотать было не о чем. Каолин, глазурь, краски — все привозилось на завод готовое из-за границы. Завод работал не спеша, с прохладцей. «Фарфоровская богадельня!» — усмехались металлисты и текстильщики, проходя мимо.

ШКОЛА НА ШЛИССЕЛЬБУРГСКОМ ТРАКТЕ

Прошло полтора года лет с тех пор, как умер Виноградов. На левом берегу Невы, где прежде были болота да чахлый перелесок, теперь стояли новые заводы, дымили высокие трубы. Семянников завод строил машины, Александровский — паровозы, «Атлас» лил чугун. Скрипели ткацкие станки, жужжали веретена на фабриках богатых купцов — Торнтон, Максвелла, Паля.

На лесистом мысу, где Виноградов встречал восход луны, высились огромные корпуса Обуховского сталелитейного завода.

На новых заводах работали десятки тысяч рабочих. По берегу Невы на одиннадцать верст вдоль Шлиссельбургского тракта раскинулись новые поселки — Смоленка, Александровка, Обухово, Мурзинка.

Сельцо Фарфоровое со своей старинной церквушкой в зарослях прибрежных рикит затерялось среди шумных соседних сел.

Фарфоровый завод словно одряхлел и присел к земле. В его невысоком, невзрачном здании работали, как встарь, две-три сотни работников. Летом завод работал восемь, зимой — шесть часов, а в темные декабрьские дни — и того меньше, три часа в сутки. В сумерки завод пустел и затихал. Тяжелые железные ставни закрывали окна его музея. У ворот лениво топтался сторож — отставной солдат в высокой мохнатой шапке.

А на больших заводах по соседству работа шла день и

ночь. Сквозь стены слышались лязг и грохот машин, стук молота, гудение пламени в кочегарках. Окна цехов тускло светились. Прилепив огарки к станкам, рабочие начинали свой труд до рассвета, а кончали его за полночь.

Текстильщикам полагалось работать четырнадцать с половиной часов в день.

— Мы не то что слесаря и токаря,— жаловались ткачи,— те придут домой с работы — сразу горшок каши съедят, а мы даже есть не можем с устатку. Вовсе от еды отбились.

Однако слесарям и токарям жилось не легче. По закону они должны были работать десять с половиной часов в сутки, но мастера часто назначали им ночные работы.

— Я не жил, а только работал, работал день, работал вечер и ночь,— вспоминает токарь Семянниковского завода Бабушкин.— Иногда я по два дня не являлся на квартиру. Помню, одно время при экстренной работе пришлось проработать шестьдесят часов, делая перерывы только для приема пищи. Достаточно сказать, что, идя иногда с завода на квартиру, я дорогой засыпал и просыпался от удара о фонарный столб...

При таком тяжелом труде текстильщики жили впроголодь. Металлисты зарабатывали больше, но так изнуляли себя работой, что «не видели никакой жизни», по словам Бабушкина.

Рабочие боролись с хозяевами за сокращение рабочего дня, за отмену штрафов, за прибавку заработка. На Шлиссельбургском тракте каждый год бывали стачки и забастовки.

— Помилуйте, на что рабочему свободное время? — негодовали фабриканты.— Куда он пойдет, что будет делать, не занятый работой? Тут прямой простор разгулу.

Рабочие знали, куда они пойдут, что будут делать в свободные часы. Молодые заводские парни урывали время у сна, чтоб читать книги. Многие из них учились в вечерней школе, открывшейся на Шлиссельбургском тракте.

Об этой школе шла молва за Невской заставой. В ней были удивительные учительницы. Они не только обучали рабочих грамоте и арифметике, они расспрашивали учеников про их жизнь. Они умели дать толковый совет и подбодрить человека, попавшего в беду. Они любили свою школу.

После уроков ученики окружали учительницу. Каждому хотелось перекинуться с ней словечком.

«Мрачный сторож лесных складов с просиявшим лицом докладывал учительнице, что у него родился сын... Чахоточный текстильщик желал ей за то, что выучила грамоте, удалого жениха... Приходил одноногий солдат и рассказывал, что «Михайла, который у вас прошлый год грамоте учился,

надорвался в работе, помер, а помирая, вас вспоминал, велел поклониться и жить долго приказал...» — вспоминает Надежда Константиновна Крупская.

Надежда Константиновна была учительницей в этой школе.

Работая днем на заводе в грязи и копоти, переругиваясь с мастерами, на каждом шагу натываясь на подлости, ученик помнил, что вечером ему предстоит нечто хорошее: он пойдет в школу и забудет заводские дразги. Он старался изо всех сил отделаться от вечерней работы.

— Школа не кабак. В кабак можно и грязному пойти, а школа — другое дело, туда грязным не пойдешь, нужно умыться, переодеться, — говорили металлисты, моясь под краном и отскабливая мылом черноту с рук.

— Придя в школу и сядя за парту, мы с каким-то особенным чувством ждали учительницу, прибытие которой вызывало трудно передаваемую радость, — вспоминает Бабушкин. — Все ученики, посещавшие школу, не могли надивиться и нахвалиться всем виденным и слышанным там, и потому-то эта школа так высоко и смело несла свои знания. Мало того. Часто один ученик тащил своего товарища хоть раз посмотреть и послушать занятия в школе и учительницу, я сам ходил в другие группы с той же целью.

Учительницы успевали на уроках мимоходом рассказать ученикам о Великой французской революции, о бунте декабристов, об английских рабочих союзах. Эти рассказы ученики слушали с жадностью.

Развитые рабочие догадывались, что учительницы принадлежат к какому-то революционному кружку. Им хотелось намекнуть о своей догадке на уроках, дать учительнице знак: и мы, дескать, с вами.

Случалось, что ученик, вызванный к доске, писал под видом примера на грамматическое правило какую-нибудь «особенную» фразу: «У нас на заводе скоро будет стачка», или: «Мы знаем, куда идет прибыль от рабочего труда», — и испытующе смотрел на учительницу.

Учительница не показывала вида, что она удивлена, но после урока, отозвав ученика в сторону, советовала ему быть поосторожнее. В школу то и дело наведывался пристав. Полиция и так уже следила за учительницами. В классе могли быть доносчики.

По молчаливому уговору между учениками и учительницами на уроках не говорили про революцию. Но иногда, после занятий, некоторые ученики оставались в классе. Перед каждым на парте лежала тетрадка с переписанной ролью из «Недоросля», «Женитьбы» или какой-нибудь другой комедии.

Если бы пристав просунул голову в дверь и, подозрительно оглядев класс, спросил: «А что вы тут делаете, голубчики, в неурочный час?» — учительница ответила бы: «Да вот пьесу разыграть собираемся на масляной неделе». — «Ага», — сказал бы пристав и ушел бы прочь. Но ученики не разучивали ролей. Они слушали рассказы учительницы о революционерах, погибших в тюрьмах и на сибирской каторге. Они рассматривали фотографии голодающих крестьян средней России. Они учились ненавидеть самодержавие.

В такие вечера у дверей школы дежурили махальные. Заметив приближавшегося пристава или городского, они предупреждали об опасности. Тогда учительница принималась разбирать с учениками комедию.

Ученики особенно любили одного руководителя, которого прозвали Лысым. У него был большой выпуклый лоб и рыжеватая бородка. Придя на занятия, скинув старенькое пальто, он вынимал из кармана мелко исписанные листочки и говорил просто и понятно о том, как рабочие должны бороться за свои права.

Борьба будет долгая. За спиной хозяев стоит царь. Он помогает капиталистам выжимать прибыль из рабочего труда. Он посылает казаков избивать рабочих. Он сажает в тюрьмы лучших борцов за рабочее дело.

Рабочие должны свергнуть царя и уничтожить капиталистов. Рабочий класс установит новый строй, при котором никто не сможет наживаться на чужом труде.

Каждый слушавший этого лектора знал, что так оно и будет. Каждому становилось ясно, что нужно делать сегодня, а что завтра, чтобы подвинуться к далекой цели. Ученики приносили лектору записи о заработках, штрафах и правилах работы на заводах за Невской заставой.

— Мы восхищались умом нашего лектора, — говорит Бабушкин. — Мой ящик для инструмента был постоянно набит разного рода записками, которые я затем передавал лектору.

Товарищи звали этого лектора Стариком — за большой ум и непоколебимую волю. А по паспорту он значился Владимир Ильич Ульянов. Бабушкин и другие рабочие-революционеры были его учениками.

Осенью 1895 года полиция узнала, что на заводах за Невской заставой кто-то разбрасывает революционные листовки. Рабочие находят эти листки в котлах, на паровозных рамах, в карманах своих пальто, а то и на стенке в уборной. Они читают эти листки и дивятся тому, как верно и правдиво рассказано в листках про их жизнь. Они приступают к хозяевам со своими требованиями. Уже бастуют торнтоновские ткачи, уже папиросницы на фабрике Лаферм выбросили из

окон ящики с гильзами, скоро начнутся беспорядки и на других заводах.

Полиция дозналась, что листки составляют руководители рабочих кружков, а разбрасывают их по заводам кружковцы. Полиция арестовала Владимира Ильича и его товарищей.

Тяжело было кружковцам потерять своего лектора. Когда Надежда Константиновна в первый раз после ареста Владимира Ильича пришла в школу, Бабушкин отозвал ее в угол под лестницу и показал ей листок, который он сам составил.

В листке говорилось, что люди, которых полиция называет политическими преступниками и сажает в тюрьмы,— лучшие друзья и защитники рабочих.

Скоро забрали в тюрьму и Бабушкина.

Но листки на заводах появлялись все чаще, все дружнее проходили забастовки.

За Невской заставой работал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

ФАРФОРОВЦЫ

Село Фарфоровое за Невской заставой жило своей особой жизнью. Фарфоровцы, или фарфоряне, казались особым племенем среди других рабочих.

Многие из них были потомственные «государевы работники» из бывших заводских крепостных. По наследству от отца к сыну передавались секреты фарфорового мастерства, по наследству передавались также раблепный страх перед начальством и горделивое презрение к рабочим других заводов: мы, дескать, фарфоряне, хорошие люди, белая кость, а вы горлодеры, лапотники, не люди, а людишки.

Давно прошли те времена, когда на фарфоровом заводе протекали крыши, а мастеровые «насилу целую рубашку на плечах имели». Императорский завод должен был быть самым устроенным, богатым, благообразным заводом в Петербурге. Начальники завода, украшенные орденами, пеклись о том, чтобы «государевы работники» были сыты, одеты, обуты. К празднику рабочим давались награды, под старость рабочие получали пенсии. Работа на заводе была не тяжелая.

Трудно было чужому человеку поступить на императорский завод. Мастера принимали на работу только тех, у кого дядя, кум или свояк уже служили на заводе, только тех, про кого сам пристав мог сказать: «Ну, за этими, слава богу, никаких «идей» не замечено».

У фарфоровцев были своя знать и своя чернь. Живописцы считались знатью, «хорошими людьми». Они приходили на завод в сюртуках. Их работы отвозились каждый год в царский дворец. Сама государыня, приложив лорнет к равнодушным глазам, разглядывала расписанные ими вазы, блюда, пасхальные яйца. Министр двора следил за ее улыбкой и взглядом. Тот живописец, чьи работы понравились царице, получал золотые часы или медаль.

Живописцы жили в собственных домиках с занавесочками и геранью на окнах. В переднем углу такого домика сиял золоченый киот. Пузатый самовар блестел на вышитой скатерке. На комодe красовались бумажные розы в фарфоровых вазочках, густо засиженные мухами. В крепких сундуках копилось завидное приданое фарфоровских невест.

У других рабочих детей звали Мишками да Гришками, Маньками да Дуньками, у фарфоровцев сыновья звались Анатолиями, Авенирами, Валентинами, а дочери — Аглаями, Агнессами; не Матрены, а Матильды, не Пелагеи, а Полины, не Анютки, а Нюрочки.

Книг «хорошие люди» отродясь не читали и отплевывались от всякого ученья.

— Посуди сам, зачем мне знать про какую-то Индию, — говорил один фарфоровец другому. — И где эта Индия? Отцы наши ее не видели, и мы никогда не увидим. Какой же мне толк в этой Индии?

Собеседник отвечал ему в лад:

— Зашел я, знаешь, в ихнюю школу, племянник-сорванец меня зазвал. Посидел я, послушал, да и плюнул. Учительница, понимаешь, рисует на доске какие-то треугольнички и приговаривает: те уголки равные, а те — неравные. Да что я, малое дитя, что ли? Стану я уголочками забавляться! Детям, может, интересно такие сказки слушать, а семейному человеку даже совестно. А поверишь ли, сидят там на партах бородатые ученики и эти самые треугольнички в тетрадках рисуют.

— Да ну?

— Ей-богу! Как есть сысойки серые!¹... Смехота!

По воскресеньям «хорошие люди» ходили в церковь, после церкви пили кофе с пирогами, а потом отправлялись в трактир.

Лестно бывало какому-нибудь токарю-фарфоровцу, если живописцы здоровались с ним за руку и допускали его посидеть за своим столом.

---

¹ В старину столичные мещане называли деревенских рабочих «сысойками».

Токари, скульпторы, шлифовщики считались людьми похуже, победнее, но и они мечтали обзавестись собственными домиками и выйти в «хорошие люди». Их жены горько плакались мужьям: «Хорошие люди живут в домах на проспекте, а мы, как нестоящие, живем в тараканьей щели — на улице Щемилровке. У хороших людей жены ходят в церковь в новомодных салопчиках, а нам, затрапезницам, и показаться на люди стыдно».

Горновые, глиномялы, печники, возчики считались на заводе людьми «нестоящими». Они жили тесно и грязно в рабочих казармах. Они занимались колоть дрова по чужим дворам, а летом промышляли на Неве рыбной ловлей. «Хорошие люди» с ними не водились. Не всякого пускал «хороший человек» к себе на порог. Если есть у тебя деньжонки, если мастер к тебе приветлив, а городской тебя по имени-отчеству зовет, — входи, садись, гостем будешь. А «нестоящий» человек натопчется, бывало, в сених, наклоняется перед образом, прежде чем хозяин на него взглянет и буркнет:

— Зачем пожаловал? У нас с вашенскими делов, кажись, не бывало.

Да еще отчитает гостя за то, что он гол как сокол и сапоги у него каши просят.

Соседи-рабочие не любили фарфоровцев — колотили их, где ни встретят. Обуховские парни поджидали с дубинками фарфоровцев у Лесной дачи. Атласовцы били фарфоровцев в бане, пуская в ход шайки и банные веники. Дошло до того, что фарфоровский директор выстроил для своих рабочих особую баню, а то фарфоровцы, натерпевшись страху, вовсе перестали мыться.

Грудь с грудью сходились фарфоровцы со своими врагами в кулачных боях — осенью на поле, когда снимут картошку, зимой, в большие праздники, — на невском льду. Драку затевали ребяташки, перебрасываясь снежками, подставляя ножи друг другу. Потом взрослые парни, раззадорившись, принимались тузить противников. Глядь, бородачи скидывают тулупы, оправляют рукавицы и, оттолкнув ревущих баб, вступают в бой. Гудит невский лед, на снегу краснеют пятна крови из разбитых носов. Утром бойцы выходят на работу кто с выбитым зубом, кто с расквашенной губой.

Дорого приходилось фарфоровцам расплачиваться за сытое житье, за царские медали. Начальство измывалось над ними всюю. Известно было, что фарфоровец никуда не уйдет с теплого местечка, любой штраф, любое унижение снесет, а не расстанется с мечтой о собственном домике.

После отмены крепостного права на императорском заводе под лестницей еще лет 15—20 стояла скамья, на которой по-

роли рабочих. За рабочими наблюдал строгий полицеймейстер. Идет, бывало, мальчик мимо завода в крепкий мороз. Видит — у окна торчит полицеймейстер. Мальчик живо разматывает башлык, сдергивает шапчонку и низко кланяется его благородию. Не поклонится — отец будет в ответе.

В те годы, когда Владимир Ильич Ульянов пробирался за Невскую заставу проходными дворами, чтобы не привести с собою шпика на квартиру, где его ждали кружковцы, на фарфоровом заводе правил директор Гурьев.

— Это был свирепый самодур. И не понять, знаешь, было — то ли он сумасшедший, то ли просто балбес, — вспоминают старые фарфоровцы.

Гурьев прогнал всех художников с завода. Он говорил: «Зачем нам художники? Мы все равно своего ничего не выдумаем. Мы должны подражать другим».

По его приказу копировщики без усталы копировали английские и немецкие рисунки и, завидев директора, совали резинки за щеку. У директора была особая причуда: он ненавидел резинки и не позволял стирать ими рисунок.

Когда Гурьев входил в мастерскую, все вставали и низко кланялись. Поклониться нужно было умеючи. Один отводчик поклонился директору, а потом невольно расправил плечи и взялся рукой за пояс.

— Ты что подбоченился? Руки по швам! — крикнул директор и приказал полгода платить отводчику половинное жалованье.

По праздникам рабочие, надев свои медали, являлись на завод. Унтер выстраивал их в пары, как институток, и вел в церковь. В церкви уже ждали их семьи. Директор, стоя у клироса, зорко следил за тем, чтобы фарфоровцы молились истово, с благоговением.

Отцы щелкали сыновей по головам, матери дергали девочек за косички.

— Да молись же ты с благоговением, балда, — на отца директор смотрит!

Угодливый поп доносил директору, кто из рабочих не был на исповеди, кто проспал заутреню. Придешь за получкой — смотришь, у тебя с заработка десятка скинута.

— Да за что же?

— За недостаток благочестия.

Как-то раз рабочие дожидались получки, стоя в коридоре. Шальной воробей влетел в форточку, забился между оконных рам, запутался в пакле. Один парень вытащил воробья, другой высвободил его из пакли. Проходивший мимо директор оштрафовал каждого из них на двадцать пять рублей — за баловство с воробьем. в ожидании получки.

После работы директор сидел на веранде своего домика, пил кофе и рыскал глазами по проспекту: кого бы еще оштрафовать? Фарфоровцы, проходя мимо, чинно кланялись ему.

Одному живописцу часто доставалось от директора за невзрачный костюм. Наконец он купил себе новое платье и шляпу и вышел на проспект показаться Гурьеву. От страха или от усердия он уронил новую шляпу в грязь. Директор оштрафовал его за неумение кланяться.

Однажды старик рабочий, проходя мимо директорской веранды, упал и остался лежать без движения под забором. Директор записал ему штраф — десять рублей — за неуважение к директорскому забору. Оказалось, рабочий умер. С ним случился удар. Штраф все же взыскали с его вдовы, когда она пришла за получкой.

Фарфоровцы, возвращаясь из трактира и выписывая ногами вензеля по мостовой, боялись проходить мимо директорского дома. Говорили — если даже директор не сидит на веранде, он все равно пьяницу видит. У него в комнатах зеркала так подстроены, что перед ним весь проспект как на ладони. Его превосходительство выслеживает пьяниц, как охотник дичь.

В те годы в селе Фарфоровом славился трактир «Бережки». Он помещался в старинном доме, на крыльце которого лежали каменные сфинксы с отбитыми носами и строго глядели на прохожих. Это был загородный дворец Бирона. Он уже стоял здесь при Виноградове. Рассказывали — из дома под набережную ведет потайной ход, железная дверь открывается прямо в Неву. Сюда будто бы сплавлял вельможа тела замученных им слуг.

Теперь дворец разрушался. Уродливые дощатые пристройки облепили некогда величавый фасад. На веревках, протянутых от окна к окну, сушилось убогое тряпье. Трактир «Бережки» всегда был полон.

У фарфоровцев были своя конспирация и свои тайные собрания по части выпивки. На эту «конспирацию» начальство глядело сквозь пальцы, только штрафовало пьяниц. Зато каждого рабочего, заподозренного в знакомстве с «крамольниками», немедленно выгоняли с завода. Особые унтера — отставные гвардейцы — доносили директору обо всем, что говорили рабочие.

Все же, несмотря на доносы, несмотря на скуку и одурь мещанского житья, которое оживляли только пьянки да сплетни, на заводе стали появляться люди, сильно беспокоившие начальство. Это было в те годы, когда за Невской заставой начали работать революционные кружки.

Все фарфоровцы ходили на цыпочках, но один конторщик

держался независимо. У всех покорно сгибались шеи в привычных поклонах, а у того конторщика подбородок всегда торчал кверху. Начальство присматривало за ним.

Однажды вечером директор вошел в контору. Конторщик сидел один и печатал что-то на пишущей машинке. Директор подкрался к нему, заглянул через плечо, ахнул и, сорвав бумагу с валика, убежал в кабинет.

В ту же ночь конторщика арестовали. Фарфоровцы говорили шепотом, что он печатал революционный листок.

Потом полиция донесла директору, что некоторые фарфоровцы повадились ходить в школу на Шлиссельбургском тракте.

А в этой школе неблагополучно. Одна учительница читала там лекцию и произнесла дерзкие, оскорбительные для памяти в бозе почившего монарха слова. Она сказала: «Александр II считал крестьянство дойной коровой». Благо, господин пристав был в зале. Он свистнул в свисток и приказал учительнице замолчать. В другой раз ученики устроили в одном классе митинг. Благо, полицейские дознались, заперли все двери и переписали собравшихся.

Услышав такие страшные вести, фарфоровский директор схватился за голову: а вдруг фарфоровцы попали в запись? Позор! Позор императорским рабочим!

Он объявил фарфоровцам: кто желает учиться, тому не место на императорском заводе.

Фарфоровцы оробели и отказались от ученья. Но школа уже успела «навредить» заводу. Молодой живописец Назаров, из заводских учеников, гордость и надежда начальства, стал вести себя очень странно. Говорили, он ходит в школу и знается с подозрительными людьми. Говорили, он получает от этих людей запрещенные листки. Унтер на заводе видел, как Назаров передал какой-то листок одному рабочему.

— Что, что он тебе дал? — спросил унтер.

— Что дал — никто не видал. Ступай, унтер, с богом! — ответил рабочий.

Заглянули к нему в рабочий ящик — ничего не нашли. А Назаров ходил, посмеивался. За ним следили, но уличить его ни в чем не удавалось.

Фарфоровцы были так забиты и запуганы, что Назаров казался им отчаянным смельчаком, сорвиголовой. На заводе никто не смел громко вздохнуть. В заводской школе учились дети фарфоровцев — такие же тихие и смиренные, как их отцы. Они не умели шалить, они смеялись редко, да и то украдкой.

Шумел и гремел на заводе один директор Гурьев. Он стоял над рабочими так высоко, что казался им не человеком, а богом, несмотря на свои чудачества.

А работа на заводе шла плохо. Живописцы неумело срисовывали старомодные заграничные картинки на большие вазы и старались скрасить недостатки живописи густой, грубой позолотой. Картинки выходили у них безжизненные, слащавые, как бумажные розочки на комодах «хороших людей».

На всемирной выставке в Париже в 1900 году изделия императорского завода оказались хуже фарфора других стран.

— В русских рисунках мало вкуса и не заметно мастерства. На императорском заводе царит рутинная, — говорили западные критики.

Услышав такие отзывы, министр двора забеспокоился.

— Пожалуй, директор Гурьев мало смыслит в искусстве фарфора!

Гурьева отставили. Директором назначили барона фон Вольфа, длинного, сухопарого генерала. Он смыслил в искусстве не больше Гурьева, но зато знал, что в Европе сейчас в моде «новый стиль». На Парижской выставке прогремел тогда датский фарфор, расписанный подглазурной живописью. Плоские, удлинённые цветы, туманные пейзажи, длинноволосые русалки — вот что было в моде.

Барон Вольф начал насаждать на заводе «новый стиль». Он принял на работу художников. Он ввел подглазурную живопись. Подглазурная живопись наносится на еще не обожженную посуду, наносится она не кисточкой, а особой спринцовкой, которая направляет струю жидкой краски на фарфор.

Живописцы не сразу привыкли к новой технике. Первое время на их вазах часто появлялись после обжига пятнышки, точки, проплешины. Заметив на фарфоре пятнышко, директор браковал вещь. Живописец не получал денег за такую работу. Мало того, из окна мастерской он видел, как директор, выйдя на двор и вооружившись молотком, своей рукой раскалывает злополучную вазу или блюдо на мелкие куски. Императорский завод должен был выпускать только безукоризненные изделия.

Барон Вольф не кричал, не ругался, не подкарауливал рабочих на проспекте. Он сидел в своем кабинете, сухой, величественный и неумолимый, и отдавал мастерам приказы. Он избегал говорить с рабочими. Это было ниже его достоинства.

Старые фарфоровцы чесали в затылках и косились на «новых» людей, которых директор брал на завод.

— От нового никогда добра не бывало! — вздыхали они. Но скоро им пришлось узнать такие новости, какие им и во сне не снились.

ЗАБАСТОВКИ ПО ПРИКАЗУ НАЧАЛЬСТВА

В трактире «Бережки» заводной орган нажаривал вальс «На сопках Маньчжурии». Новобранцы с серыми, унылыми лицами мрачно пили горькую. За порогом, возле безносых сфинксов, плакали матери. Известно было, что на тех самых сопках грудами лежат тела убитых солдат.

В Японскую войну фарфоровцы впервые узнали из газет странные, непривычные названия — Лао-ян, Сан-депу, Мукден, Порт-Артур. Каждое из этих слов несло с собой весть о страшных поражениях русских войск, о гибели тысяч солдат.

На фарфоровом заводе служили молебны «о даровании побед русскому оружию». Но побед не было.

Фарфоровцы провожали сыновей на фронт и думали:

«Тут, пожалуй, не молебны служить нужно. Дознаться бы, какие стервецы людей в море посылают на дырявой посуде, кто шлет на фронт кирпичи в ящиках вместо снарядов».

Рабочие других заводов уже говорили вслух в вагонах паровичка, на гулких лестницах рабочих казарм и даже в цехах о том, что дальше так жить нельзя. На Дальнем Востоке генералы предают солдат японцам, в Петербурге жизнь дорожает, работы нет. Нужно спасти себя и своих детей.

Седьмого января 1905 года на императорском заводе случилась большая неприятность для начальства.

Толпа обуховцев привалила к заводу и стала под окнами. Обуховцы шли «к царю за правдой» и звали фарфоровцев с собой, а не то грозили их поколотить. Для примера обуховцы вздули заводского унтера, украшенного медалями. Управляющий конторой Гарницкий, бравый улан и силач, выскочил к обуховцам, размахивая револьвером:

— Разойдись!

Обуховцы живо отобрали у Гарницкого револьвер, дали улану тумака и, пригрозив: «Мы еще судить тебя будем за такое дело», — прогнали его прочь. А тут живописец Костя Ляпьер выбежал в проходную, отпер дверь завода изнутри и впустил обуховцев.

Обуховцы пошли по цехам, снимая фарфоровцев с работы. Директор заперся в своем кабинете. Мастера метались по заводу, как очумелые. Цеха быстро пустели. Впервые в жизни фарфоровцы бросили работу до гудка.

Они пошли с толпой обуховцев по проспекту, но толпа прошла недалеко. На углу Московской улицы обуховцы узнали, что поход рабочих к царю отложен на воскресенье девятого января. Толпа разошлась.

Девятого января рабочие пошли к царю из-за Нарвской заставы, с Васильевского острова, с Петроградской стороны.

Двинулась и Невская застава. Некоторые фарфоровцы присоединились к шествию по своей воле. На проспекте толпу встретили казаки и принялись разгонять рабочих. Кто убежал домой, а кто пробрался на невский лед и по льду дошел до города.

Под стенами Зимнего дворца рабочих встретил град пуль. Костя Ляпьер был ранен, он не вернулся больше на фарфоровый завод. Ведь его все равно уволили бы.

Полицейские тайно свезли тела убитых 9 января на Преображенское кладбище возле Обуховского завода и схоронили их ночью, до рассвета. Рабочие окрестных заводов узнали об этом. Они ходили на кладбище к братской могиле, возвышавшейся под чахлыми березами, и вспоминали тех, кто шел к царю за правдой, а в ответ получил пулю.

Обуховцы не унимались. Прошло немного времени, и они снова явились под окна «фарфоровской богадельни».

Живописцы сидели ни живы ни мертвы, пригнувшись к своим столам. Обуховцы кричали:

— Выходите, фарфоровцы, а то мы ваши домики разорим, ваши сундуки растрясем!

Камни брякали в оконницы живописной мастерской. Живописцы просили своего директора барона Вольфа:

— Отпустите нас домой, ваше превосходительство, а то эти головорезы и впрямь наши дома разгромят.

— Не могу отпустить, братцы,— отвечал побледневший барон.— Сами видите— у них красное знамя с надписью «Долой самодержавие». А мы с вами императорский завод, братцы.

Барон мерял длинными ногами живописную мастерскую, комкал в руках батистовый платочек. Обуховцы пошумели еще под окнами и пошли дальше.

— Слава богу, пронесло! — крестились живописцы.

Напуганное начальство стало распускать фарфоровцев по домам, чуть, бывало, услышит, что обуховцы забастовали и вышли на улицу.

Подойдя к фарфоровому заводу, обуховцы видели замок на воротах и опустевшие цеха.

— Ишь ведь, фарфоровцы по приказу начальства бастуют! И жалованье им, подлецам, идет за прогульное время, как за рабочее,— сердились обуховцы.

Бастуя по приказу начальства, «хорошие люди» сидели по домам и вздыхали: «Что-то будет, господи?» А люди поживее да помоложе слонялись по улицам, прислушивались к слухам, узнавали все новости. Каждый день приносил события.

В Москве Иван Каляев убил бомбой дядю царя, великого князя Сергея. Об этом толковали все за Невской заставой.

Ведь как высоко стоял человек, а все же добрались до него, уколошили. Теперь, брат, начнутся дела... Теперь, пожалуй, и Николаю не сносить головы.

Фарфоровцам начинало казаться, что у барона Вольфа голова тоже не крепка на плечах. Барон явился однажды на завод с разбитым ухом. Кто-то из семянниковцев запустил в него куском скелотого льда, когда барон в своих санках мчался по проспекту.

В марте на фабрике Паля мастер Карл Карлович застрелил одного рабочего. В прежнее время об этом никто не узнал бы. Мастер спрятал бы концы в воду. Теперь палевцы забастовали. Они устроили убитому торжественные похороны. Они положили на его могилу красное знамя с надписью: «Долой самодержавие» и спели над ним «Марсельезу».

С той поры рабочие за Невской заставой не давали спуска мастерам: стоило мастеру замахнуться на рабочего или выругаться — рабочие сажали его в мешок и вывозили на тачке за ворота.

— Последние дни приходят! Светопреставление! — в ужасе сказал один мастер, выползая из мешка, в который его посадили семянниковцы.

И вот на императорском фарфоровом заводе случилось неслыханное дело. В ответ на грубые придирки мастера рабочий-шлифовщик погрозил ему железной полосой.

Мастер охнул и сел на пол от страха. Потом вскочил и побежал к директору. Он не вернулся больше в шлифовку. На его место взяли другого, «помягче характером», чтобы не раздражать рабочих.

В газетах тогда печатались удивительные известия: Совет рабочих депутатов управляет городом Иваново-Вознесенском, броненосец «Потемкин» поднял красный флаг, крестьяне жгут усадьбы помещиков.

Фарфоровцы говорили: «Прежде у нас одна дорога была — от Спаса до Атласа, мимо директорского дома в трактир «Бережки», и больше мы ничего не знали. А ныне за один день услышишь столько, сколько отцы за всю жизнь не слыхивали!»

В октябре забастовали все заводы, железные дороги, учреждения. Царь издал манифест 17 октября, в котором посулил свободы. Но когда рабочие увидели, что царь, по обыкновению, обманул их, они стали готовиться к вооруженному восстанию. За Невской заставой шесть тысяч рабочих были вооружены.

Уже совещались испуганные министры о том, чтобы отправить царя с женой и детьми за границу. В одном сатирическом журнальчике появилась картинка: осел, ослица с ослен-

ком и четыре молодых ослицы бегут к столбу с надписью «Граница». Это значило: царь с семейством удирает от революции.

В те дни барон Вольф чувствовал себя неуютно на фарфоровом заводе. Мастера жаловались ему на рабочих: такой-то читает газету, такой-то надерзил, такой-то посулил черта!

Барон молчал. Не такое было время, чтобы принимать крутые меры.

Пойдет барон, бывало, по заводу, рабочие глядят на него как-то странно — поверх головы. Заглянет барон к Гарницкому, а тот надрывается, кричит на рабочего-шлифовщика:

— Ты, мерзавец, видел объявление на дверях завода? Что там написано?

— Написано, ваше высокородие, что если рабочие соберутся вместе больше пяти человек, полиция будет в них стрелять.

— А ты, сукин сын, что сказал?

— Сказал: дурацкое объявление, ваше высокородие. Ведь мы в завод толпой идем, нас всегда больше пяти.

— Что же ты думаешь, государь император дураков над вами поставил объявления писать?

— Государь император может не знать, что они дураки, а нам это хорошо известно, и кто из фарфоровцев лягавит — тоже известно, ваше высокородие.

— Ах, ты!.. — схватится Гарницкий за револьвер — и отдернет руку. Не такое сейчас время...

Идет барон в заводскую школу. Здесь тихо. Смирные мальчики сидят за столами и прилежно пишут.

«Ну, — думает барон, — хоть здесь отдохну».

— А интересно знать, детки, что вы пишете?

Он тянет к себе одну тетрадку и читает. На лбу у него вспухают жилы, и пальцы дрожат.

В тетрадке аккуратно написано: «Вставай, подымайся, рабочий народ, вставай на борьбу, люд голодный! И раздайся, крик мести народной! Вперед! Вперед, рабочий народ!»

Надпись окружена красивыми завитушками. На столе лежит измятый, побывавший на земле листок с напечатанной «Марсельезой».

«Верно, на улице подобрали, поганцы!» — догадывается барон, брезгливо, двумя пальцами берет листок и уносит его в свой кабинет.

Мальчики сидят бледные. Расплачиваться за них придется отцам.

Расплачиваться покамест не пришлось — не такое было время. Гарницкий отчески побранил детей за шалость, попросил их не подбирать на улице листки.

Расплата пришла позже, когда царское правительство, собрав все свои силы, раздавило первую русскую революцию.

Войска заняли Невскую заставу. На императорском заводе дежурили патрули солдат. Мастера приободрились, «хорошие люди» подняли головы. Пришло времечко расквитаться с бунтарями.

В вагоне паровичка заводский чиновник орал на ученика:

— Ты как смеешь, негодяй, сидеть, когда начальство стоит на площадке? Ты как смел не встать?

— Я не видел вас, ваше превосходительство,— бормотал ученик.

— А ты смотри! Я тебя выучу смотреть!

Тот же чиновник разносил рабочего, встреченного на проспекте:

— Пойди-ка сюда! Ах ты, такой-эдакий, зачем волосы отрастил? Хочешь на студента походить? На волосатого крамольника, да? Ступай остригись, и чтобы я таких косм больше не видел!

Директор вызывал к себе мастеров и приказывал им уволить рабочих: одного за то, что он посмеялся над медалями унтера, другого за чтение газет, третьего за дерзкий взгляд...

Директор поместил в живописную мастерскую своего шпиона. Этот шпион не только подслушивал разговоры живописцев,— пользуясь безнаказанностью, он воровал живописное золото из мастерской.

Никто не смел сказать ему ни словечка.

Казалось, вернулись гурьевские времена. Но все же фарфоровый завод был теперь не тот, что прежде. Все помнили «дни свобод». Рисуя на сервизах великолепного двуглавого орла, живописцы вспоминали другого орла, виденного на страницах сатирических журналов. Тот орел был ощипанный, бесхвостый, он хлопал костлявыми крыльями над черепом в царской короне. Так изображалось в журналах самодержавие.

Художник-поляк расписал тогда большую вазу. Увидев эту вазу, директор густо покраснел и резко сказал мастеру:

— Какие глупости рисует Войткевич!

Он уволил Войткевича с завода. А на вазе были нарисованы козел, коза с козленком и четыре молодых козочки. Морда козла чуть-чуть напоминала лицо державного хозяина завода.

Не стесняясь присутствием шпиона в мастерской, живописец Назаров читал вслух газеты и рассказывал товарищам все политические новости. Назарова тоже собирались уволить, но вдруг он удивил всех — сам взял расчет и уехал учительствовать в глухую деревню.

«Хорошие люди», как встарь, ходили в церковь со своими расфранченными женами и дочками, как встарь, сплетничали, давали деньги в рост и пьянствовали в «Бережках». Но другие фарфоровцы теперь читали газеты и дружили с рабочими соседних заводов. Кулачные бои и драки вывелись сами собой.

Первого мая 1906 года обуховцы устроили маевку в Зеленой роще за фарфоровым заводом. Несколько человек фарфоровцев решили пробраться в рощу — послушать речи о празднике труда. Возле рощи их задержал сторожевой патруль обуховцев.

— Скажите пароль, а то мы вас не пропустим.

Фарфоровцы не знали пароля. Стыдно им было и не хотелось возвращаться домой. Они бродили по опушке рощи, пока не встретили знакомого обуховца и не упростили его сказать им пароль. Пароль был «бабушкин лапоть».

С «бабушкиным лаптем» фарфоровцы прошли на маевку.

Начался митинг. Ораторы, взобравшись на пень, говорили речи. Вдруг прибежали патрульные с криком: «Казаки! Казаки!» Вдоль железнодорожной насыпи, пригнувшись к седлам, мчались казаки. Рабочие бросились врассыпную. Фарфоровцы, увидев, что несколько обуховцев бегут к пустому товарному вагону, кинулись за ними, влезли в вагон, задвинули за собой дверь и просидели там, пока казаки рыскали по роще.

После этой маевки они вернулись на завод другими людьми. И мальчики, переписывавшие «Марсельезу» в заводской школе, росли не такими людьми, какими были их отцы и деды.

РИЖСКИЕ ТОКАРИ

Наступило лето четырнадцатого года, началась война с Германией.

Серые санитарные поезда привозили в Петроград безногих, безруких, ослепленных газами солдат. На домах болтались белые флаги с красным крестом. В каждой лавчонке продавались портреты царицы в косынке сестры милосердия.

На фарфоровом заводе отвели помещение под лазарет.

Раненые, подпираясь костылями, выползали на заводский двор, грелись на солнышке. В обеденный перерыв вокруг них толпились фарфоровцы. Раненые рассказывали про страшную жизнь в окопах: на фронте нет ни снарядов, ни сапог, ни хлеба для войск, генералы гонят солдат на убой, под ураганный огонь немецких пушек.

Один солдатик повесился в лазарете, чтобы не идти обратно на фронт.

Многих фарфоровцев взяли на войну. Другие ждали своей очереди. Фронт казался им страшной могилы.

Немцы наступали на Ригу. Русские вывезли из Риги все ценное, готовясь сдать город. Рижские рабочие были отправлены в Петроград. Рижские токари по фарфору попали на императорский завод. Они были непохожи на токарей-фарфоровцев.

Рижане глядели на мастеров без всякого подобострастия и даже спорили с ними, отстаивая свои права. «Права рабочих» — таких слов не слыхали на заводе с девятьсот пятого года!

Рижане держались кучкой, толковали вполголоса о каких-то своих делах, — нет того, чтобы сходить в церковь или в «Бережки» покалякать с фарфоровцами о заставских сплетнях.

Начальство сразу невзлюбило рижан.

— Никогда барон Вольф не допустил бы таких токарей на императорский завод. Наш новый директор слишком либерален, — с горечью говорили мастера.

Вместо Вольфа на заводе был новый директор — русский дворянин и камер-юнкер Струков, любитель искусств, покровитель художеств. В нем не было никакой строгости и никакого величия. Поселившись на заводе, он устроил себе кокетливую спальню в директорском кабинете. В этой спальне на окнах висели клетки с птицами, чирикали щеглы и чижики, ученая канарейка звонила в маленький колокольчик. По утрам директор, седенький, опрысканный духами, одетый в чесучовый костюмчик, пробегал по мастерским и рассказывал встречным о том, как он любит птичек, цветочки и прекрасное искусство.

Занятый птичками и цветочками, директор не заметил, что на завод вернулись неблагонадежные живописцы — Войткевич и Назаров, не заметил и того, что рижские токари неспроста держатся кучкой.

В Риге эти токари уже участвовали в стачках и сживали в тюрьмах. Некоторые из них уже работали в большевистских ячейках. Они приступили к подпольной работе на императорском заводе. Для этого были нужны осторожность, выдержка и твердая воля.

«Хорошие люди» терпеть не могли рижан. Один живописец, когда случилось ему войти в токарную, обернет, бывало, руку полой халата, а потом уже возьмется за дверную ручку. Вот до чего были противны ему эти рижские токари!

А рижане и в ус не дули. Поглядят на сердитого живописца, усмехнутся, только в глазах у них блеснет какой-то огонек и погаснет — до поры, до времени.

Рижане дружили с фарфоровской беднотой. Одного фарфоровца позовут в чайную, потолкуют с ним по душе, другому дадут почитать книжку, третьему, если он человек надежный, покажут большевистскую листовку.

Видели фарфоровцы — рижане говорят дело. Верно — никаких прав нет у рабочего на императорском заводе. Верно — делятся фарфоровцы на черную и белую кость. Верно — укрывает директор на заводе шкурников и кулачков, а настоящих рабочих посылает на фронт.

Мало-помалу стали фарфоровцы уважать рижан и слушаться их советов.

В шестнадцатом году царь собрался навестить завод. Начальники на заводе забегали, засуетились, готовя встречу царю. В былое время завод встречал своего хозяина торжественно. Красный ковер устилал лестницу, в мастерских пахло духами, хор верноподданных фарфоровцев горланил «Боже, царя храни». Самые усердные холуи гнались за царской коляской и целовали пыльные спицы ее колес.

Рижане это знали. Они готовились к встрече царя по-своему. Они напечатали листок, в котором говорилось, что царь — главный эксплуататор рабочих, а заводские начальники — его верные псы: «Вы поглядите, как они заюлят перед своим хозяином!» Листок призывал фарфоровцев сохранить свое достоинство, не унижаться перед одним из виновников кровавой войны.

Этот листок рабочие читали в ночную смену возле горнов и у печей, в которых варилось стекло.

Начальники ничего не знали про листок, но душа у них была беспокойна. Они решили удалить рижан с завода на тот день, когда приедет царь. Одного токаря послали с поручением в город, у другого разобрали станок, будто понадобилось его спешно чинить, третьему мастер в глаза сказал: «Ты, брат, завтра на завод не показывайся. Чтобы духу твоего не было! Понял?» Но и тут начальство не успокоилось: а ну как рабочие заговорят с царем-батюшкой о войне и спроят его, почему это немцы нас бьют?

Директор строго-настрого приказал рабочим не разговаривать с царем. Когда его величество войдет в мастерскую — встать; когда его величество направится к выходу — грянуть «Боже, царя храни». Если его величество спросит что-нибудь — ни в каком случае не отвечать, — говорить за рабочих будет сам директор.

Молодежь втихомолку пересмеивалась,

— Вот спросит меня царь что-нибудь, а я замычу — м-мм, как немой... Ведь не приказано отвечать...

В отделе оптического стекла шептались:

— Хорошо бы горшок со стеклом пробить. Придет царь, ан стекло все вытекло, смотреть нечего.

Певчих подразнивали:

— Как насчет «Боже, царя»?

— Молчи уж... Ладно споем. Как грянем — на том берегу услышат.

Царь приехал. Он был маленький, неказистый, равнодушный ко всему на свете. За ним толпой шли свитские генералы в золоченых мундирах. Директор вел их по заводу, бледнея и краснея от волнения.

Живописцы встали, едва царь ступил на порог, и стояли навытяжку. Но живописец Кудрявцев сперва встал, а потом снова уселся на табурет.

— Встань, встань сейчас же!..— кинулись к нему свитские.

— Ах, виноват, забыл...

Директор закусил губы с досады.

В скульптурной мастерской ему ударило в глаза какое-то красное пятно. Молоденькая скульпторша в красном сатиновом халате стояла среди белых фигурок и так неприветливо взглянула на вошедших, будто сказала: ходят тут без толку, только работать мешают!

Царь испуганно стрельнул глазами в сторону фигурки в красном и пробежал в следующую дверь.

У директора перекосилось лицо.

Дальше пошло еще хуже. В оптическом отделе стекло в горшках переварилось — смотреть было нечего. Бинобль из заводского стекла, поднесенный царю, оказался со свиллями. Ни в одной мастерской не запели «Боже, царя храни»...

«Хоть бы проводить царя отечественным гимном!» — в отчаянии думал директор. Он послал регента созвать певчих на подъезд, когда царь направился к выходу.

Царь уселся в свою коляску и уехал, а на подъезде не было еще ни одного певчего, — они не вышли из мастерских.

— И чего царь ездит по заводам? — сказал старый рабочий. — Глядит он на все вполглаза, слушает, что ему говорят, вполуха, ничего ему не интересно, — ну и сидел бы дома.

Царский приезд скоро был позабыт на заводе. Жить становилось все труднее, дорожали припасы, в городе не стало дров. Даже императорским рабочим-фарфоровцам не хватало заработка на житье.

В те годы фарфоровцы, кончив работу, валили в проходную и толпой дожидались там, пока унтер откроет двери.

Рижане пользовались этими минутами ожидания. Стоя в темной проходной плечом к плечу с другими рабочими, они толковали вполголоса про войну, про дороговизну, про плутни начальников. Если бы унтер сквозь гул голосов расслышал какое-нибудь смелое словечко, он все равно не разглядел бы в толпе говорившего. С каждым днем у рижан становилось все больше собеседников, и разговоры в проходной становились все громче.

Однажды фарфоровцы особенно расшумелись: в день получки они не получили жалованья. На заводе не было денег. Все были недовольны, даже «хорошие люди» разворчались.

Рижане пригласили «хороших людей» в «Бережки» пить чай с вареньем. За чаем рижане завели осторожные речи: вы, дескать, хорошие люди, старинные работники, вас и начальство уважает. Что вы скажете насчет тяжелого положения рабочих?

Дули на блюдечко «хорошие люди», покряхтывали, поругивали начальников: какое ныне житье фарфоровцам? Видишь ты, даже получку нам не заплатили. Разве так жилось прежде? Насчет того, чтобы предпринять что-либо,— отчего же не предпринять?

«Хорошие люди» согласились прийти на фарфоровское кладбище потолковать обо всем с другими рабочими.

Вечером рижане созвали рабочих на кладбище. В случае опасности оттуда было легко ускользнуть в поля. Там, среди могильных памятников и замшелых крестов, рижане прямо сказали фарфоровцам:

— Пора рабочим предъявить свои требования начальству. Не послушается начальство — покажем ему свою силу: объявим стачку, остановим завод.

Кое-кто из фарфоровцев заспорил:

— Бросьте вы это дело, ребята! Какая там стачка! Лучшего не добьемся, а сами пропадем.

Кое-кто ушел с кладбища, но другие фарфоровцы согласились с рижанами. Они решили составить петицию и выбрали депутатов, которые должны были вручить петицию директору. «Хорошие люди» и не заметили, как попали в депутаты.

В ту же ночь рижане составили петицию. От имени рабочих они требовали у начальства прибавки заработка, квартир и топлива для неимущих, бесплатного лечения для больных и устройства кассы взаимопомощи. Слесарь с соседнего завода переписал эту петицию своей рукой, чтобы фарфоровское начальство не дозналось по почерку, кто ее составлял.

На другое утро депутаты пошли к директору. Им пришлось пройти через музей. В музее блестели паркетные, свер-

кали золотом вензеля царей на сервизах, военные николаевские вазы стояли у дверей, как часовые.

Депутаты робко постучались в дверь кабинета. Потом они постучались погромче. Потом сказали: «Откройте, ваше превосходительство!» — и потрогали дверную ручку. Дверь была заперта на ключ. Директор притаился за нею и не подал голоса.

— Он нас с парадного хода не пускает — ну что ж, пойдем с черного! — сказали депутаты и пошли в кабинет другим ходом — через контору. Тут их встретил молодой инженер, взял у них петицию и пообещал, что начальство сделает «все, что будет возможно», для рабочих.

А директор так и не показался депутатам.

Тем временем фарфоровцы в цехах ждали ответа на петицию. Прошел час, прошел другой — ответа не было. Тогда токари бросили работу, шлифовщики остановили свои станки, живописцы отложили кисточки. Императорский завод стал.

Управляющий кабинетом его величества генерал Волков, прослышав о беспорядках, прикатил на завод. Он потребовал к себе депутатов. «Хорошие люди» с опаской отправились в директорский кабинет, но на этот раз с ними пошел один из рижских токарей.

Генерал хмуро взглянул на долговязого парня и процедил:

— Ну, говори, чего ты хочешь?

— Не я хочу — рабочие хотят. А чего они хотят, о том сказано в петиции, — ответил токарь.

— Ничего вы не получите, — отрезал генерал.

— Не получим, так не станем работать.

Генерал дернул плечом и отвернулся. Разговором с депутатами занялся тот инженер, который утром взял у них петицию. Потом депутатам сказали:

— Можете идти.

Едва депутаты вышли на двор, их окликнули рабочие:

— Идите скорее, вас ждем!

Рижане устроили общее собрание рабочих в шлифовке. Это было первое собрание рабочих на императорском заводе. Фарфоровцы решили, что завтра они выйдут на работу, но если начальство не исполнит их требований, они будут стоять у станков не работая, будут «итальянить»¹, как говорили тогда. После собрания все разошлись по домам. На другое утро в проходной появилось объявление. Директор обещал

---

¹ Такой способ забастовки получил название итальянского потому, что впервые он был применен в XIX веке на железных дорогах в Италии.

рабочим, что исполнит все, о чем они просят. Только бесплатного лечения он все же никак не может дать.

Рабочие принялись за работу. Они одержали победу над начальством. Но немного времени спустя директор уволил рижан с завода, потому что считал их виновными во всех беспорядках.

КОНЕЦ СТАРОГО МИРА

Двадцать седьмого февраля 1917 года на заводе работали беспокойно. Никому не сиделось на месте. Кто курил в уборной, кто выглядывал в проходную. В цехах спрашивали:

— Ну как, ничего не слышно?

— Покуда нет. Мальчишки дежурят на проспекте. Прибегут — скажут...

Директор не показывался из кабинета. Мастера не глядели в глаза рабочим. Все чего-то ждали.

Наконец под заводскими окнами раздался крик.

— Идут! Идут! — кричал мальчишка. Он бежал по проспекту, размахивая руками, то и дело оглядываясь.

А из-за старинной фарфоровской церквушки уже выполняла колонна обуховцев. Красное полотнище колебалось над толпой. Обуховцы, как встарь, шли снимать с работы «фарфоровскую богадельню».

— Пришли! — завопил мальчишка и с размаху влетел в проходную.

Дверь захлопнулась. Унтер шелкнул ключом.

— Держите щенка! — сказал сердитый чиновник и, схватив мальчика за шиворот, подтащил его к караульным солдатам.

Солдаты молча стали возле пленника. Чиновник приказал охранять дверь и пошел к директору с докладом.

Мальчик оторопел. За дверью шли обуховцы, там реяло красное знамя, там была революция. Здесь был императорский завод. В полутьме проходной мерцали медали унтера, блестели штыки солдат, холодные пальцы чиновника чуть не оборвали мальчишке ворот.

Мальчик сел на пол и заплакал.

— погоди плакать-то! — сказал караульный солдат.

Обуховцы уже стояли за дверью. Бах! — разбилось где-то окно, в ответ ему дзенькнуло другое. По лестницам кто-то затопал, наверху заскрипели двери, во дворе звенели шаги бегущих.

Толпа фарфоровцев ввалилась в проходную. В тесноте и сутолоке сама собой распахнулась дверь, толпа хлынула на улицу, унося с собой мальчика, как поток уносит щепку.

Унтер скрылся. Караульных солдат как не бывало. Люди запели «Марсельезу» и зашагали вперед.

В скульптурной мастерской в это время старик рабочий прочищал большого белого медведя, отмятого из влажной фарфоровой массы.

— Бросай, дед, работу! Обуховцы пришли! — крикнул молодой парень, вбежав в мастерскую и второпях напяливая куртку.

— Нельзя бросить. До завтра медведь высохнет, — степенно сказал старик.

— Пускай бы вовсе засох! Идем скорей, а то опоздаем!

На другой день фарфоровцы устроили собрание в закопченных кирпичных стенах стеклянного шатра. Они выбрали своего представителя в Совет рабочих депутатов. Выбрали токаря. Он простился с товарищами, словно шел в бой.

На улицах еще трещали пулеметы, щелкали ружейные выстрелы. Городовые, примостившись на чердаках, стреляли в рабочих. Рабочие отряды снимали городских и сбрасывали пулеметы на мостовую.

Фарфоровцы выбрали милиционеров для охраны завода и раздали им винтовки, брошенные караульными солдатами. На императорском заводе заработал первый завком. Над старым зданием развевался красный флаг.

Царь всея России сложил с себя корону. Власть в стране перешла к Временному правительству.

По ночам мимо завода мчались автомобили с потушенными огнями. На крыльях машин, выставив вперед винтовки, лежали люди с погонами на плечах. Это сановники и великие князья удирали со своей охраной из города. Фарфоровские милиционеры останавливали автомобили и отводили беглецов в райсовет. Все же не один автомобиль успел, отстреливаясь, проскочить мимо пикета в темноту.

— Эх, упустили чертушек!.. Они еще наварят нам такой каши, что век не расхлебаешь... — горевали пикетчики.

А очереди за хлебом становились все длиннее. Мимо завода проходили полки на фронт. Временное правительство не собиралось кончать войну.

На заводах шли митинги. Ораторы-большевики звали рабочих бороться за хлеб, мир и свободу.

Токари-большевики вернулись на завод. Вместе с другими рабочими они работали в завкоме. Они держали связь со Смольным. Они организовали на заводе Красную гвардию.

В ночь на двадцать пятое октября фарфоровцы-большевики вооружились винтовками и отправились в заводском автомобиле на Кавалергардскую улицу. Они забрали газетный шрифт из прежней редакции «Правды» и отвезли его на

Ивановскую улицу. Там помещалась большая типография одной буржуазной газеты. Фарфоровцы с оружием в руках заняли эту типографию и приготовили все к выпуску номера «Правды».

Вечером ухнули пушки «Авроры», красные части пошли на штурм Зимнего, в Смольном открылся второй съезд Советов. Правительство капиталистов пало.

В белом зале Смольного при ярком свете хрустальных люстр на трибуну вышел Владимир Ильич Ленин и сказал:

— Товарищи! Рабоче-крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства!

Исполнилось все, о чем толковали рабочие-кружковцы со своим лектором в убогой квартирке за Невской заставой двадцать с лишним лет назад.

Фарфоровский автомобиль вернулся за Невскую заставу нагруженный пачками газет, в которых были напечатаны первые ленинские декреты — о мире и о земле.

Фарфоровцы-большевики вернулись на завод. С оружием в руках они прогнали с завода самых отъявленных врагов советской власти и поставили на их место новых работников. Старые фарфоровцы озлобились. Они считали большевиков захватчиками власти. Они травили рижских токарей, мешали им работать, не подавали им руки.

Когда большевик выступал на заводском собрании, товарищи с винтовками в руках окружали трибуну, готовые ежеминутно отразить нападение.

Это было трудное и опасное время для нашей страны. Но советская власть становилась крепче с каждым днем, а враги ее ослабевали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗАВОД ИМЕНИ ЛОМОНОСОВА

СЕРП И МОЛОТ НА ФАРФОРЕ

В стране начиналась перестройка.

На фарфоровом заводе работали токари-большевики Майоров и Бессмертный, им помогал инженер Фрикен. Они перестраивали «фарфоровскую богадельню» так, чтобы она послужила Стране Советов.

Нужно было делать фарфоровую массу из русских глин, составлять краски и глазури без помощи зарубежных заводов, выпускать изоляторы для электростанций и новую, советскую посуду,

Завод перестраивался с трудом. В его старых стенах застоялся вековой чиновничий дух. «Хорошие люди» ворчали:

— Говорят, ныне рабочие всему хозяева! Все наше! А посуди сам, какие мы хозяева, если прибылей не видим? Говорят, вы на Советскую страну работаете. Нет, врешь, коли я хозяин, то я на себя работаю. Подавай мне прибыля!

— Ступай, дядя, проветри мозги... Такую чушь порешь, что слушать совестно,— сердились молодые фарфоровцы.

В мастерской загорался долгий, озлобленный спор. А враг наступал на Страну Советов со всех сторон. Фарфоровская молодежь ушла в Красную Армию. Партийцы тоже работали на фронтах. Старики на заводе опять подняли головы.

— Чего кричать было, «кто был ничем, тот станет всем»? Как были мы хорошие люди, так ими и остались, а кто был гол как сокол, он и теперь ничто.

Но едва лишь Майоров или Бессмертный приезжали с фронта на побывку, старики прикусывали язычки. На заводе устраивались собрания. Рабочие обличали кулачков и прямо говорили:

— Нет больше «белой кости»! Пора вывести этот гнилой дух с фарфорового завода.

Однажды старики вздумали, как встарь, собрать деньги на масло для лампадки и отслужить молебны перед образами Ильи-пророка, покровителя живописцев, и Николая-угодника, покровителя фарфоровских скульпторов.

— Да ну вас, мракобесы! Провалитесь вы со своими молебнами! — сказал один комсомолец и, взлезши на табурет, снял пыльные, обвешанные паутиной образа со стены.

— Почитали бы вы лучше, какой молебен красные генералу Юденичу отслужили! — сказал другой и развернул свежую газету.

Скоро пришли работать на завод молодые художники. Они делали рисунки для новой, советской посуды. Серп, молот, красная звезда заблестели на блюдах и вазах.

Появились первые революционные фигурки — красногвардеец с винтовкой, девушка-милиционер, партизан с красной звездой на папаче.

Старики издевались над этими работами:

— Экая мазня! Мы для самого императора работали, разные рисунки видывали, но такой чепухи не видали! Рисовали мы амуров, и святых, и маркиз, а эти, гляди, мужика в лаптях на блюдо посадили! И смех и грех!

Художники работали молча, стиснув зубы. Фарфоровая живопись — дело трудное. Нужно знать, как растереть золото,

когда прибавить в краску стеарин, а когда гвоздичное масло, как самим вязать тонкие кисточки.

Старики ревниво хранили эти секреты про себя.

Однажды ночью крысы разбили тарелку с изображением красноармейца. Потом крысы размазали краски на чашке, украшенной серпом и молотом. Потом крысы засыпали песком посуду, поставленную в печь.

— Что за озорные крысы на бывшем императорском заводе! — сказал приехавший из города комиссар. — Видно, не нравится им советский фарфор. А мы этих крыс за ушко да на солнышко! Пускай они расскажут, на чью пользу работают!

Крысы присмирели. По углам мастерской все так же слышались их писк и возня, но советского фарфора крысы больше не трогали.

Художники продолжали свою работу. Разноцветные надписи: «Кто не с нами — тот против нас», «Жизнь без труда — воровство», «Кто не работает, тот не ест» — покрыли борты тарелок. На блюдах и вазах появились новые рисунки: здесь — сеятель в поле, там — кузнецы у наковальни, там — строители у постройки, уходящей под облака, и надпись: «Мы свой, мы новый мир построим».

На столах стали строем маленькие фарфоровые матросы, красноармейцы, пионеры. Фарфоровая работница вышивала красное знамя, другая выступала на митинге с речью, узбечка сбрасывала чадру, буржуйка продавала старье на рынке.

Появились фарфоровые шахматы. Белые — цари, капиталисты, офицеры. Красные — рабочие, крестьяне, красноармейцы.

А время было тяжелое. Гражданская война отрезала город от всей страны. В Петрограде не было хлеба, не хватало дров и угля. Мастерские стояли нетопленые. В горнах шипели и плевались, не разгораясь, сырые дрова.

Живописцы еле держали кисточки замерзшими пальцами. Дыханье осаждалось капельками на холодном фарфоре и портило тонкую живопись. Живописцам приходилось брать в зубы полоски бумаги и прикрывать ими рот, чтобы уберечь фарфор от своего дыхания.

Работали в маленькой комнате с дымной печуркой посреди пола. С ржавых печных труб на столы валилась копоть. Живописцы сидели тесно. Им приходилось толкать друг друга локтями, расписывая большие блюда.

В эту комнату к ним пришел гость — Анатолий Васильевич Луначарский. Нагнувшись над столом, он рассматривал советский фарфор. Он любовался каждой новой чашкой, бережно брал в руки новые фигурки,

— Как хорошо, что советский фарфор яркий и радостный! Таким и должно быть искусство в нашей новой стране. На Западе все удивятся, когда мы покажем на выставках эти изделия. На Западе уже давно разучились работать так тонко и с такой любовью,— говорил он, рассматривая мелкую живопись на маленькой фарфоровой трубке.

После гудка рабочие собрались в клубе. Товарищ Луначарский сказал им:

— Фарфоровый завод будет лучшей страницей в книге моих воспоминаний!

Он рассказал фарфоровцам о путях нового, советского искусства и о прекрасных изделиях, лежащих на столах живописной мастерской.

Художники радовались. Каждый почувствовал, что он делает большое, нужное дело. Каждый пообещался в душе работать еще лучше. Голод, холод и ссоры со стариками — все забылось сразу.

С тех пор никто на заводе не издевался над художниками, не называл их «накладным расходом». Старики молча копировали новые рисунки. Скоро молодые живописцы вернулись на завод с фронтов, потому что Страна Советов победила врагов на севере и юге, на западе и востоке.

Фарфоровый завод послал свои чашки и тарелки в подарок восьмому съезду Советов. Фарфоровый завод послал свои блюда и фигурки на выставку в Ревель. На этой выставке советский фарфор получил Большую золотую медаль.

Потом фарфоровый завод послал свои изделия в старые европейские города — Стокгольм, Брюссель, Кенигсберг, Париж, Милан и Венецию. Европейцы толкались перед советскими витринами, тыкали пальцами в стекло и бормотали:

— Позвольте, как же это? Говорят, в Петрограде голод... заводы разрушены... люди одичали... Но этот фарфор! Посмотрите на белизну массы, на яркость красок, на новые смелые рисунки! Наши фарфоровые мануфактуры отстали от советского завода!

В журналах появились статьи о новом советском фарфоре.

«Русская революция нашла свое первое и лучшее отражение в искусстве фарфора!» — говорилось в одной французской статье.

«Этот прекрасный фарфор доказал нам, что в Стране Советов уделяют много внимания искусству и культуре!» — писал итальянский критик.

«Русский фарфор открывает новые пути в художественной промышленности!» — говорил шведский журналист.

Живописцы не успевали расписывать изделия, которые требовались на европейские выставки. Советские полпред-

ства в разных странах желали иметь новые фарфоровые сервизы для торжественных приемов, новые блюда и фигурки для украшения зал. Фарфоровый завод дал свои изделия советским полпредствам в Германии, Франции, Англии и Персии.

Потом повалили заказы заводу из-за границы. Не только Европа и Америка желали иметь советский фарфор в своих музеях, но даже из далекой Австралии пришел заказ заводу на шахматы и фарфоровые фигурки.

Изделия завода, пересыпанные стружками и заколоченные в ящики, развозились по всему миру. За эти изделия Страна Советов получала золото.

А завод уже выпускал не только нарядные чашки и блестящие фигурки. Завод делал изоляторы для советских электростанций. Ведь света и электричества ждали целые районы. Завод выпускал химическую посуду для всемирно известных лабораторий Ленинграда, Москвы, Харькова. Завод вырабатывал автосвечи — маленькие фарфоровые столбики, без которых не может работать ни один автомобиль, ни один трактор.

Прежде все эти изделия покупались за границей. Старая Россия платила за них золотом.

Товарищ Луначарский снова приехал на завод — не один, а с всесоюзным старостой товарищем Калининим. Они обошли все цехи, осмотрели все изделия и долго беседовали с рабочими.

Потом на завод приехал новый гость — писатель Максим Горький. Он низко поклонился рабочим, входя в живописную мастерскую.

Академик Карпинский привез заводу привет от Академии наук. В этот день завод получил новое название — он стал заводом имени Ломоносова, в честь великого ученого и поэта, в честь первого академика, вышедшего из народа.

КАК ТЕПЕРЬ ДЕЛАЮТ ФАРФОР

Когда д'Антреколль впервые пробрался в мастерские Кинте-чена, на первом же дворе он увидел большие каменные ямы, в которых размоченный каолин смешивался с пе-тун-тсе. Рабочие-китайцы стояли в этих ямах и изо всех сил топтали ногами и разминали деревянными мешалками густое белое тесто. Они жаловались д'Антреколлю, что очень устают от этой работы.

Теперь фарфоровая масса готовится иным способом. Недаром люди взяли электричество себе на службу.

Выкопанный из земли каолин прежде всего отмучивают в больших чанах. Потом готовят материалы, заменяющие собой пе-тун-тсе. Мы знаем теперь, что пе-тун-тсе — это пегматит, горный камень, природное соединение шпата и кварца. Вместо пе-тун-тсе мы подбавляем в каолин глину, шпат и кварц.

Китайцы для составления фарфоровой массы смешивали между собой равные количества каолина и пе-тун-тсе. В нашей теперешней фарфоровой массе каолин и глина занимают половину, кварц — одну четверть и шпат — одну четверть всего состава.

Шпат и кварц раскалывают на куски и прожигают в печи. Потом шпат и кварц засыпают в большой барабан, наполненный каменными шарами. Электричество заставляет барабан вертеться. В барабане каменные шары перетирают засыпанные материалы в мелкий порошок. К ним подбавляют глину и каолин.

Пропущенная через барабан вода уносит этот порошок и вытекает из барабана побелевшая, похожая на густое молоко. Это жидкая фарфоровая масса.

Жидкая фарфоровая масса течет по желобу. Поперек желоба поставлены магниты в виде гребенок. Протекая сквозь их зубья, масса оставляет на них частицы железа, которые находились в каолине или других ее частях.

Магниты как бы вылавливают из массы частицы железа. Если бы железо осталось в массе, на фарфоре после обжига выступали бы те черные точки, с которыми когда-то воевал Иоганн Бетгер.

Для того чтобы отжимать воду из массы, служит особая машина — фильтрпресс. Она состоит из трубы, на которую насажены чугунные рамы с круглыми полотняными мешками между ними. Масса течет по трубе фильтрпресса и заполняет мешки один за другим.

Чем больше массы нагоняют в мешки, чем ближе сдвигаются рамы между собой, тем сильнее становится давление, вода выжимается и вытекает сквозь ткань наружу, и в мешках остается густая масса. Тогда фильтрпресс развинчивают, снимают с него мешки и вынимают из них плоские круги густой массы.

Эту массу еще раз разминают на машине с двумя парами вертящихся валов. Теперь из массы можно точить посуду.

Д'Антреколль видел токарные станки в Китае. Это были круги на стоячей оси. Токарь сидел на маленькой скамеечке и ногами вертел круг, а руками придавал форму сосуда куску глины, положенному на середину круга.

Станки, на которых мастер Эггебрехт учил рабочих Аль-

брехтсбурга точить посуду, были устроены удобнее. На стоячей оси помещались два круга — один внизу, другой повыше. Мастер, сидя на табуретке, вертел ногами нижний круг, от этого приходил в движение и верхний. На верхний круг мастер клал массу и руками точил посуду.

Теперь токарный станок приводится в движение электричеством. Сначала лепщик лепит из простой глины или воска модель тарелки или чашки. Потом с модели снимают гипсовую форму. Тарелку или чашку заливают гипсом с внутренней стороны. Когда гипс затвердеет, его снимают, и оказывается, что на его поверхности отпечаталась внутренняя форма чашки или тарелки, только в обратном виде. То, что внутри чашки было выпукло, на гипсовой форме вышло вогнутым.

Гипсовую форму кладут на токарный станок доньшком кверху. Потом берут тонкий блин фарфоровой массы и плотно накладывают его на форму. От этого на фарфоровой массе отпечатываются все выпуклости и впадины, которые есть на гипсовой форме, только опять в обратном виде. То, что на гипсовой форме вогнуто, на фарфоровой массе выходит выпуклым. Значит, фарфоровая масса теперь точно повторяет внутреннюю поверхность первой модели, с которой была снята гипсовая форма.

Чтобы у тарелки или чашки внешняя поверхность была такая же, как у модели, по модели вырезают шаблон. Это пластинка из дерева или цинка. Ее вырезы точно повторяют внешние очертания, изгибы и выступы (профиль) модели. Эту пластинку неподвижно укрепляют на рычажке над токарным кругом.

Когда станок вертится, масса, положенная на гипсовую форму, прикасается к шаблону, и его края снимают ненужные слои массы там, где должен быть желобок, и оставляют ее там, где на тарелке или чашке должна быть выпуклость. Мастер, направляя шаблон, обрабатывает внешнюю поверхность сосуда. Когда тарелка или чашка выточена, гипсовую форму снимают со станка. Масса подсыхает, и ее осторожно снимают с формы.

Теперь у нас уже готова настоящая тарелка или чашка, только она еще очень хрупкая, потому что масса еще не обожжена. Ее обжигают первый раз при небольшом огне — в 800°. От этого огня масса становится розоватой. Теперь нашу тарелку или чашку надо покрыть глазурью. Глазурь делается из каолина, кварца, шпата и мела, размолотых в мелкий порошок и разведенных водой. В эту мутно-белую глазурную жидкость окунают сосуд. Вода быстро высыхает, а на стенках сосуда остается тонкий слой глазури. Он заблестит после обжига.

Печь, в которую заглядывал когда-то д'Антреколль, была «лежачая». Топка была устроена в одном ее конце, и огонь шел по печи в другой конец, где была труба. Бетгер и Виноградов строили «стоячие» печи. Топка была в самом низу печи, и огонь поднимался в печи прямо вверх, в трубу, устроенную над топкой.

Теперь печи строят с «обратным пламенем». Несколько топок с разных сторон одновременно бросают пламя внутри печи. Пламя подымается вверх, ударяется в кирпичный верхний свод, падает вниз и сквозь отверстия в полу печи выходит в кирпичные трубы, устроенные в стенках печи. По этим трубам оно подымается во второй этаж печи, оттуда в третий и, наконец, по большой трубе выходит наружу.

В первом этаже жар бывает самый сильный — 1300 или 1400°. Здесь обжигают глазурованную посуду. Во втором этаже, где жар слабее, обжигается еще не глазурованный фарфор и прокаливаются шпат и кварц, а в третьем — особо тонкий не глазурованный фарфор.

Посуду перед обжигом заключают в глиняные коробки — капсулы. Рабочие входят в печь и устанавливают одну капсулу на другую высокими столбиками. Между столбиками оставляют место для прохода пламени.

Когда все капсулы поставлены, дверь в печь закладывается кирпичами и замуровывается простой глиной. Только на высоте человеческого роста оставляют в ней окошечко — «глазок». В это окошечко вмазывается кусок слюды.

Потом начинают топить печь.

Обжиг фарфора дело трудное. Недаром китайцы хранили обжиг в тайне и мандарин не допускал д'Антреколля к печам.

— Что же тут трудного? — спросит иной читатель. — Нужно только нагреть печь до той температуры, при которой каолин сплавляется со шпатом и кварцем, — и дело с концом.

А как узнать, какая температура в печи? Никто не посоветует вам всунуть в печь руку с градусником. И руке и градуснику придется плохо. Ртуть закипает при 360°, а фарфор обжигается при 1400° С.

Однажды холодной ночью кошка забралась погреться в третий этаж горна, улеглась между капсулами и уснула. А горн был уже загружен посудой. Утром рабочие замуровали дверь и начали топку.

Обжиг кончился, печь остыла, горновые стали выбирать посуду из печи. Смотрят — а на полу лежит маленький обугленный череп.

Это произошло в третьем этаже горна, где температура бывает 800°. А если бы кошка забралась в первый этаж, где

жар еще больше,— так и черепа не осталось бы, он сгорел бы начисто.

Жар в горне так велик, что раскаленные кирпичи, капсулы, фарфор — все светится, сияет ярким, нестерпимым пламенем. У д'Антреколля сразу полились слезы, едва он взглянул в печь.

Китайцы проделывали в своде печи маленькие окошечки и прикрывали их черепками. Обжигальщик влезал на печь, просовывал в окошко железную палку и сдвигал крышку с верхней капсулы. Если фарфор сиял молочно-белым светом — пора было кончать топку.

Обжигальщик прикрывал лицо от жара глиняным щитком. Железная палка жгла ему ладонь. А вдруг он уронит палку на раскаленный фарфор? Вдруг у него в глазах пойдут зеленые круги и ему привидится невесть что?

Неверное это дело — измерять температуру на глаз.

Теперь мы иначе измеряем температуру в фарфоровой печи.

Внутри печи, перед слюдяным окошечком, поставлены пироскопы. Это маленькие белые конусы или пирамидки из фарфоровых масс. Каждый конус плавится при особой температуре. Они похожи на фарфоровые пальцы, торчащие кверху.

Когда печь топится, обжигальщик поглядывает в глазок. Вдруг он замечает, что один фарфоровый пальчик согнулся. Это значит, что температура в печи дошла до того градуса, при котором этот конус должен расплавиться. Если конус сделан из массы, которая плавится при 800° , — значит, температура в печи 800° .

Смотрит обжигальщик в глазок и видит — загнулся еще пальчик, который плавится при 1000° , а вот и тот пошатнулся, который при 1200° сгибается.

Так узнает обжигальщик, какая температура в печи.

Но и этот способ несовершенный.

Поставленные в середину печи конусы неясно видны в окошечко. Их застигает дым. Обжигальщик может ошибиться. Глаза утомляются и слезятся, глядя на пламя.

Лучший измеритель температуры в печи — пирометр. Две проволоочки из разных металлов спаяны концами. Когда проволоочки нагреваются, в узелке спая возникает электрический ток. Ток бежит по проводу к гальванометру и отклоняет его стрелку. Чем выше температура, тем сильнее ток, тем больше отклоняется стрелка.

Проволочки заключены в огнеупорную трубку и просунуты внутрь печи. А гальванометр может находиться где угодно, хоть в кабинете инженера на другом этаже. Его стрелка

верно и точно отметит температуру в печи. Не нужно заглядывать в окошечко горна, не нужно даже подходить к печи — достаточно посмотреть на стрелку гальванометра.

Но знать, какая температура в печи, это еще не все. Гунгер тоже по-своему следил за температурой, а у него посуда выходила то желтая, пузырчатая, то законченная, словно посыпанная углем.

И у нас выйдет такая, если мы не знаем главного секрета обжига.

А секрет этот в горении топлива.

Дрова, сгорая, превращаются в уголь. Если в топке много воздуха — уголь сгорает начисто, без дыма и копоти. Если воздуха недостает — частички угля не сгорают, они вылетают в трубу вместе с нагретым воздухом. Из трубы валит густой черный дым.

Если мы пустим много воздуха в топку фарфоровой печи, у нас будет окислительное пламя, то есть горение произойдет при излишке кислорода.

При окислительном пламени все топливо расходуется без остатка, зато от излишка воздуха может пожелтеть и вспузыриться фарфор.

Если мы закроем доступ воздуха в топку, горн наполнится дымом, несгоревшие частицы угля понесутся в трубу. Такое пламя называется восстановительным.

При этом пламени расходуется много лишнего топлива, а посуда может выйти из огня закопченная, словно посыпанная угольной пылью.

Как же быть? Нужно давать в топку ровно столько воздуха, сколько требуется для горения, не больше и не меньше — без излишка и без недостатка. Такой огонь называется нейтральным.

Обжиг ведут так: сначала дают окислительный огонь, пока температура не поднимется до 800° . Потом переходят на восстановительный огонь. Когда температура поднимется до 1200° , начинают регулировать подачу воздуха, чтобы огонь стал нейтральным.

В прежнее время обжигальщик выскочит, бывало, на двор, поглядит на дым из трубы, какой он — черный или желтоватый, струится он или поднимается клубами — и бежит обратно к топке.

— Митька, открывай заслонку! — кричит он подручному.

У печи — жара невыносимая. Обжигальщик и сапоги скинул и ворот расстегнул. Выскочит на мороз — так даже дыхание сопрет. А с мороза — опять в жару

Вредное это было дело, и работа неважная — на глазок.

Теперь за огнем в горне следит удивительный умница — аппарат «Дуплекс-Моно».

Небольшой черный ящик висит на стенке, раскройте этот ящик — в нем стеклянные трубочки, резервуары с жидкостью, — целая лаборатория. «Дуплекс-Моно» высасывает из горна раскаленный воздух, охлаждает его и анализирует его состав, как самый лучший химик. Он не только анализирует, он записывает тут же на бумагу, какое количество углекислоты содержится в эту минуту в горновом огне.

Взглянет на эту запись сотрудник, ведущий обжиг, и сразу увидит, сгорает ли топливо целиком, не надо ли подбавить воздуха в топку. Он скажет по микрофону свое распоряжение истопнику, а тому горя мало — подбросил дрова в топку, прикрыл или приотворил заслонку, и жди следующего распоряжения.

Сотрудник, ведущий обжиг, сидит в кабинете. Его окружают верные помощники — пирометр, «Дуплекс-Моно», часы, микрофон. Его дело — следить за аппаратами и внимательно слушать, что они ему говорят. Они доносят ему обо всем, что творится в печи. Ни дым, ни огонь теперь не испортят фарфор.

После обжига печь остывает два-три дня. Потом дверь размуровывается, из печи выносят капсулы, открывают их и вынимают фарфор.

Тогда посуда поступает в живописную мастерскую. Фарфоровые, или «огненные», краски, как их называл Виноградов, делаются из окислов металлов. Окислы железа дают желтые и красные краски, медь дает зеленые, кобальт — синие, марганец — фиолетовые.

Все другие краски — неметаллические — не выдерживают огня при обжиге. Они выгорают.

Фарфоровые краски мелко растирают, подбавляют к ним стекловидный, легкоплавкий порошок — флюс, разводят их на скипидаре и кисточкой наносят на фарфор. При живописном обжиге в 800° флюс расплавляется и, проникая в краску, прикрепляет ее к поверхности фарфора так, что краска блестит и уже никогда не отмоется.

Это надглазурная, или муфельная, живопись. Но можно расписывать фарфор иначе, до того как его покрыли глазурью и обожгли в горне.

На необожженную посуду краска наносится пульверизатором-распылителем, а не кисточкой. Д'Антреколль видел, как китайцы-живописцы «обдували» свои вазы краской, дуя в трубочку с чашкой на конце. В чашке и была краска, растертая в порошок. Теперь краску распыляют при помощи сжатого воздуха, проведенного по трубам в мастерскую.

Покрыв фарфоровую вещицу краской, ее глазуруют и обжигают в горне.

Подглазурные краски выдерживают еще больший огонь — 1200—1400°. Таких красок не много. Некоторые из них делаются из ценных металлов: розовая — из золота, черная — из иридия. Подглазурная живопись дороже муфельной.

СЕГОДНЯШНИЕ ЧУДЕСА

В заводском музее вам покажут вещи, которые, бывало, приводили в восторг дам-посетительниц. Дамы закатывали глазки, утирали слезы умиления кружевным платочком и нежно всхлипывали:

— О, какая красота!

Вам покажут белый фарфоровый букет. Цветы разложены узором на голубой пластине. Розы, георгины, гвоздики сделаны в натуральную величину. Просвечивают жилки на лепестках, вокруг пестиков трепещут нити тычинок.

Мастер Иванов трудился над этим букетом чуть ли не всю жизнь. Он унес в могилу тайну букета. С тех пор никому не удавалось сделать так тонко фарфоровые цветы.

Потом вы увидите большую статую из матового фарфора. Это «Офелия» работы Каменского. Вам скажут, что это самая большая статуя, которую когда-либо сделали из фарфора в России. Она ростом с человека.

Вам покажут также балерину, стоящую на одной ножке на самых кончиках пальцев, и объяснят, что эту фигурку невероятно трудно обжечь. Ножка то гнется, то трескается в обжиге.

Все это вчерашние чудеса. Все эти вещи было сделать трудно — не легче, чем исполнить заказы богдыханов.

Сколько стараний приложил мастер Иванов, чтобы собрать свои цветы лепесток к лепестку! Тычинки из фарфоровой массы, верно, крошились у него в руках.

Сколько тяжелых «Офелий» пришлось перетаскать в горн, пока добились, что хоть одна статуя вышла без трещины! Сколько балерин выбросили в лом из-за погнувшейся ножки!

Невольно спросишь: а стоило ли так надрываться?

Зачем было делать все эти вещи из фарфора?

Затем, что из фарфора их сделать труднее всего.

Люди заставили фарфор подделаться под другие материалы. А ведь каждый материал красив, если он похож сам на себя. Китайцы и старые русские мастера понимали это. Их фарфор белый, блестящий, его формы плавны и округленны. Он красив.

А эти «вчерашние чудеса» не похожи на фарфор. Фарфору придали формы, которые ему не свойственны, и он до сих пор бунтует против этого насилия.

Фарфоровый букет приходится хранить под стеклянным колпаком на особом рессорном столике. Любое сотрясение пола может повредить фарфоровые тычинки. Ножка балерины отламывается от пьедестала, если мимо завода проедет тяжелый грузовик. «Офелию» приходится мыть горячей водой с мылом, потому что неглазурованный фарфор вбирает в свои поры пыль и становится серым.

Фокус не искусство. Очень трудно, например, писать ногой. А есть такие фокусники — зажмут перо пальцами ноги и пишут. От этого они еще не делаются писателями.

Теперешние художники не занимаются фокусами. Их фигурки стоят на двух ногах и не ломаются, не трескаются в обжиге. Художники показывают людям свойства фарфора: его белизну, блеск, плавность форм. Перед ними стоят иные трудности — те же, какие преодолевает все советское искусство. Нужно сделать вещи, которые выразили бы великую борьбу за нового человека в нашей стране. Нужно сделать вещи простые, красивые и убедительные, нужно запечатлеть в фарфоре образы лучших людей нашего времени.

Вот фарфоровая скульптура: Ленин на трибуне говорит речь. Он в зимнем пальто, с шапкой в руке. Видно, приехал на рабочий митинг или на проводы красных отрядов на фронт гражданской войны. Вся его фигура стремится вперед, глаза смотрят вдаль. Он говорит о грядущей победе социализма во всем мире.

Вот большой фарфоровый бюст Сталина. Рядом с ним бюсты Кирова, Калинина, Ворошилова и Максима Горького. Их черты знают и любят все народы Советского Союза — и ненцы-охотники в далеких северных тундрах и узбеки-хлопководы в своей солнечной стране. Много таких бюстов выпускает фарфоровый завод, а все не хватает.

В советских витринах музея множество ваз, тарелок, чашек и фарфоровых фигурок. Посмотришь эти изделия — словно прочтешь всю историю нашей Родины за годы, прошедшие с Октябрьской революции. Сколько тут нового, интересного, красивого!

Вот две фигурки: рабочий-красногвардеец с винтовкой и матрос с красным знаменем. Такие смелые, решительные люди стояли, верно, на страже у Смольного в историческую ночь на 25 октября 1917 года.

А вот красный партизан шагает по снежным сугробам. Он в овчинном тулупе, в валенках, с самодельным обрезом за спиной, но на шапке у него уже блестит красная пятико-

нечная звезда. Он вступил в Красную Армию и в ее стройных рядах будет сражаться с белыми.

Вот и сам герой гражданской войны — Чапаев. Он мчится на бодром скакуне, бурка его развевается по ветру, на лице решимость, отвага, воля к победе. Сколько поражений нанес он белым своими смелыми, быстрыми, как вихрь, налетами!

А вот вещи, сделанные в те дни, когда Юденич стоял под Петроградом и в городе было так мало хлеба, что каждую его корку приходилось беречь для бойцов. На тарелке красивая, четкая надпись: «Кто не работает — тот не ест!» Рядом с этой тарелкой стоит фигурка девушки-милиционера с винтовкой за плечом. Такие девушки охраняли тогда революционный порядок в осажденном городе, потому что все мужчины ушли на фронт. С усмешкой поглядывает фарфоровая милиционерка на другую фигурку — на буржуйку с разной рухлядью в руках. Буржуйка заносчиво подбоченилась и задрала голову: меня, дескать, не заставишь работать! Она продаст на рынке свои старые юбки, бусы и другие побрякушки.

Трудящиеся Петрограда отразили натиск Юденича — пришлось белому генералу убраться несолоно хлебавши. Об этом событии рассказывает живопись на вазе: темной ночью идут на фронт красные отряды, ошестинившись ружьями, волоча за собой пулеметы. А вот они возвращаются обратно ясным утром. Они победили. Красные знамена блещут на солнце.

Все эти вещи яркие, блестящие, фигурки выразительные и оживленные. Так и кажется, что они шевелятся за стеклом.

Они не оставляют равнодушным того, кто на них смотрит. На разных людей они действуют по-разному.

На выставке в Брюсселе кучка русских эмигрантов бросилась громить советскую витрину, и нарядные дамы побили зонтиками наши чашки. Видно, рассердили их советские изделия.

А французские работницы, приехавшие в Ленинград, долго и внимательно рассматривали советский фарфор в музее завода и выбрали себе фигурку «Работница, говорящая речь». Они повезли эту фигурку в Париж в подарок газете «Работница».

Всемирно известный физик увез с собой в Англию фигурку «Работница, вышивающая красное знамя».

Такая же фигурка отправилась на другой конец света в чемодане японского студента, сотрудника рабочей газеты. Французский депутат-социалист увез на родину фарфоровых пионеров. Турецкие делегаты — фигурку женщины, сбрасывающей чадру.

Да мало ли советских фарфоровых фигурок, чашек и тарелок раскидано теперь по всему свету!

Везде и всюду эти хрупкие, блестящие вещицы смело говорят тому, кто смотрит на них:

«К великой борьбе за дело трудящихся всего мира — будь готов!»

Художники завода любят свою Родину и чтут память великих людей ее прошлого. В музее завода мы увидим изображение прекрасного поэта Грузии — Шота Руставели, фигурки и портреты Пушкина, бюст великого ученого Менделеева.

Но еще интереснее, еще красивее вещи, сделанные совсем недавно, посвященные великим победам социализма. Вот сервиз «От тайги до постройки». Живопись на нем рассказывает о том, как в дремучей тайге, на мерзлых болотах советские люди строят фабрики, заводы и новые города, — превращают суровый Север в богатую, счастливую страну. На сервизе «Кировск» написаны виды нового чудесного города за Полярным кругом.

А вот фарфор, посвященный прекрасным сооружениям советской столицы: сервиз «Первое метро СССР» и большая ваза «Канал Москва — Волга». Блестит голубая вода нового канала, сияют на солнце верхи Кремлевских башен.

Другие изделия рассказывают нам о героических подвигах советских людей. Вот сервиз «Челюскин», ваза «Северный морской путь», другая ваза — «Перелет через Северный полюс» и фарфоровая группа «Папанинцы». Четыре героя стоят на снежной глыбе, всматриваясь вдаль. Пес Веселый тоже тут, насторожился, нюхает ветер. Завоеватели Северного полюса ждут вестей с «Мурмана» и «Таймыра». Над ними развевается красное знамя.

Вот большая чернильница, украшенная фигурами, — «Обсуждение проекта Советской Конституции в узбекском ауле». Узбеки в полосатых халатах и узорных шапочках сидят кружком на ковре. Они слушают чтение «Правды». Женщина с ребенком на руках тянется поближе к чтецу. Радостно ей слушать о том, что говорится в Конституции о правах женщины. Седой старик задумчиво поглаживает бороду, как бы говорит: «Советская Конституция — это мудрый закон, хороший закон».

Растет и крепнет колхозное хозяйство в Советской стране. Вот на большой вазе изображен колхозный фруктовый сад. Загорелые девушки снимают с деревьев сочные, румяные яблоки. А вот другая фигурка — колхозница вышла поутру покормить молодой скот. Жеребенок, теленок и поросята радостно бегут следом за ней.

Не унимаются враги Советского Союза. Они посылают к нам своих шпионов и диверсантов, чтобы повредить делу социализма, они готовятся напасть на наши границы. Но Красная Армия всегда настороже, всегда готова отбить удар.

Вот фарфоровая группа «Конная разведка». Два красных бойца верхом на конях зорко всматриваются вдаль и обсуждают между собой расположение сил противника. А вот еще группа: школьник прибежал на пограничную заставу и рассказывает бойцам, что он видел в лесу нарушителя границы. Бойцы готовят винтовки, зовут собаку, — сейчас они пустятся по следу врага. Все эти фигурки сделаны просто, без фокусов и ухищрений.

Кроме фигурок, сервизов, ваз, завод изготавливает вещи, которые необходимы электростанциям, колхозам, научным институтам.

В цехах завода мы увидим немало таких умных вещей.

Вот на длинных досках стоят рядами, как серые солдатики, маленькие фарфоровые столбики. Каждый не больше мизинца. Посредине столбика широкий поясик, верхушка сужена. Вид у столбика неказистый.

А без такого столбика не двинется с места ни один автомобиль, ни один трактор.

Это изоляторы для автосвечей.

Мотор трактора, автомобиля, аэроплана работает потому, что в нем непрерывно происходят взрывы. Взрывается газовая смесь и толкает поршень. Вал мотора приходит в движение.

Чтобы произошел взрыв, нужно зажечь смесь. Нужно, чтобы вспыхнула искра и запылила пары бензина или керосина. Магнето дает мотору электрический ток, а искру дает автосвеча.

Главная часть автосвечи — фарфоровый изолятор. Он не позволяет току убежать по металлу автосвечи — он заставляет ток дать искру.

Выньте из зажигалки кремень — придется выбросить зажигалку. Выньте из человеческого сердца желудочек, который, сокращаясь, толкает кровь, — придется хоронить человека. Выньте из трактора, автомобиля, аэроплана изолятор — никуда не будет годна машина.

Вот какую важную службу несет маленький серый солдатик.

Он очень вынослив. Ему приходится терпеть и встряску от взрывов, и толчки машины, и жару градусов в 600, и двадцатиградусные морозы. Его делают из особенно прочной массы, в которую вместо шпата и кварца подбавляют тальк. Его об-

жигают в особых электрических печах. Для него выстроили особый машинный дом, где готовится особая масса.

Делают автосвечной изолятор так. Машина выдавливает длинные колбаски из желто-коричневой массы. Механический ножичек режет колбаску на равные кусочки. Каждый кусочек — болванка будущего изолятора. Станок пробивает в болванке сквозное отверстие для электропровода. Другой станок в один миг придает болванке форму изолятора. Три ножичка врезаются в болванку. Вж-жиг!.. Только глиняная стружка валится гирляндой под станок. А работница уже ставит обточенный изолятор на доску и берет следующую болванку.

Делают изоляторы быстро, а проверяют и осматривают их медленно, тщательно.

Вышел изолятор чуточку тоньше или толще, чем нужно, — он уже не годится. Он не подойдет к металлическим частям автосвечи, которые делают на другом заводе.

Маленькая трещинка, еле заметный пузырек или плешинка на глазури тоже делают изолятор негодным. Такой изолятор пропустит ток.

Самая серьезная проверка изолятора — испытание электрическим током. Выдержал изолятор это испытание — значит, он годен на советскую службу.

На заводе мы увидим разные изоляторы — от маленького автосвечного до огромного, чуть не в половину человеческого роста, изолятора для трансформаторов наших новых электростанций. Есть тут и подвесные изоляторы-тарелки, которые, словно серьги-великаны, висят, покачиваются в ушах сквозных железных башен, передающих ток на большие пространства.

Изоляторы везде и всюду караулят ток, не дают ему убежать от работы, направляют его туда, где он облегчит, ускорит, улучшит труд людей.

Люди научились использовать удивительное свойство фарфора — его диэлектричность, то есть неспособность проводить электричество.

Есть у фарфора и другие ценные свойства. Блестящую, твердую поверхность фарфора не разъедает никакая кислота, кроме плавиковой. Фарфор, как говорится, кислотоупорен. А для чего нам нужна посуда, которую не разъедали бы кислоты?

Прежде всего для очистки золота. Золото часто находят в руде в виде мельчайших золотых пылинок, вкрапленных в твердую кварцевую породу. Отделить эти пылинки от кварца было бы невозможно, если бы нам не помогала химия.

Химики нашли очень сильную кислоту — цианистый ка-

лий. Такая едкая эта кислота, что если человек проглотит хоть крупинку, он сразу же умрет. Цианистая кислота растворяет в себе золото, а на кварц она не действует. Мелко истолченную золотую руду заливают цианистой кислотой. Кислота вбирает в себя все золотые пылинки, «выедает» их из частиц кварца. Тогда получается жидкий золотой раствор, а его уже не трудно отделить от твердых кусочков руды — слить или процедить. Потом раствор сгущают и добывают из него золото.

Никакие деревянные, глиняные или металлические сосуды не годятся для этой работы. Кислота разъедает все, растворяет любой металл. В металлическом сосуде золотой раствор получается не чистый, а с примесями, от которых опять приходится очищать золото.

А фарфор не поддается цианистой кислоте. Ведь в его состав входит кварц. Завод делает большие фарфоровые чаны и чаши для очистки золота. Такие огромные делаются здесь чаши, что тяжелые гипсовые формы, в которые заключают эти чаши, приходится поднимать особым подъемным краном.

Из всех кислот только плавиковая кислота разъедает фарфор. Бывает, что живописец отдаст в обжиг свою работу, не заметив, что он оставил на ней какое-нибудь ненужное пятнышко или штришок. Выйдет работа из обжига — как ее исправить? Обожженную краску уже ничем не отмоешь. Тогда живописец берет бутылочку с плавиковой кислотой и, обмакнув в нее обструганную щепочку, осторожно трет кислотой ненужное пятнышко на фарфоре. Кисточкой этого делать нельзя — кислота испортит кисточку. От кислоты идет едкий дымок — щиплет глаза и нос. Пятнышко на фарфоре сначала побледнеет, а потом вовсе исчезнет, съеденное кислотой. На глазури останется мутное, неблестящее местечко, потому что кислота, растворяя краску, разъест и глазурь. Плавиковая кислота не часто употребляется в производстве, а никакой другой кислоты фарфор не боится.

Для азотной кислоты завод делает большие узкогорлые кувшины. Они называются «турулло».

Для приготовления борной и лимонной кислот, для аспирина, пирамидона и других лекарств здесь делаются фарфоровые котлы с крышками. В таких же котлах при помощи кислот готовят разные краски — для тканей, для окрашивания домов, автомобилей, трамваев и других вещей.

А сколько кислотоупорной посуды требуется химикам в наших лабораториях, где каждый день делают анализы при помощи кислот! Завод вырабатывает разные чаши, чашки с утиными носами, лодочки, мензурки, воронки, трубки для

стока кислот, которые употребляются в лабораториях.

Ломоносов писал когда-то:

В земное недро ты, химия,
Проникни взора остротой...

В наше время химия проникла в земное недро. Советские лаборатории исследуют, анализируют, пробуют новое сырье, металлы, минералы, которые приносят им разведчики со всех концов Союза. Каждый день открывает новые богатства в недрах нашей страны. Лаборатории работают на фарфоровой посуде Ломоносовского завода.

Завод делает и большие тигли и маленькие тигельки величиной с наперсток. В них можно выпаривать любую жидкость на большом огне. Это свойство фарфора — его огнеупорность — знал еще Бетгер. Он искал огнеупорную массу для своих тиглей и нашел красную фарфоровую глину.

У нас на производствах уже ставят фарфоровые котлы, а скоро и в домах заведутся блестящие коричневые кастрюли из керамических масс, чистые, нержавеющей, не требующие полуды.

Фарфор заменяет металл. На Ломоносовском заводе мы увидим электрические утюги и чайники, дверные скобы и вешалки из керамических масс, фарфоровые радиаторы для парового отопления, фарфоровые трубы, трубки, трубочки. Одни трубки длиной почти в 2 метра, другие — маленькие, тоненькие, диаметром в 0,35 миллиметра.

Длинные трубки — для пирометров, измерителей температуры в печах. В такую трубку заключают термопару — две проволоочки из разных металлов, между которыми возникает электрический ток. Фарфоровая трубка, заключающая термопару, вставляется, вмазывается в печь. Чем толще стенка печи, чем дальше от ее края надо измерить температуру горна, тем глубже вставляется термопара, тем длиннее должна быть фарфоровая трубка. Она защищает термопару от огня.

Сквозь маленькие, тоненькие трубки вытягивают тончайшие проволоочки-волоски для электрических ламп.

Эти трубки по тонкости не уступают цветочным тычинкам мастера Иванова. Они даже перещеголяли эти тычинки, потому что в каждой из них два сквозных отверстия для проволоочек. Отверстия еще видны глазом — их диаметр 0,1 миллиметра.

Есть у фарфора еще одно древнее свойство — чистота. Вспомните феодалов, которые предпочитали есть на фарфоровых блюдах, чтобы не положить в рот какой-нибудь гадости вместе с пищей, поданной на темной металлической посуде.

Это свойство не забыто и сейчас. Мы тоже хотим есть на чистой фарфоровой посуде, в наших лабораториях чистота — первое условие работы. Нам хочется и самих себя держать в чистоте.

А вот зубы портятся. Гнилой зуб загрязняет весь рот. Его нужно вырвать. А без зубов трудно жевать.

Фарфор и тут приходит на помощь. Фарфоровые зубы чище и крепче, чем металлические, а по виду они ничем не отличаются от настоящих зубов.

Можно делать зубы всех оттенков — желтоватые, голубоватые и молочно-белые. Они похожи на ракушки «яо», которые Марко Поло привез из Китая. Для них делают особую массу, их обжигают в особых электрических печах.

Прежде фарфоровые зубы привозились из-за границы. Состав зубной массы на Западе держали в тайне. Но советские керамисты открыли этот секрет.

Так хорошо работал зубной цех Ломоносовского завода, что из него сделали особую зубную фабрику, которая теперь работает самостоятельно. Эта фабрика — родное детище Ломоносовского завода.

Вот как работает Ломоносовский завод, бывшая «фарфоровская богадельня». Он участвует во всей жизни страны. Ни одна отрасль промышленности не обходится без фарфора.

На дворе завода, там, где в годы гражданской войны над кучами проледенелых дров торчал забытый чугунный бюст Елизаветы, теперь стоит новый трехэтажный корпус. Его высокие стены прорезаны огромными четырехугольниками окон. Старые корпуса завода как будто принизились и покривились от соседства с новым, стройным зданием.

В новом здании светло, просторно, тепло. Здесь готовят особенно тонкую массу для тоненьких фарфоровых трубочек.

В художественной лаборатории работают художники. Скульпторы лепят новые модели фигурок, живописцы делают новые рисунки для росписи ваз и сервизов. Они придумывают новые формы посуды, удобной, чистой и дешевой, для общественных столовых. Они изобретают новые способы украшения фарфора красками, золотом и лепкой.

Лаборатории делают опыты, пробуют изобретать. Когда изобретение проверено, его передают на производство. Но и в цехах работники лабораторий не спуская глаз следят за работой изделий.

Все должно быть проверено, сосчитано, проконтролировано в новом, социалистическом производстве.

Старой, расхлябанной работе на глазок да на авось пришел конец.

Китайский секрет перестал быть секретом.

Кусочки драгоценного «яо» работают нам на пользу везде вокруг нас. В каждом выключателе, который вы рассеянно поворачиваете, зажигая свет в своей комнате, есть фарфоровая пластинка. Она сберегает для вас ток.

Наливая чай в звонкую чашку, глядя на борозды, которые проводит трактор по колхозному полю, и прислушиваясь к гудению телеграфных столбов, обвешанных изоляторами, как стебель колокольчика цветами, вспоминайте о том долгом пути, который прошел фарфор, прежде чем стать нашим помощником в строительстве нашей страны.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Многие читатели спрашивают: что в этой книге правда, а что выдумано автором?

Жили ли на самом деле Бетгер и д'Антреколле? Существовал ли город Кин-те-чен и почему его нет на географической карте?

Если Виноградов жил на самом деле, то почему фарфоровый завод зовется Ломоносовским, а не Виноградовским?

Откуда автор узнал все, о чем говорится в книге? Один мальчик написал мне: «Если книга будет опять печататься, пусть автор расскажет в предисловии, как он ее писал и что было для этого ему нужно».

Все, о чем рассказано в этой книге, было на самом деле. О жизни китайцев в XVIII веке я узнала из трудов английских и французских ученых. Я читала письма д'Антреколле к отцу Орри, в которых он описал Кин-те-чен и фарфоровые фабрики. Но хитрый монах не рассказал своему начальнику, как ему удалось выведать подробности о выделке фарфора, проникнуть к печам и подсмотреть обжиг. Мне пришлось рассказать за него. Быть может, прятался он не под глиняными коробками, а за кучей дров возле фарфоровой печи. Но разве это не все равно? Кин-те-чен существовал почти девятьсот лет. Он находился в Восточном Китае, в провинции Цзяньси, на берегу реки Чанг, впадающей в озеро По-ян-ху с северо-востока. Лет семьдесят назад в том краю вспыхнуло восстание. Войска, усмирявшие мятеж, превратили город Кин-те-чен в груду развалин. Потому-то этого города нет на карте.

Главные события в жизни Бетгера рассказаны мной так, как они были на самом деле. Биографию Бетгера я прочла в книгах немецких историков фарфора. Но о смерти Бетгера историки говорят по-разному. Одни думают, что он умер в тюрьме, приговоренный к виселице, другие уверяют, что он

скончался дома на своей постели, осыпанный благодеяниями доброго и терпеливого короля Августа. Я больше верю первым историкам.

В главе о Виноградове почти все правда. Конечно, я не ручаюсь, что Митя Виноградов дрался в Марбурге со студентом по имени Отто. Может быть, он колотил Карла или Фрица. Но письма Вольфа, Гунгера, Виноградова, приказы Черкасова, сведения о выделке порцелина и жизни рабочих — подлинные документы. Они хранятся в архивах. Автор изучил эти документы.

А в последней главе книги ничего не пришлось выдумывать. Старожилы Невской заставы рассказали мне про директора Гурьева, про забастовки «по приказу», про последний приезд царя на завод.

«Крыс», портивших первую советскую посуду, я видела сама, и слова Луначарского о новом фарфоре сама слышала, потому что тогда я работала на заводе. Я расписывала чашки и фарфоровые фигурки в живописной мастерской, заглядывала и в другие цехи завода.

О подпольной работе большевиков и о стачке на императорском заводе мне рассказали рабочие завода — участники этой стачки.

Завод назван Ломоносовским вот почему. Когда Академия наук праздновала свое двухсотлетие, фарфоровцы поднесли ей большое блюдо своей работы и просили, чтобы заводу было дано новое название в честь юбилея Академии наук. Тогда было решено назвать завод именем Ломоносова в честь первого русского академика, вышедшего из народа.

Как видите, для того чтобы написать эту книгу, нужно было прочесть уйму книг на четырех языках — о монахах, о рыцарях, об алхимиках, о китайцах и о русских царицах; нужно было порасспросить многих людей, нужно было автору самому много видеть и поработать на фарфоровом заводе и побродить по Шлиссельбургскому тракту, отыскивая следы старины и думая о прошлых временах.

Следы старины нелегко найти. Их почти нет. На том месте, где Виноградов переплывал Неву в лодочке, выстроен теперь большой, красивый мост. В тени прибрежных раkit уже не прячется дряхлая фарфоровая церквушка. Там раскинулся пышный зеленый сад. Вдоль берега, где прежде, кряхтя и посапывая, ползал паровичок, теперь шустро бегают трамваи.

Все изменилось за Невской заставой. Только Нева течет по-прежнему; над плоским мысом, как встарь, встает по вечерам круглая луна, да каменные сфинксы, как встарь, стерегут бириновский дворец.

Вот если бы автору увидеть своими глазами все, что видели эти сфинксы! Бывало, подкатывала к ним золоченая карета, из нее выходил нахмуренный вельможа, стучал красным каблучком по каменным ступеням. Потом бродил здесь Дмитрий Виноградов, обдумывая рецепты фарфоровой массы. Потом пробегал здесь Бабушкин, пряча под курткой революционные листки. Наверное, проходил здесь Владимир Ильич Ленин.

Одряхлели эти сфинксы, пошатнулись их подножья, каменные лица почти стерлись от времени. Зато в старом дворце уже не трактир, а читальня имени Н. К. Крупской.

Раздумывая над этими каменными сторожами дворца, автор мысленно переносился в прошлое. Автор переживал с Бетгером его гибель, с Виноградовым — его страшную судьбу, и радовался, что те жестокие, темные времена прошли.

Прошли и не вернуться никогда.

Так была написана эта книга.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

С тех пор как вышла книжка Е. Данько «Китайский секрет», на советских фарфоровых заводах многое усовершенствовано, много введено нового, и глава «Как теперь делают фарфор» уже не дает полного представления о современном производстве фарфора.

Поэтому мы обратились к писателю А. В. Перегудову, который долгие годы живет рядом со знаменитым Дулевским фарфоровым заводом и хорошо знает состояние этого производства, с просьбой рассказать о том, как теперь делают фарфор.

* * *

Каждое фарфоровое производство имеет четыре основных цеха: 1 — массозаготовительный, где готовится фарфоровая масса; 2 — формовочный, где формируют или отливают изделия; 3 — горновой (туннельный), где эти изделия обжигаются, и 4 — живописный, где раскрашивается фарфор.

Фарфоровых масс много, но в каждую из них обязательно должны входить каолин, глина, шпат и кварц. Эти составные части массы могут входить в различных соотношениях, в зависимости от того, какой фарфор хотят получить. Самый большой в Советском Союзе и в Европе Дулевский фарфоровый завод готовится массу, куда входят: каолин — 35%, полевого шпата — 18%, кварцевый песок — 24%, глина дружковская (добывается возле станции Дружковская, Южная ж. д.) — 11%, череп литой — 6%, череп утильный — 6%.

Политым черепом называют битый фарфор, покрытый глазурью; утильным черепом — черепки неглазурованного фарфора, прошедшего первый обжиг.

Полевой шпат обжигают в особых печах и после обжига быстро охлаждают, выгребая из печей на свежий воздух или брызгая на него водой. От резкого изменения температуры камни трескаются и легче дробятся под «бегунами» — жерновками, дающими первый грубый размол. Тонкий размол производится в «барабанах» — больших железных цилиндрах,

обложенных внутри фарфоровыми или кремневыми плитами. В барабаны загружают шпат, кварцевый песок, череп, часть глины, заливают до трех четвертей водой и вращают со скоростью 18—19 оборотов в минуту. Размол происходит от трения и ударов кремневых шаров (круглой гальки, привозимой с Балтийского побережья).

Из барабанов массу сливают в большие чаны — мешалки. Добавляют воды, кладут каолин, остальную часть глины и перемешивают в течение двух-трех часов.

Из мешалок через особые сита и магнитные сепараторы, улавливающие частицы железа, жидкая масса сливается в бетонную яму, где вращающаяся ось с лопастями не дает ей отстаиваться.

Чтобы из этой массы приготовить пластичное тесто, из нее удаляют воду на гидравлических, так называемых фильтр-прессах.

Само приготовление фарфоровой массы в настоящее время производится так же, как и много лет назад.

Но в современном массозаготовительном цехе подача сырья, загрузка барабанов, разборка и сборка рам на фильтр-прессах механизированы. Особенно облегчена работа и повышена производительность труда на прессах.

Раньше рабочий должен был вручную отодвигать и задвигать тяжелые чугунные рамы, вручную таскать коржи (пласты фарфоровой массы). Теперь гидравлический затвор сам сразу задвигает все пятьдесят рам. На некоторых заводах установлены новые фильтр-прессы. Они подняты выше, автоматически раздвигаются и задвигаются, а коржи сами падают на транспортер и подаются к мялке.

Из массозаготовительного цеха подъемники доставляют массу в формовочный цех.

До Октябрьской революции формовочный цех назывался точильным. Рабочие-точильщики точили, то есть выделывали на механических гончарных кругах чашки, тарелки, блюда, чайники, лотки. Из-за отсутствия вентиляции в «точильной» столбом стояла ядовитая фарфоровая пыль.

Изделия сушились тут же на стеллажах при температуре 35—40° С.

В настоящее время ручная формовка изделий заменена формовкой на полуавтоматах. Полуавтомат, формирующий чашки, обслуживает одна работница. Она только ставит на круг полуавтомата форму, бросает в нее комок массы, и полуавтомат сам формирует чашку. Если на обыкновенном механическом гончарном кругу за восьмичасовой рабочий день формовщица давала 900 чашек, то на полуавтомате — 2 600.

Полуавтомат спарен с сушилкой. Формовщица снимает

форму с сырым изделием и ставит ее на конвейер сушилки, — в закрытой камере, обогреваемой паровыми калориферами, где температура воздуха достигает 65—70° С. На стеллажах изделия подсыхали целые сутки, а в современных сушилках — 3—4 часа.

Кроме формовки, применяется также литье фарфоровых изделий. Жидкую фарфоровую массу (шликер) наливают в гипсовые формы. Шликер оседает на стенках формы, а остаток его выливается. Раньше и эта работа производилась вручную. Теперь установлены сушилки для литья сервизных изделий (небольших лотков, селедочниц). Эта установка совмещает два процесса работы: литье и сушку. Наиболее усовершенствованным является полуавтомат «СКВ», сконструированный сотрудниками научно-исследовательского института керамики Слуцким, Каштелян и Васильевым. Он приспособлен для одновременного литья 60 чашек. Высушиваются чашки в течение трех минут.

Многие годы фарфор обжигался в круглых горнах, похожих на огромные бутылки, дно которых покоится в подвальном помещении, а горлышко-труба возвышается над крышей трехэтажного корпуса. Фарфоровые изделия помещали в капсулы, круглые коробки из огнеупорной глины, и ставили их в горн с двумя этажами. В первом этаже при температуре 1350—1400° С обжигали фарфор, прошедший первый обжиг и политый глазурью; во втором при температуре 800° С происходил первый (утильный) обжиг высохших фарфоровых изделий. Во время обжига из трубы горна с глухим шумом зырывался столб пламени в несколько метров высотой, — тепло бесполезно уходило в воздух. Обжиг длился 27—30 часов, затем 40—45 часов горн остывал. Каждый раз перед обжигом входы в горн закладывались кирпичом и замуровывались, а после обжига снова разбирались. Все это представляло большие неудобства, горн больше «отдыхал», чем «работал». Да и труд обжигальщиков, работающих ломом и лопатой в жарком и дымном подвальном помещении, был невыносимым.

Отапливались горны дровами, торфом. Труд ставильщиков был очень тяжелым, и нужно было придумать какие-то иные установки, которые ускоряли бы обжиг, экономили топливо, поднимали производительность труда. И вот на смену круглым горнам пришли туннельные печи.

Туннельная печь представляет собой длинный (106 метров) канал, сложенный из огнеупорного кирпича. Концы канала закрываются опускающимися и поднимающимися ширмами. В нижней части канала проложены рельсы, по которым движется поезд из сорока четырех вагонеток. Платформы ва-

гонеток покрываются слоем огнеупорного кирпича толщиной в 40 сантиметров. Это делается для того, чтобы предохранить от страшной жары подвижную часть вагонеток. Кроме того, туннельная печь оборудована внизу особым песочным затвором, который изолирует внутреннюю полость печи от внешней среды.

В первой половине канала имеются газовые горелки, и здесь происходит постепенный подъем температуры. Вагонетки сначала поступают в зону с низкой температурой (50—100° С), затем температура постепенно поднимается и в середине печи достигает 1380—1400° С.

Во второй половине туннеля начинается постепенное охлаждение вагонеток холодным воздухом, нагнетаемым с противоположного конца канала. Проталкивание вагонеток через канал и выталкивание их из печи механизировано.

Работает туннельная печь непрерывно, дает 40% экономии топлива, поднимает производительность труда рабочих на 25—30%, а производительность самой печи по сравнению с круглым горном больше в 2,5—3,5 раза. Весь процесс обжига изделий в туннельной печи происходит за 28 часов, в круглом же горне — минимум за 72 часа.

Значительно улучшились условия труда ставильщиков. Обслуживая круглые горны, один ставильщик перебрасывал за смену до 70 тонн груза при температуре в 60—80° С, а при обслуживании туннельной печи на этажерочных вагонетках системы инженера Шульмана этот груз уменьшился в 14 раз. Обжигальщики туннельной печи работают не в жарком и дымном подвале, а в просторном, светлом помещении, так как печь отапливается газом, который подается со станции, вырабатывающей газ из торфа.

За ходом обжига следят контрольно-измерительные приборы: пирометры, измеряющие температуру; тягомеры, анализирующие течение воздуха в печи; газоанализаторы, показывающие состояние газовой среды (восстановительное и окислительное пламя); счетчики-газомеры, контролирующие расход газа и воздуха. Кроме того, на печах установлено автоматическое регулирование поступления воздуха и работы дымососа.

После первого (утильного) обжига фарфоровая масса каменеет, теряет всю влагу; черепок, обожженный в утильном огне, брошенный в воду, уже не размокает.

Утильный фарфор покрывается глазурью. (Состав глазури: 11 частей каолина, 32 части кварца, 12 частей шпата, 32 части политого черепа). Поливка изделий производится вручную. У больших деревянных чанов, наполненных молоч-

но-белой жидкостью, сидят женщины и девушки. Они окунают в чан и тут же вынимают фарфоровые изделия.

В самое последнее время на некоторых заводах начинают появляться полуавтоматы, которые глазуруют фарфоровые изделия.

Покрытый глазурью фарфор, подсохнув, идет во второй обжиг и оттуда выходит остекловевшим, белым и блестящим.

Из туннельного цеха фарфоровые изделия поступают в сортировочный цех. Фарфор с прилипшими во время обжига кусочками глины, с опльвом глазури, негладкими краями изделий направляется на шлифовальный участок, где на наждачных кругах зачищается, а на деревянных полируется.

Сортировочный цех направляет белый фарфор (белье) в последнюю обработку — в живописный цех.

Украшение фарфора производится в живописном цехе. Здесь керамическими красками и золотом раскрашивают вазы, фигуры, чайные сервизы, бокалы, пловницы (стенные блюда). Художники вручную наносят рисунки и орнаменты на особо дорогие изделия, которыми любуемся мы на выставках и в музеях. Массовый товар украшается при помощи печати, декалькомании и аэрографа.

Уже несколько лет на многих заводах работают конвейеры для нанесения печати на изделия.

На стальную доску с выгравированным на ней рисунком работница шпателем намазывает краску, вторая работница «стиркой» (бумагой) снимает излишек краски и накладывает на доску филигранную (тонкую папиросную) бумагу, покрывает кирзой (тонким войлоком) и кладет на ленту конвейера, который пропускает доску между вальцами, после чего рисунок с доски переходит на бумагу. Доска по конвейеру отправляется обратно, а бумага идет к мастерице, которая накладывает ее на изделие, прокатывает валиком, и рисунок остается на изделии.

Декалькомания (или просто «декаль») представляет собой переводные картинки, нанесенные на бумагу керамическими красками. Нанесение рисунков на фарфор с помощью декали известно в России с 1881 года, когда декаль впервые была применена на заводе Корнилова в Петербурге. Но раньше каждая декальщица проделывала всю работу от начала до конца, теперь же на фарфоровых предприятиях установлены конвейеры для перевода декали на фарфор.

Фарфор украшается также и при помощи аэрографа — машинки, работающей сжатым воздухом. В резервуар машинки наливается краска, при нажатии рычажка она распыливается на фарфор. Аэрографом можно не только сплошь покрывать краской фарфоровое изделие, но и наносить на него

рисунки. Для этого изделия покрывают трафаретом, изготовленным из тонкой жести.

В 1956 году рабочий Дулевского фарфорового завода В. С. Выборов сконструировал полуавтомат, сжатым воздухом наносящий краску на изделия. Производительность этого полуавтомата в два раза выше аэрографа. В скором времени будут установлены конвейеры с этими полуавтоматами.

Украшенные изделия поступают на обжиг в муфельный цех. Здесь они укладываются в решетчатые ящики и по рельсам двигаются в муфельную печь. Раньше такие ящики были чугунными, сейчас они изготавливаются из особой огнеупорной стали. Стальные ящики берут на себя меньше тепла, и с их применением производительность муфельной печи возросла на 25 %.

Керамические краски боятся восстановительного огня и «омывания» изделий пламенем, поэтому в муфельной печи фарфор защищен от огня коробками, стенки которых состоят из огнеупорных, склеенных между собой плит. В этих коробках при температуре 780—810° С керамические краски плавятся и закрепляются на фарфоре. Для того чтобы поддерживать данную температуру в коробках, в печи приходится держать температуру не менее 1350°. С применением для обжига генераторного газа стало возможным и легким регулировать постоянную газовую среду, то есть поддерживать окислительный процесс. Это дает возможность совсем отказаться от защиты раскрашенных изделий шамотными плитами и вести их обжиг открытым пламенем. Таким образом температуру в печи вместо 1350° С можно поддерживать максимум 950—1000° С, что резко снижает расход топлива, увеличивает производительность печей и поднимает качество обжига главным образом кислотоупорной (подглазурной) краски. Впервые в фарфоровой промышленности на Дулевском фарфоровом заводе устанавливается такая печь. Автором ее является старший научный сотрудник Керамического научно-исследовательского института Г. В. Шутый.

Для обжига раскрашенных изделий на Дулевском фарфоровом заводе стали также широко применять электромуфельные печи.

В магазинах не продается белый, нераскрашенный фарфор. В магазинах, музеях, на выставках мы видим фарфоровые вазы, тарелки, чашки, сервизы, фигуры, раскрашенные яркими керамическими красками и золотом.

Керамическими красками называются прочные минеральные краски, применяющиеся для окраски фарфора, фаянса, стекла, майолики, эмалей. Они представляют собой смесь стекла и различных сочетаний окислов металлов: железа, ко-

бальта, хрома, марганца, меди и др. Так, например, окислы железа дают красный цвет, окислы кобальта — от густо-синего до бледно-голубого, сурьмы и титана — желтый, окислы меди — турецкую, или египетскую, бирюзово-зеленую краску, которой на востоке обычно окрашены купола мечетей. Кроме окислов и солей, благородные металлы также дают своеобразные окраски; в частности, золото дает знаменитую краску «Кассиев пурпур».

Для получения красящих веществ (пигментов) сочетания окислов металлов или их солей обжигают при высоких температурах (до 1300° С), затем тщательно промывают, сушат, смешивают с легкоплавкими свинцовыми стеклами (так называемыми флюсами). Смесь размалывают в мельчайший порошок в шаровых мельницах. Этими порошками, разведенными на скипидаре, и раскрашиваются фарфоровые изделия. При обжиге флюсы расплавляются и «припаивают» краску к фарфору.

До Октябрьской революции производства керамических красок в России не было. Правда, некоторые старинные заводы (Попова, Гарднера, б. Императорского) производили отдельные краски для собственных нужд, но делалось это примитивно. Никакой исследовательской работы по получению красок в то время не велось, и далеко не всегда получались хорошие краски.

Способ получения таких красок был строго охраняемым «секретом». За эти секреты платились большие деньги, секреты отцы перед смертью передавали своим детям.

В основном же все красители для фарфоро-фаянсовой промышленности получались из-за границы от немецких, английских и французских фирм. За время первой империалистической войны импорт красителей из-за границы прекратился, но заводы еще долгое время работали за счет больших запасов красок, имевшихся на складах. К концу 1918 года запасы зарубежных красителей стали быстро иссякать, и перед живописными отделами фабрик встала угроза прекращения работы. Вот тогда-то по инициативе рабочего контроля и фабричного комитета самого большого в нашей стране Дулевского завода был приглашен инженер-химик Степан Герасимович Туманов для постановки опытов по получению керамических красок.

В то время заводы и фабрики нашей страны были уже национализированы¹, но в «правлениях» в большинстве случаев сидели владельцы этих фабрик. Так было и в «Правле-

---

¹ Декрет о национализации крупной промышленности был опубликован 28 июня 1918 года.

нии объединенных фабрик бывш. т-ва М. С. Кузнецова». Когда велись переговоры с Тумановым, фабрикант Кузнецов сказал ему:

— Не беритесь вы за это дело, все равно ничего не получится. Много было попыток организовать в России производство керамических красок, но все они кончились провалом.

Но молодого химика не пугали трудности, стоявшие перед ним, и он погрузился в малоисследованную область промышленности минеральных красителей.

В августе 1918 года на Дулевском фарфоровом заводе была организована небольшая лаборатория, в которой к концу ноября были получены три основные краски желтого, красного и зеленого тонов. С января 1919 года приступили к организации массового производства красителей. Штат лаборатории в то время состоял из четырех человек: инженера Туманова, двух рабочих и одного ученика. Туманов с энтузиазмом работал над изысканием красителей. Он поставил перед собой казавшуюся тогда почти неразрешимой задачу: разработать полную палитру керамических красок, организовать их производство на Дулевском заводе и тем самым освободить отечественные керамические предприятия от иностранной зависимости. К концу девятнадцатого года было получено восемнадцать различных тонов, но в этой палитре еще отсутствовали темно-синие, бирюзовые, розовые и пурпурные краски. Они появились через год.

Маленькая лаборатория с каждым годом разрасталась. В 1930 году был построен специальный корпус, и в 1931 году производство перешло в новое здание, где мастерские и лаборатории были оборудованы по последнему слову техники.

Так возник единственный в Советском Союзе Дулевский красочный завод. И если фарфор неразрывно связан с именем Д. И. Виноградова, то отечественные керамические краски неразрывно связаны с именем С. Г. Туманова. Уже в 1926 году создание основных палитр минеральных красителей было закончено, и этот год был последним годом импорта этих красок из-за границы. Оставался только один вид красителя, производство которого было строго засекречено в Германии: препарат жидкого золота, которым Германия снабжала весь мир.

Золото облагораживает фарфор, даже одна только золотая обводка (каемка по краю блюда, чашки или тарелки) придает фарфору теплый молочный тон. Рисунок на фарфоровых изделиях, подчеркнутый золотом, становится ярче, «веселее» и радует глаз. Золотом исстари раскрашивали фарфор, но это был очень дорогой вид украшений фарфоровых изделий, так как металлическое золото получали в порошко-

образном состоянии и наносили на изделия в смеси с висмутовым флюсом. Долгое время золото на фарфоре употреблялось только для особо дорогих изделий и массового применения не имело. Многие химики за границей пытались разрешить задачу удешевления этого красителя. В 1825 году доктором Кюном в Мейсене (Германия) был получен препарат жидкого золота, который благодаря высокой кроющей способности в десятки раз удешевил золочение фарфора. Это было большим открытием, и им с огромным успехом и прибылью в течение десятилетий пользовалась только одна Мейсенская мануфактура. Затем в шестидесятых годах прошлого века доктор Браун разработал промышленный способ получения этого препарата, и в Германии возникло строго засекреченное производство жидкого золота. Долгое время Германия была монополистом в производстве этого препарата и поставляла его во все страны мира.

В двадцатом столетии появились такие препараты во Франции и Англии, но они уступали по качеству знаменитому Браунскому золоту.

В России жидкое золото начиная с восьмидесятых годов прошлого века нашло самое широкое применение, и на рынках почти не было фарфора, не украшенного золотом. Особенно большой спрос на золоченые изделия был со стороны азиатских рынков: Афганистана, Бухары, Персии, Турции. Одна только фирма М. С. Кузнецова расходовала в год до 150 пудов жидкого золота.

В дореволюционной России были многочисленные попытки получения этого препарата, но успеха они не имели. Открыть секрет получения жидкого золота было заветной мечтой многих фабрикантов, а у некоторых из них эта мечта превратилась почти в сумасшествие. В Гжели (упоминаемой в книжке Е. Данько) лет пятьдесят назад содержал живописную мастерскую некто О. В. Орлов; он покупал у Кузнецова белый фарфор и раскрашивал его в своей мастерской. Этот Орлов всю свою жизнь изобретал жидкое золото, истратил на свои опыты несколько килограммов металлического золота, но удовлетворительных результатов не получил.

Еще в 1918 году, вскоре после организации лаборатории, Туманов начал опыты над получением жидкого золота. Он перечитал специальную литературу на немецком, английском и французском языках, надеясь почерпнуть в ней хотя бы скудные сведения об этом производстве. Но, как и следовало ожидать, засекреченное производство замкнулось в неприступных стенах, и в литературе о нем почти ничего не говорилось. Приходилось идти своей дорогой, прокладывая свой путь к достижению этой цели. В течение пяти лет тысячи опы-

тов проделал настойчивый исследователь. Наконец в 1923 году препарат жидкого золота был получен, и флакон с черной маслянистой жидкостью передан в живописный цех Дулевского фарфорового завода.

Черную жидкость кистью нанесли на фарфоровую чашку и поставили ее в муфельную печь для обжига. И вот инженер-химик бережно держит в руках чашку, окрашенную «своим» золотом. Рядом сидит начальник живописного цеха. Он говорит, что «свое» золото трудновато в работе, не так легко, как заграничное, наносится оно на фарфор, но в то же время это золото имеет хороший блеск и на изделиях почти не отличается от заграничного.

— Работать-то им можно? — спрашивает Туманов.

— Конечно, можно... Главное — свое. Заграница теперь отпадает.

Да, это был большой успех, но...

Прошел месяц, и к Туманову пришел начальник живописного цеха. Он принес флакон с черной жидкостью, поставил его на стол и огорченно сказал:

— Посмотрите, Степан Герасимович, что получилось.

Химик взял флакон, посмотрел на свет, встряхнул — и сразу померкла радость: металлическое золото выпадало из раствора. Препарат оказался нестойким и мог сохраняться не более месяца. Было очевидным, что секрет все еще оставался секретом.

Лаборатория прекратила выпуск этого красителя и снова приступила к методическим исследованиям. Снова было проделано множество опытов, были тщательно изучены качества русских скипидаров, условия получения органических соединений золота, подбора соответствующих растворителей и закрепителей. Теперь в работе приняли участие ближайшие сотрудники Туманова С. Н. Грачева, М. В. Лосева и др.

Прошло еще четыре года, и в 1927 году был получен препарат жидкого золота, не уступающий по своим качествам знаменитому Браунскому золоту. Немедленно было организовано его производство в широком масштабе, и импорт жидкого золота из-за границы был полностью прекращен. Дулевская лаборатория стала удовлетворять огромную потребность в этом красителе всей фарфоро-фаянсовой промышленности СССР.

Девять лет упорного труда увенчались блестящей победой.

Заслуженный деятель искусств художник Федоровский писал декорации для одной из постановок Большого театра. У художника не было хорошей синей краски. Кто-то посоветовал ему обратиться на Дулевский красочный завод, где Федоровский и достал нужный ему краситель. Этот краси-

тель был отличного качества, и художник счел его заграничной краской неизвестной ему марки. Спустя несколько лет, приступив к работе над панно для всемирной выставки в Нью-Йорке, Федоровский вспомнил о великолепной синей краске и послал за ней своего представителя.

— Не осталось ли у вас хотя немного той заграничной краски, которой вы когда-то снабдили Федоровского? — спросил представитель у научного руководителя завода.

С. Г. Туманов ответил, что на заводе заграничных красителей не имеется и что интересующая его краска — отечественного производства и может быть изготовлена в любом количестве.

Приехавший не поверил этому и взял для пробы небольшое количество краски, которая оказалась той самой, что искал Федоровский.

Этот и многие подобные случаи высоко ставили фабричную марку красочного завода. В области изучения и приготовления минеральных красителей заводом получена полная палитра всех известных в мировой технике красителей. Эти красители не уступают заграничным, а некоторые тона превосходят импортные. Пройден большой и славный путь. Вместе с заводом рос и С. Г. Туманов.

Мысль профессора все чаще и чаще обращается к подглазурным краскам. Они наносятся на фарфор, покрываются глазурью и идут в обжиг при температуре 1350° С. Как бедна палитра этих красок! Собственно говоря, палитры подглазурных красок совсем не существует: во всем мире известны только пигменты кобальта и частично хрома, которые выдерживают такие высокие температуры. Остальные минеральные краски при этих температурах разрушаются и не могут быть использованы для подглазурной раскраски фарфора. Вот если бы удалось создать краски, которые не разрушались бы при высоких температурах, обладали бы особо прочными свойствами к атмосферным воздействиям и были бы вечны не только на фарфоре, но и на полотнах.

Есть в природе ярко окрашенные драгоценные и полудрагоценные камни, они вечны. Их синтез давно известен, и почти сто лет назад люди научились изготавливать искусственные драгоценные камни. Но производство их очень дорого, так как оно требует применения высоких температур (порядка 1700° С). Эти камни изготавливаются в очень ограниченном количестве и используются почти исключительно в производстве часов и оптических инструментов. Кроме того, естественные и искусственные драгоценные камни, тонко размолотые, представляют собой бледно окрашенные порошки и не могут быть употреблены в качестве красителей. Да и размол та-

кого твердого материала, как например корунд, является очень дорогой операцией, требующей специальных помольных установок. Поэтому вопрос применения тонкомолотых драгоценных камней в качестве красителей никогда не ставился ни в научной литературе, ни в промышленности. Однако профессор Туманов поставил перед собой задачу получить в порошкообразном состоянии пигменты, которые как по своей структуре, так и по всем физическим свойствам полностью отвечали бы естественным драгоценным камням, но были бы во много раз сильнее их окрашены.

Степан Герасимович разработал свой план научно-исследовательской работы получения интенсивно окрашенных порошкообразных пигментов структуры драгоценных камней. Он остановился на корундах (рубины, сапфиры и шпинели). Кристаллическая структура этих соединений отличается особо прочной упаковкой атомов, что обуславливало исключительно высокую механическую прочность и химическую устойчивость этих драгоценных камней. Способность же шпинелей давать между собой так называемые изоморфные смеси открывала возможность получения большого разнообразия окрасок этих соединений. В лабораториях Дулевского красочного завода были получены новые пигменты чистых тонов, гораздо более устойчивые по сравнению со всеми пигментами, вырабатываемыми до сих пор. Но при детальном изучении этих пигментов оказалось, что они неоднородны, то есть полноты образования шпинелей в них не происходило и их устойчивость к действию химических реактивов была меньшей, чем у естественных корундов и шпинелей. Чего-то не хватало, а может быть, что-то мешало полноте завершения реакции образования пигментов.

Снова началась еще более кропотливая и упорная работа. Двадцать лет работы над минеральными красителями и около пяти лет работы над новыми пигментами потребовались С. Г. Туманову, чтобы в конце концов разработать простую и дешевую технологию получения особо прочных, вечных красок.

Профессор Туманов одержал самую большую в своей научной работе победу, над достижением которой тщетно бились ученые всего мира. В фарфоро-фаянсовом производстве сразу обогатилась бедная палитра подглазурных красок. Главное значение работы С. Г. Туманова в том, что она открыла новый путь к получению этих красок. Его вечные краски не будут выцветать на полотнах художников, они всегда будут ярки и молоды в монументальной живописи, в окраске дворцов, театров, павильонов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	3
Загадка Яо. Селадоны. Яичная скорлупа и ракушки. Искусственный порселен. Полк солдат за китайские вазы.	
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
Хитрый монах. Отец д'Антреколле. Город Кин-те-чен. Мандарин. Фарфоровые чудеса. Трудные заказы. Каолин и пе-тун-тсе. Кукольный театр. В мастерских. Четыре сокровища мудрых. Живописцы. Глиняные коробки.	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	29
Королевский алхимик. Берлин в волнении. Алхимики. Опасное занятие. Гонцы поскакали. Похищенный студент. Дом с гербом. Математик Чирнхауз. Барон Шрадер. В капкане. Волшебная тинктура. Непочтительная левретка. Отсрочка. Призрак виселицы. Август требует золота. Замок Альбрехтсбург. Господин с тремя лакеями. Нотус. Мудрый советчик. Химик Иоганн Бетгер. Красная посуда. Победа. Завет Чирнхауза. Пудренный парик. Подобный цветку нарцисса. Игра. Тюрьма или фабрика. Искусители. Зеркало. Донос. Снова тюрьма.	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	58
Фарфоровый завод веселой царицы. Слухи о Петре. Городок Санкт-Петербурх. Три студента. У профессора Вольфа. Проказники. Отъезд. Генкель. Минералогический кабинет. Первая ода Ломоносова. Кипа кружев. Молодые ученые. Шут. Барон Черкасов. Гжель. «Мылянка» и «песчанка». Дорога. На кирпичных заводах. Ссора. Арканист-неудачник. Победа химика. «Кибиточки любовной почты». Фигурка Атласа.	
ГЛАВА ПЯТАЯ	95
За Невской заставой. О чем рассказывает старый фарфор. Школа на Шлиссельбургском тракте. Фарфоровцы. Забастовки по приказу начальства. Рижские токари. Конец старого мира.	
ГЛАВА ШЕСТАЯ	124
Завод имени Ломоносова. Серп и молот на фарфоре. Как теперь делают фарфор. Сегодняшние чудеса. Об этой книге.	
<i>А. Перегудов.</i> Вместо послесловия	147

Данько Елена Яковлевна
КИТАЙСКИЙ СЕКРЕТ

Художник В. И. Мокеев.
Редактор В. М. Курганова.
Худож. редактор И. Л. Лившиц.
Технический редактор А. П. Матвеев.
Сдано в набор 23/IX-57. Подписано к печати 4/XII-57.
Формат 60 × 92¹/₁₆. Объем 10 печ. л. Уч.-изд. л. 9,9.
Тираж 75 000 экз. Индекс ХЛ-07. А 09565. Заказ 2943.
Цена 3 руб.

Издательство «Советская Россия»
Москва, Ветошный пер., 13/15.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

З Р

★ Советская
россия